

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

Осенняя научная сессия
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

**ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.
ЦЕНТР И РЕГИОНЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Материалы XIX Всероссийской научной конференции

Красноярск, 21 ноября 2024 г.

Электронное издание

Красноярск
2025

ББК 63.3(0)
И 907

Редакционная коллегия:

А.Г. Канаев (отв. ред.)

Е.Л. Зберовская

Е.С. Меер

И 907 **История мировых цивилизаций. Центр и регионы: исторический опыт взаимодействия:** материалы XIX Всероссийской научной конференции. Красноярск, 21 ноября 2024 г. [Электронный ресурс] / отв. ред А.Г. Канаев; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2025. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-722-5

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00102-722-5

(Осенняя научная сессия
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2025

От редакции

21 ноября 2024 г. кафедра всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в партнерстве с Союзом краеведов Енисейской Сибири в рамках Осенней научной сессии «Система педагогического образования – ресурс развития общества» провела XIX Всероссийскую научную конференцию «История мировых цивилизаций. Центр и регионы: исторический опыт взаимодействия».

Специалисты из разных общественных наук выступили в секциях конференции, обсуждая различные аспекты взаимодействия центра и регионов на основе как российского, так и зарубежного исторического опыта, при этом особое внимание было уделено реализации регионального компонента в современном школьном и вузовском образовании. Работа осуществлялась в очном и онлайн-формате. В ней приняли участие преподаватели, студенты, магистранты, аспиранты высших профессиональных учебных заведений, а также учителя и учащиеся общеобразовательных школ из различных российских регионов: Карелии, Хакасии, Москвы, Красноярского края, Волгоградской, Запорожской, Иркутской, Рязанской и Томской областей.

В докладах участников конференции и их обсуждении отразился неизменный интерес к истории и развитию различных регионов как важнейшему фактору социально-политического и духовного развития современного общества. Организаторы конференции уверены, что представленные материалы вызовут интерес у широкого круга специалистов из различных общественных наук – историков, философов, социологов, правоведов, культурологов и др.

**РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ**

**СЪЕЗД ПО СОЗДАНИЮ ИНСТИТУТА
ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ (ЯНВАРЬ 1919 г.)
О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ
С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО РЕГИОНА**

CONGRESS ON THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE
FOR SIBERIAN RESEARCH (JANUARY 1919)
ON THE NEED TO CHANGE RELATIONS
WITH THE CENTRAL GOVERNMENT IN THE STUDY AND
DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN REGION

**С.Т. Гайдин,
Г.А. Бурмакина**

**S.T. Gaidin,
G.A. Burmakina**

Институт исследования Сибири, периферийная территория, сибирская политика центральных министерств и ведомств, экспорт сырья, импорт готовой продукции, необходимость изучения природных ресурсов Сибири и развития ее производительных сил. В статье исследуется восприятие сибирскими учеными, предпринимателями, общественными деятелями Сибири отношения министерств и ведомств императорской России к изучению природных ресурсов Сибири и развитию ее производительных сил, рассматриваются их предложения по исправлению сложившейся ситуации.

Institute of Siberian Studies, peripheral territory, Siberian policy of central ministries and departments, export of raw materials, import of finished products, necessity of studying Siberia's natural resources and development of its productive forces.

The article explores the perception of Siberian scientists, entrepreneurs, public figures of Siberia of the attitude of ministries and departments of imperial Russia to the study of natural resources of Siberia and the development of its productive forces, considers their proposals to correct the current situation.

Проблемы взаимоотношения центра с окраинными территориями России в императорский, советский и пост-

советский периоды являются предметом политических и научных дискуссий и источником способов их оптимизации.

Длительное время Сибирь интересовала государство как поставщик пушнины и золота, место размещения ссыльнопоселенцев и ссыльнокааторжных. Вплоть до пуска в сквозную эксплуатацию Сибирской железной дороги она оставалась слабо освоенной и слабо связанной с европейской частью страны зауральской территорией. В период строительства Сибирской железной дороги государство по инициативе министра финансов С.Ю. Витте стимулировало вольное переселение в Сибирь, которое затем стало составной частью столыпинской аграрной реформы.

В условиях распада российской государственности и Гражданской войны Временное Сибирское правительство и Сибирская областная дума 4 июля (по старому стилю) 1918 г. приняли «Декларацию Временного Сибирского правительства о государственной самостоятельности Сибири» и заявили о необходимости экономического и социального развития региона [1]. Сибирская республика просуществовала до ноября 1918 г., когда колчаковский режим провозгласил концепцию единой и неделимой России.

Тем не менее Омское правительство продолжило курс на развитие Сибири. По инициативе сотрудников университета и Технологического института, расположенных в Томске, в январе 1919 г. в городе был проведен съезд по организации Института исследования Сибири, заявки на участие в котором прислали 240 ученых, предпринимателей, общественных деятелей со всей Сибири и Дальнего Востока. Материалы съезда были опубликованы [2].

В выступлениях и дискуссиях участников съезда была дана характеристика отношения министерств и ведомств Российской империи к изучению и развитию Сибири, а также сделана оценка степени ее изученности и освоения.

Многие участники съезда говорили о необходимости спешить с созданием самостоятельных сибирских учебных, научных, хозяйственных институтов, так как в случае восстановления единой российской государственности возможности для этого могли уменьшиться или исчезнуть.

В выступлениях участников съезда звучала критика существовавшей до начала мировой войны экономической модели, в рамках которой Россия занималась вывозом в западные страны дешевого сырья и приобретением у них по высоким ценам произведенной из него продукции. Министр просвещения В.В. Сапожников в речи на открытии съезда говорил, что мировая война показала культурную отсталость и промышленную беспомощность богатой ресурсами России, в которой население нередко голодает и нуждается в предметах первой необходимости.

По его утверждению, из-за отношения российского правительства к Сибири как к периферийной территории были слабо изучены ее природно-сырьевые, пушные, рыбные, растительные ресурсы, транспортные возможности рек, проблемы жизни «угасающего» инородческого населения [2, ч. 1, с. 14].

Ректор Томского университета А.П. Поспелов говорил, что университет, который за последние 30 лет увеличил контингент студентов в 30 раз, все это время не получал средств на расширение аудиторного фонда и строительство корпусов физического, химического и других институтов [2, ч. 1, с. 57].

Один из организаторов съезда профессор Томского технологического института Б.П. Вейнберг обратил внимание на то, что исследование Сибири на первых порах велось с хищническими целями для получения пушнины, а затем для выявления территорий, пригодных для размещения переселенцев. Он характеризовал исследовательскую деятельность различных министерств и ведомств на территории Сибири как несогласованную, узковедомственную,

недоступную для сибирских органов управления. Разные ведомства неоднократно картографировали для нужд одну и ту же местность, отправляя полученные результаты в свои ведомственные архивы [3, с. 27, 29, 35].

Выступая на съезде, представители различных научных направлений и видов хозяйственной деятельности называли конкретные последствия незаинтересованного отношения российского правительства к Сибири. Профессор И.Д. Андросов утверждал, что, несмотря на невозможность изучения Сибири в почвенном, геологическом и гидрологическом отношениях невозможно обойтись без точных топографических и географических карт. Центральное правительство накануне мировой войны проигнорировало предложение Всероссийского съезда маркшейдеров о необходимости создания междуправительственного органа по съемочным, геодезическим и картографическим работам [4, с. 3, 6].

Профессор П.Н. Крылов говорил, что растительность изучена лишь на пятой части территории Сибири, профессор А.В. Елисеев, что поверхностно обследовано только 18 %, а обустроено 2 % общей площади лесов Сибири, профессор Б.П. Вейнберг – что не исследованы 66 % ее флоры и 88 % почв, профессор М.Г. Курлов, что не изучено в химическом отношении 80 % лечебных минеральных источников Сибири [5, с. 3; 6, с. 34; 3, с. 31; 7, с. 109].

Следует признать, что в Сибири постепенно создавалась сеть исследовательских учреждений. В частности, после децентрализации в 1900 г. метеорологической службы России были созданы Екатеринбургская и Иркутская обсерватории. В состав Екатеринбургской обсерватории вошли метеорологические станции Приуралья и Западной Сибири, в состав Иркутской обсерватории – метеорологические станции Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей [8, с. 14]. Более того, по инициативе Томского общества изучения Сибири была создана парал-

лельная сеть метеорологических станций в Томской и Алтайской губерниях [9, с. 13]. В 1917 г. при поддержке Императорской Академии наук, Московского университета и сибирских предпринимателей была создана Байкальская гидробиологическая станция [2, ч. 3, с. 25]. В Сибири и Степном крае были заложены 22 опытных поля [10, с. 3].

Но ученые и специалисты, выступавшие на съезде, говорили о недостаточном интересе центральных органов страны к исследованию, использованию и охране возобновляемых ресурсов Сибири. Уполномоченный от промысловых охотников Томской губернии А.Н. Лялин считал ненормальным, что на Сибирь не распространялось действие принятого в 1892 г. Закона об охоте. Это, по его мнению, привело к подрыву популяции пушных зверей, особенно соболя, во многих регионах Сибири.

В свою очередь, профессор И.В. Кучин считал ненормальной ситуацию, при которой в Сибири добывалось менее пятой части возможного вылова рыбы, в то время как импорт рыбы в Россию в 15 раз превышал ее экспорт [11, с. 77].

Профессор В.И. Минаев утверждал, что в Сибири нет даже зачатков химической промышленности [12, с. 70]. Представители разных отраслей науки, ссылаясь на зарубежный опыт, предлагали строить в Сибири гидроэлектростанции, производить алюминий, за счет химической переработки каменного угля налаживать производство лекарств, красок, взрывчатых веществ, производить на экспорт сосновое и пихтовое масла, которые в мире использовались для флотационного обогащения руд [13, с. 70; 14, с. 67; ч. 2, с. 65].

Часть сибирских экономистов предлагали принять срочные меры по развитию производительных сил Сибири. Например, сотрудник Томского переселенческого отряда Н.А. Сборовский считал, что европейская часть страны в послевоенный период не сможет выдержать натиска западного капитала, который будет восстанавливать колониальную

модель эксплуатации природных ресурсов России. В этих условиях Сибирь, имеющая значительные продовольственные ресурсы, могла бы привлечь квалифицированных рабочих из европейской части и начать создание здесь собственной металлургической базы. Он не исключал восстановления и развития экономики России при опоре на сибирский ресурсно-производственный потенциал [15, с. 112, 113].

Работу съезда по созданию Института исследования Сибири можно рассматривать как первый шаг сибирского экспертного сообщества по оценке роли и места Сибири в общероссийском разделении труда, по обоснованию необходимости ускоренного изучения ее природных ресурсов и развития производительных сил. Следующий шаг – проведение комплексных научно-исследовательских работ и реализация комплекса мер по созданию многоотраслевой экономики Сибири.

Библиографический список

1. Декларация Временного Сибирского правительства о государственной самостоятельности Сибири [Электронный ресурс]. URL: // https://constitutions.ru/?p=8739_ (дата обращения: 01.11.2024).
2. Труды съезда по организации Института исследования Сибири / Изданы под наблюдением предс. съезда проф. В.П. Вейнберга. Томск: Типография Томской губернской сибирской дороги, 1919. 467 с.
3. *Вейнберг Б.П.* Задачи съезда по организации Института исследования Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 1. С. 26–39.
4. *Андросов И.Д.* К вопросу о желательной постановке геодезических работ в Сибири (Создание геодезического отделения Института исследования Сибири) // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 3–12.
5. *Крылов П.Н.* Задачи ботанико-географических исследований Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 2–5.

6. *Елисеев А.В.* К вопросу организации Отдела при Институте исследования Сибири в области народного лесоведения (Доклад по вопросу об Отделе лесоводства) // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 34–36.
7. *Курлов М.Г.* Целебные источники и озера Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 109–120.
8. *Шостакович В.Б.* Ближайшие задачи метеорологического исследования Сибири в связи с Институтом исследования Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 14–16.
9. *Дудецкий В.Д.* Организация метеорологической сети Томской и Алтайской губерний // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 13.
10. *Александровский М.Г.* Конструкция Отдела агрономии и лесоведения в Институте исследования Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 40–49.
11. *Кучин И.В.* Об экономическом значении и будущем рыбоводства и рыболовства в России; О задачах Отдела рыболовства и охоты // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 76–79.
12. *Минаев В.И.* Связь между задачами Института исследования Сибири и делом создания химической промышленности в Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 69–78.
13. *Поспелов А.П.* Координация работ по исследованию водных сил Сибири в связи с задачей получения азота и развития электрохимической промышленности // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 54–61.
14. *Чижевский Н.П.* Об исследовании минерального топлива в Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 66–68.
15. *Сборовский Н.А.* Институт практической экономической политики в Томске // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 109–114.

ПОНЯТИЕ СЕПАРАТИЗМА В ИДЕОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА

THE CONCEPT OF SEPARATISM IN THE IDEOLOGY OF THE SIBERIAN REGIONALISM

М.Г. Коваленко

M.G. Kovalenko

Регионализм, областничество, сепаратизм, Сибирь.

В статье представлен краткий анализ идеологии сибирского областничества, дуализма революционного и просветительского в данном движении, а также понятия сепаратизма, заложенного в концепцию областничества.

Regionalism, separatism, Siberia.

The article presents a brief analysis of the ideology of Siberian regionalism, revolutionary and educational dualism in this movement, as well as the concept of separatism embedded in the concept of regionalism.

Идеологическими предшественниками сибирских областников принято считать членов кружка Михаила Буташевича-Петрашевского, которые первыми сформулировали концепцию российского федерализма и местного самоуправления. Помимо этого, петрашевец Р.А. Черносвитов впервые высказал мысль о Восточной Сибири как специфической области, коренным образом отличной от Европейской России, и возможности ее отделения в самостоятельное государство. Именно Сибири Черносвитов определил роль «застрельщика» будущей революции [1, с. 26].

При этом нельзя отрицать основополагающую роль, которую на воззрения будущих областников оказало сочинение Петра Андреевича Словцова «Историческое обозрение Сибири». Ко второй половине XIX в. в Сибири происходит

рост численности населения, особенно городского, что влечет за собой развитие образования. В свою очередь, это привело к повышению интереса среди образованной молодежи к изучению малой родины. Книга Словцова имела большую популярность, именно в ней был сформулирован ряд вопросов, вокруг которых впоследствии строилась теория областничества: уголовная ссылка, экономическое и культурное развитие Сибири, взаимоотношения с аборигенными этносами. Стоит упомянуть, что П.А. Словцов принадлежал к российскому просветительскому движению, которое отличалось от западного тем, что либеральные идеи имели мало влияния на общественное мнение [2, с. 27].

Таким образом, на наш взгляд, еще до возникновения областнического движения в него был заложен дуализм революционного и просветительского начал.

Непосредственное формирование областнического движения сибиряков произошло в период 1850–1860 гг. и связано с возникновением в университетах Москвы, Казани и Петербурга студенческих объединений – землячеств. Земляческий кружок в Петербурге возник в 1858 г., но уже в 1859 г. из-за отъезда основателя кружка Н.С. Щукина в Иркутск приостановил свою деятельность до начала 1860 г., когда был воссоздан Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. Объединение насчитывало около 20 человек, оно активно участвовало в студенческих выступлениях и имело связи с народнической «Землей и волей».

Именно пребывание в Петербурге стало для многих активных деятелей областничества периодом тесного знакомства с идеей федерализма, которая постепенно в их глазах приобретает все большую связь с интересами Сибири. Г.Н. Потанин вспоминал: «Тогда мы поняли, что интересы Сибири противопоставлены интересам Москвы, но так как

мы были социалисты, то никогда не приходили к мысли о таможенной линии между Сибирью и Европейской Россией или, вернее сказать, никогда не лелеяли такую мысль. Она проскользнула в печати помимо нашего содействия и, вероятно, обязана своим появлением проснувшимся интересам сибирской буржуазии» [3, с. 160]. Идея о немедленном отделении Сибири была впервые высказана членом петербургского землячества, иркутским купцом 2-й гильдии Степаном Степановичем Поповым, автором прокламации «Сибирским патриотам», которая позже была переработана Н.М. Ядринцевым и С.С. Шашковым и опубликована под названием «Патриотам Сибири». Эти два документа легли в основу идеологии областничества 1850–1860-х гг.

В этих документах проявилась основополагающая концепция сибирского областничества – «Сибирь как колония». В качестве обоснования колониального статуса Сибири приводились следующие факты:

- 1) эксплуатация природных богатств региона;
- 2) искусственные препятствия развитию экономики региона;
- 3) уголовная ссылка и препятствование свободной колонизации;
- 4) стремление затормозить развитие регионального просвещения и культуры;
- 5) дискриминация аборигенных этносов [1, с. 38].

Угнетенное положение Сибири, по мысли авторов прокламации, позволяет ставить вопрос об отделении региона от России.

Однако смысл, который был заложен областниками в понятие «сепаратизм», заслуживает отдельного анализа. Большая российская энциклопедия дает определение: «Сепаратизм (от лат. *separatus* – отдельный), идеология и основанные на ней политич. движения, направленные

на отделение части территории от существующего государства и ликвидацию его суверенитета над ней» [4].

Теоретически признавая возможность самостоятельного существования региона, областники воспринимали его как идеал далекого будущего, а не актуальную проблему. «Сибирский сепаратизм» являлся для них скорее синонимом дефиниции «сибирский патриотизм» и возник как самоназвание группы молодых сибиряков-разночинцев, решивших посвятить себя делу служения Сибири. Главной своей целью они определяли распространение регионального самосознания (ответственности) среди сибирской молодежи, к сожалению областников, отличавшейся абсентеизмом и культурным безразличием. Г.Н. Потанин сетовал: «Казалось, что какую картину будущего благополучия в области не нарисуй, она не увлечет сибирского общества, не заставит задуматься над своей судьбой». «Представление же о независимом сибирском государстве вызовет радиальный переворот в умах, сдвинет их с места и заставит работать», – высказывал он надежду [5, с. 271].

Неоднозначность сепаратистской окраски областничества проявляется и в следующем высказывании Г.Н. Потанина: «Если представить в будущем Сибирь так же населенную, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее» [6, с. 197].

Таким образом, сепаратизм Сибири в концепции областников был скорее не целью, а средством пробуждения сибирского патриотизма. Призывая к отделению региона от России, областники воспринимали эту возможность как идеал отдаленного будущего, актуальными задачами движения считая преодоление экономической, социальной и культурной отсталости от метрополии и оживления политической жизни на окраине государства.

Библиографический список

1. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008.
2. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Спб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886.
3. Литературное наследство Сибири / редкол.: Н.Н. Яновский и др. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6.
4. Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3656853 (дата обращения: 01.11.2024).
5. *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. Спб., 1908.
6. *Потанин Г.Н.* Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB18002392/ (дата обращения: 31.10.2024).

**К ВОПРОСУ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ
ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ВО ВРЕМЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В 1930–1934 гг.**

ON THE QUESTION
OF THE ADMINISTRATIVE STRUCTURE
OF THE TERRITORY OF THE MODERN
KRASNOYARSK TERRITORY
DURING COLLECTIVIZATION IN 1930–1934

Р.С. Есин

R.S. Esin

Административное устройство, Красноярский край, коллективизация.

После революции 1917 г. и прихода к власти в России большевиков, сторонники социалистических преобразований предпринимали различные попытки найти оптимальное административное устройство Сибири. В итоге в декабре 1934 г. было принято решение о создании Красноярского края. На основании документов, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края, автор показывает, что одной из главных причин появления данного региона стало недостаточное внимание к территории Приенисейского края со стороны руководства Сибирского, Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского краев.

Administrative structure, Krasnoyarsk Territory, collectivization.

After the 1917 revolution and the Bolsheviks came to power in Russia, supporters of socialist transformations made various attempts to find the optimal administrative structure of Siberia. As a result, in December 1934, it was decided to create the Krasnoyarsk Territory. Based on the documents stored in the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, the author shows that one of the main reasons for the emergence of this region was the lack of attention to the territory of the Yenisei Region by the leadership of the Siberian, East Siberian and West Siberian territories

После крушения монархического режима и Гражданской войны в России пришли к власти люди с революционно-социалистическими взглядами, которые искали способы построения идеального, на их взгляд, государства, в том числе с помощью административного устройства территории нового государства.

Еще при монархии власти пытались найти идеальное устройство и разделение земель. Появившаяся при Александре I Енисейская губерния как самостоятельная административная единица просуществовала до 1925 г.

Большевики начали менять территориальное устройство России, и 25 мая 1925 г. был образован Сибирский край с центром в Новосибирске (в то время Ново-Николаевск). Новый регион включал в себя ряд округов, в числе которых были Красноярский, Ачинский, Канский, Хакасский и Минусинский.

Впоследствии данное административное устройство в связи с рядом недостатков было пересмотрено, и летом 1930 г. Сибирский край был разделен на Восточно-Сибирский (со столицей в Иркутске), к нему были отнесены территории Красноярского и Канского округов, и Западно-Сибирский край (со столицей в Новосибирске), к нему были отнесены территории Ачинского, Минусинского и Хакасского округов [1].

В дальнейшем в поисках наиболее оптимального административно-территориального устройства власти СССР пришли к решению о создании Красноярского края. Данный регион был образован решением Президиума ВЦИК 7 декабря 1934 г. В состав вошли 52 района и образованные в 1930 г. Таймырский и Эвенкийский национальные округа, а также Хакасская автономная область. Столицей края стал город Красноярск [2, с. 255].

Видимо, власти СССР не были удовлетворены результатами развития территории современного Красноярского края в 1925–1934 гг. В историографии данный вопрос отчасти детализируется, а также приводятся обобщающие тезисы о том, что создание Красноярского края позволило развить индустриальное строительство, начать масштабные стройки на территории региона [1]. Кроме этого, говорится о проблемах с поставками хлеба на территории современного Красноярского края [2, с. 255; 3, с. 254].

В Государственном архиве Красноярского края содержатся документы, которые позволяют отчасти уточнить ситуацию в вопросе о коллективизации на территории Приенисейского края в 1930–1934 гг., когда эти земли были поделены между Восточно-Сибирским и Западно-Сибирским краями, и увидеть причины образования нового региона.

В Государственном архиве Красноярского края в фонде Красноярской контрольной комиссии КП РСФСР [4] содержатся документы, которые одной из проблем в сельском хозяйстве называют тот факт, что во времена существования Восточной-Сибирского и Западно-Сибирского краев территория образованного в декабре 1934 г. Красноярского края входила в отдаленные районы этих регионов. Соответственно, должного контроля за сельским хозяйством окраин не было.

Несмотря на то что во время существования Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского краев (1930–1934) сельское хозяйство территории районов будущего Красноярского края развивалось, в документе 1934 г. перечисляются следующие проблемы, существовавшие в данный период: «Практика показала, что в районах, входящих в Красноярский край, уборка и сдача хлеба проводится с большим напряжением: затягивается косовица, вязка снопов, складирование, обмолот и вывозка хлеба, получают

большие потери, много хлеба остается не убраным и гибнет на корню, зерно получается влажное, и сдача хлеба государству затягивается.

Такое положение в значительной степени объясняется следующими причинами:

- 1) крайне сжатыми сроками уборки;
- 2) слабой населенностью;
- 3) чрезмерно низкой механизацией сельского хозяйства.

Массовая уборка хлеба обычно начинается со второй половины августа, и с этого примерно периода, т.е. в конце августа и в сентябре, проходят систематически дожди с небольшими в 2–3 дня перерывами.

В октябре уже начинаются сильные заморозки (прекращается пахота) и дожди начинают перемешиваться со снегопадом. Полевые работы в этот период принимают тяжелый характер: не убраный во время хлеб покрывается снегом, мокнет, зерно делается влажным.

Люди работают в зимней одежде, производительность труда резко падает, и все работы по молотье и вывозке хлеба затягиваются до глубокой зимы» [4, л. 68–69]. Преодолеть эти проблемы в документе предлагалось путем сжатия сроков уборки.

Далее в тексте документа вышеперечисленные проблемы сводились к тому, что главная их причина – это отсутствие должного контроля со стороны руководства Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского краев. Причиной этого, в свою очередь, была удаленность Иркутска и Новосибирска от территории Приенисейского края [4, л. 69].

В итоге можно заключить, что, несмотря на имеющиеся недостатки в работе, на территории современного Красноярского региона были проведены коллективизация и механизация сельского хозяйства. Но учитывая факт изменения административно-территориального устройства, а также

указанные выше факты, полагаем, что недостаточное внимание к территории Приенисейского края со стороны руководства Сибирского, Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского краев стало одной из главных причин образования Красноярского края.

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <https://красноярские-архивы.рф/about/news/1613> (дата обращения: 24.09.2024).
2. Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. Красноярск, 1982.
3. *Олех Л.Г.* История Сибири. Новосибирск, 2005.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.П.-26. Оп. 1. Д. 19.

«ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИИ

THE VYBORG APPEAL AND ITS IMPACT
ON THE SOCIO-POLITICAL LIFE OF THE PROVINCE

А.А. Кружалина

A.A. Kruzhalina

Депутат, Государственная дума, Выборгское воззвание, Иркутск, Красноярск, Сибирь.

В статье представлена характеристика процесса распространения «Выборгского воззвания» на территории Восточной Сибири в период организации избирательной кампании по выборам депутатов Государственной думы II созыва. На основе архивных источников, а также материалов периодической печати автор анализирует темпы распространения воззвания, а также реакцию на этот процесс со стороны представителей региональной общественности, политических объединений и власти.

Deputy, State Duma, Vyborg Appeal, Irkutsk, Krasnoyarsk, Siberia.

The article presents the characteristics of the process of distribution of the Vyborg Proclamation in the territory of Eastern Siberia during the organization of the election campaign for the election of deputies of the State Duma of the II convocation. On the basis of archival sources, as well as materials from the periodical press, the author analyzes the pace of dissemination of the appeal, as well as the reaction to this process from representatives of the regional public, political associations and authorities.

Становление парламентаризма в Российской империи сопровождалось нарастанием революционной ситуации, требовавшей незамедлительного реагирования власти. В этой ситуации ожидания, которые последняя связывала с лояльностью парламентариев, не всегда оправдывались.

I созыв Государственной думы был распущен спустя семьдесят два дня после начала работы по воле самодержца. Причиной послужило то, что «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область». Сочтя, что именно парламентарии своей деятельностью и пропагандой разжигают народное недовольство, вследствие чего «крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения», перешло к грабежам и неповиновению властям, император был намерен «всей силою государственной мощи привести ослушников закона к подчинению» своей воле [1].

Еще 27 июня 1906 г. П.А. Столыпин, осведомленный о предстоящем роспуске парламента, инструктировал губернаторов о незамедлительном принятии мер по «недопущению агитации бывших членов Думы и их пособников, привлекая виновных к ответственности» [2, л. 6–6 об.]. 9 июля 1906 г. из МВД последовала телеграмма уездным исправникам о необходимости «принять все меры к самому решительному предупреждению, подавлению волнений, которые не получают развития при уверенности населения и подчиненных Вам лиц» [2, л. 3].

Как известно, парламентарии, ознакомившись с текстом манифеста о роспуске Думы на дверях Таврического дворца, отреагировали незамедлительно. Внушительная часть депутатов, выехав в относительно «комфортный» в политическом отношении Выборг, собралась в гостинице «Бельведер». На встрече присутствовало, по разным источникам, от 78 до 220 человек, включая П.Н. Милюкова, чей проект в итоге был взят за основу. Обращение «Народу от народных представителей» («Выборгское воззвание»), по свидетельству исследователя К.А. Соловьева, в подлиннике содержало 170 подписей бывших парламентариев, преимущественно из фракции кадетов, а также части трудовиков,

социал-демократов и представителей мусульманской фракции. В дальнейшем к подписавшим присоединились еще 36 человек. Однако подлинные листы с подписями, вероятно, не сохранились. В отпечатанном в Выборге варианте указывалось на 181 подпись депутатов [3, с. 127].

Среди подписавших воззвание перводумцев были и сибиряки: представитель Томской губернии А.И. Макушин, депутаты от Тобольской губернии А.Н. Ушаков и С.И. Колокольников; парламентарии от Енисейской губернии Н.Ф. Николаевский и С.А. Ермолаев, а также В.И. Ишерский – представитель Акмолинской области.

В числе 55 депутатов, подписавших текст воззвания позднее, уже в Санкт-Петербурге, был и И.П. Лаптев, депутат от Сибирского казачьего войска. Однако этих бывших парламентариев в дальнейшем не привлекли к следствию, так как их подписей не было на подлиннике «Воззвания».

Уже 16 июля против подписавших «Воззвание» было начато уголовное преследование, вследствие чего 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. Большинство из преданных суду были осуждены на три месяца тюремного заключения и лишены избирательных прав вплоть до 1917 г. Интересен пример депутата от Акмолинской области киргиза А. Букейханова, который только 9 июля приехал в Санкт-Петербург, не успев посетить ни одного заседания Думы. Узнав о роспуске парламента, он тут же последовал в Выборг, где к заседанию в «Бельведере» также опоздал. Поэтому подписал уже оттиск воззвания в типографии, за что в дальнейшем был привлечен к следствию и наказан, как и многие другие, тюремным сроком и лишением избирательных прав [4, с. 613–614].

По стечению обстоятельств «повезло» Ф.И. Родичеву и нескольким его коллегам (М.М. Ковалевский, М.Я. Острогорский, А.Ф. Аладьин, А.А. Свечин, И.М. Васильев), которые

в этот период были с приветственным визитом на конгрессе Межпарламентского союза в Англии и присутствовать в Выборге не могли, потому смогли продолжить свою политическую карьеру и не понесли наказания, хотя «мыслями были в Бельведере».

В общем «Выборгское воззвание» преследовало целью пассивное сопротивление как способ борьбы народа за свои конституционные права. Примечательно, что оно продемонстрировало готовность к диалогу и сотрудничеству между представителями различных политических блоков: кадетов, трудовиков, социал-демократов и других.

Население империи и периодическая печать незамедлительно отреагировали на «Воззвание». Так как власть пресекала любые общественно доступные дискуссии по этому вопросу, то обсуждение в либеральной печати ограничивалось преимущественно информированием населения о ходе судебного процесса над перводумцами. Правоохранительные и епархиальные издания, наоборот, не стесняясь в выражениях, обрушились с критикой на подписавших документ.

Последователи подписавших «Воззвание» по всей империи стали повсеместно распространять текст нелегально, навлекая при этом на себя преследования властей. «Русский инвалид», например, сообщает, что 21 июля в Тифлисе «Воззвание» было выпущено «в громадном количестве экземпляров на русском и туземном языках» [5].

Не обошла эта тенденция стороной и Сибирь. Уже 12 июня на собраниях рабочих и мастеровых, общей численностью свыше 1000 человек была принята Резолюция Красноярского комитета РСДРП по вопросу роспуска Государственной думы [6, л. 2], отпечатанная в типографии комитета 13 июля 2000-м тиражом. В резолюции указывалось на невозможность «мирного исхода теперешнего положения»,

а также обозначался призыв к сплочению и единению с целью подготовки «вооруженного восстания рабочего класса вместе с революционным крестьянством и революционной армией» [6, л. 2].

15 июля 1906 г. датирована листовка Красноярского комитета РСДРП, выпущенная тиражом 5000 экземпляров, содержащая призыв к участию в митинге по вопросу разгона Думы [7, л. 1].

А уже 26 июля 1906 г. енисейский губернатор телеграфировал иркутскому генерал-губернатору о впервые обнаруженных в Красноярске текстах «Выборгского воззвания» [8, л. 1], «разбросанных в небольшом количестве по улицам» [2, л. 13].

Спустя месяц, 26 августа 1906 г., об обнаружении текста «Воззвания», отпечатанного в Читинской типографии комитета РСДРП с пометкой «196 подписей народных представителей», доносил военный губернатор Забайкальской области [9, л. 5]. На листовке с текстом воззвания указывалось, что всего было отпечатано 10 000 экземпляров [9, л. 6]. Зачастую такие донесения заканчивались делопроизводством, завершенным по причине отсутствия улик и необнаружения подозреваемых.

В отдельных случаях обнаруживались конкретные лица, подозреваемые в распространении «Воззвания». «Сибирская жизнь» 21 июля 1906 г. опубликовала телеграмму из Орла, указывающую на задержание некоего бывшего почтово-телеграфного чиновника Михайлова, ранее уволенного за забастовку, «раздававшего на улицах “Выборгское воззвание”» [10].

Один из членов Верхоленского отделения Всероссийского крестьянского союза Н.И. Мишарин привлекался к следствию по делу о распространении рукописного текста документа. В донесении Верхоленского уездного исправника

от 27 сентября 1906 г. указывается на факт расклейки прокламаций с текстом «Выборгского воззвания» в селениях Тутурской волости 17 сентября 1906 г. крестьянином Тимофеевым «по найму от крестьянина Николая Ивановича Мишарина» [11, л. 3–3 об.]. Последний был взят под стражу, посажен в Иркутский тюремный замок и на допросах многократно отрицал факт найма Тимофеева для распространения «Воззвания», а лишь для жатвы хлеба [11, л. 11–11 об.]. При обыске у Мишарина было обнаружено письмо, адресованное на его имя, с призывом к сотрудничеству с «Партией народной свободы» в рамках распространения кадетской газеты «Сибирская речь», датированное 2 июля 1906 г. [11, л. 396–396 об.]. Данный документ истолковывался следствием также в пользу возможного сотрудничества Мишарина и по распространению «Воззвания».

В начале 1907 г., находясь в Иркутском тюремном замке, Николай Иванович 24 января подал прошение на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления с целью получить разрешение на «выезд в селение Тутурское, где имеет домашнее обзаведение и крупное торговое дело» [11, л. 91]. 1 марта 1907 г. Мишарин был выпущен из тюрьмы под залог в 5000 руб. [11, л. 94].

Рассмотрение дела о противоправительственной агитации, начатое в отношении Мишарина и ряда других членов Верхоленского отделения Всероссийского крестьянского союза, продолжалось довольно долго. 16 февраля 1910 г. из канцелярии прокурора Иркутского окружного суда сообщали в Верхоленское уездное полицейское управление, что приговором выездной сессии Иркутского Окружного суда, состоявшейся в г. Верхоленске 21 сентября 1909 г., Н.И. Мишарин (44 года), А.И. Тюменцев (29 лет) и М.В. Воробьев (44 года) оправданы [12, л. 36, 90 об.]. На тот момент указанные лица находились в Верхоленском уезде, и мера пресе-

чения в отношении них по данному делу (освобождение под залог и поручительство) была отменена [12, л. 36 об.].

Таким образом, провинциальная Сибирь живо интересовалась событиями, происходящими в Европейской России вокруг «новоиспеченного парламента». Необоснованный роспуск Думы I созыва всколыхнул общественность повсеместно. Выборгское обращение депутатов-перводумцев стремительно распространялось по империи через нелегальные каналы информации (переписывалось от руки и отпечатывалось в типографиях региональных отделений партий, чьи соратники были в числе подписавших).

Менее чем через месяц после подписания воззвания его копии массово обнаруживались в губернских центрах по всей России, включая Восточную Сибирь. Все это создавало определенный «фон» для выборов депутатов уже II созыва. Не только призыв к «пассивному», но все-таки сопротивлению, обозначенный в «Воззвании», но и лишение избирательных прав внушительного количества нацеленных на легитимный диалог с властью кадетов повлияли на исход грядущих выборов. В подобных условиях ничего, кроме еще большей радикализации избирателей и будущих парламентариев, ожидать не приходилось, что и подтвердил состав II Государственной думы.

Библиографический список

1. Высочайший манифест о роспуске Государственной Думы и о времени созыва такой в новом составе (9 июля 1906 г.) // Русский портал: Историческая библиотека русской цивилизации [Электронный ресурс]. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1906_07_09_01&disableGlobalInfoCollect=false (дата обращения: 08.08.2024).
2. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 4188.

3. *Соловьев К.А.* Самодержавие и конституция: политическая повседневность России в 1906–19017 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
4. *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж: УМСА-Press, 1988. 754 с.
5. Телеграммы. Тифлис // Русский инвалид. 1906. № 166. С. 3.
6. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 143.
7. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 144.
8. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 147.
9. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. К. 501. Д. 2929.
10. Телеграммы «Сибирской жизни». Орел // Сибирская жизнь. 1906. № 155. С. 5.
11. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 186.
12. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 129.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ БАНКОВ В РЕГИОНАХ

HISTORICAL MODELS OF DEVELOPMENT OF BANKS IN THE REGIONS

Е.С. Бухаева

E.S. Buhaeva

Эволюция банков, банковское дело, экономическое развитие, цифровизация, онлайн-банкинг.

В Средние века банки начали предоставлять кредиты и финансовые услуги, а в Новое время появились коммерческие, центральные и инвестиционные банки. Развитие банков в регионах зависит от экономической ситуации, доходов населения, инфраструктуры и государственной политики.

Evolution of banks, banking, economic development, digitalization, online banking.

In the Middle Ages, banks began to provide loans and financial services, and in modern times, commercial, central and investment banks appeared. The development of banks in the regions depends on the economic situation, income of the population, infrastructure and government policy.

Банковское дело имеет долгую историю, которая началась в древние времена и продолжается до сегодняшнего дня. В Средние века банки начали играть важную роль в экономике, предоставляя кредиты и финансовые услуги. Одним из первых банков, который начал предоставлять кредиты, был банк в Пизе, он начал свою деятельность в XII в. Этот банк предоставлял кредиты под залог, что позволяло предпринимателям и торговцам получать необходимые средства для своих дел [1].

В Новое время банковское дело продолжило развиваться и появились новые формы банковских учреждений, такие

как коммерческие банки, центральные банки и инвестиционные банки. Коммерческие банки начали предоставлять широкий спектр финансовых услуг, включая депозиты, кредиты и инвестиции. Центральные банки стали играть ключевую роль в регулировании денежного обращения и контроле за инфляцией. Инвестиционные – специализировались на управлении капиталом и инвестициях для своих клиентов [2].

В России банковское дело начало развиваться еще в Средневековье. В этот период появились первые формы кредитных учреждений, которые предоставляли кредиты под залог и занимались обменом валют. Одним из первых банков в России был банк в Новгороде, который начал свою деятельность в XII в. Этот банк предоставлял кредиты под залог и занимался торговыми операциями.

В XVI в. в России были созданы первые государственные банки, которые занимались финансированием государственных проектов и предоставлением кредитов под залог. В XVII в. банковское дело продолжило развиваться и появились новые формы банковских учреждений – купеческие банки и банкиры. В XVIII в. банковское дело стало более организованным, появились первые коммерческие банки, которые предоставляли широкий спектр финансовых услуг [3].

Развитие банков в регионах России зависит от множества факторов, которые могут быть как внутренними, так и внешними. Внутренние факторы включают экономическую ситуацию в регионе, уровень доходов населения, а также наличие и качество инфраструктуры. Внешние факторы включают в себя государственную политику, международные экономические отношения и глобальные финансовые тенденции.

Одним из ключевых факторов является экономическая ситуация в регионе. Регионы с более высоким уровнем

экономического развития и доходов населения обычно имеют более развитую банковскую систему. Это связано с тем, что банки в таких регионах имеют больше возможностей для предоставления кредитов и других финансовых услуг.

Уровень доходов населения также играет важную роль в развитии банков. В регионах с высоким уровнем доходов населения банки имеют больше клиентов, которые могут использовать их услуги. Это способствует росту банковской системы и улучшению качества предоставляемых услуг [4].

Государственная политика также играет важную роль в развитии банков в регионах. Правительство может принимать меры для стимулирования развития банковской системы, такие как предоставление субсидий, снижение налогов и упрощение процедур регистрации и лицензирования банков.

Международные экономические отношения и глобальные финансовые тенденции также влияют на развитие банков в регионах. Регионы, которые активно участвуют в международной торговле и инвестициях, обычно имеют более развитую банковскую систему. Это связано с тем, что банки в таких регионах имеют больше возможностей для предоставления кредитов и других финансовых услуг для международных клиентов.

Развитие банковской системы в регионах России является важной задачей для обеспечения экономического роста и устойчивого развития. В последние годы российские власти предприняли ряд мер для стимулирования развития банков в регионах, что способствует улучшению финансовой доступности и поддержке местных предприятий [5].

Одной из ключевых мер является предоставление государственных субсидий и льготных кредитов для банков, работающих в регионах. Эти меры направлены на снижение стоимости кредитов и повышение доступности

финансирования для малого и среднего бизнеса. Кроме того, власти предлагают налоговые льготы для банков, которые инвестируют в развитие инфраструктуры и создание рабочих мест в регионах.

Другой важной мерой является поддержка цифровизации банковской системы. Власти активно способствуют внедрению современных технологий и цифровых решений в банковском секторе, что позволяет улучшить качество обслуживания клиентов и снизить операционные расходы. В частности, в регионах активно развиваются системы онлайн-банкинга и мобильных банковских приложений, что упрощает доступ к финансовым услугам для жителей.

Библиографический список

1. История появления и функции банков – от древности до современности [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/istoriya-poyavleniya-i-funktsii-bankov--ot-drevnosti-do-sovremennosti> (дата обращения: 01.11.2024).
2. История возникновения банковского дела [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/bankovskoe_delo/istoriya_vozniknoveniya_bankovskogo_dela/ (дата обращения: 01.11.2024).
3. *Карцева Д.Ю.* Развитие банковского права в России с древних времен и до конца XIX века // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 246–248 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96345/> (дата обращения: 04.11.2024).
4. *Никитина Е.Б.* Региональные банки как важнейшие локомотивы развития регионов [Электронный ресурс]. URL: <http://edrf.ru/article/03-02-16> (дата обращения: 01.11.2024).
5. Меры поддержки банков в 2024 году: завершение, временное продление и новое регулирование [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/press/PR/?file=638356630863866698BANK_SECTOR.htm (дата обращения: 01.11.2024).

НАЛОГИ В РОССИИ: ОТ ДАНИ ДО ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

TAXES IN RUSSIA:
FROM TRIBUTE TO DIGITAL TRANSFORMATION

Э.Д. Голик

E.D. Golik

Налоги, Россия, история, цифровизация, экономика, государство.
В работе автор анализирует ключевые этапы развития налоговой системы, начиная с налоговых практик в Киевской Руси и процесса централизации налогообложения в Московском царстве и заканчивая реформами Петра I, а также значительными изменениями, произошедшими в результате реформ 1861 г. В исследовании также рассматриваются особенности налоговых систем в советский и постсоветский периоды, акцентируется внимание на введении новых налогов и переходе к рыночной экономике. Подчеркиваются значимость налогов как инструмента государственного управления и финансирования, а также их роль в формировании экономической политики на протяжении всей истории России.

Taxes, Russia, history, digitalization, economy, state.

The author analyzes the stages of the development of the tax system, starting with tax practices in Kievan Rus and the process of centralization of taxation in the Muscovite Kingdom, and ending with the reforms of Peter I, as well as significant changes that occurred as a result of the reforms of 1861. The study also examines the specifics of the tax systems in the Soviet and post-Soviet periods, focusing on the introduction of new taxes and the transition to a market economy. The work highlights the importance of taxes as a tool of public administration and financing, as well as their role in shaping economic policy throughout the history of Russia.

История налогов в России – это увлекательное путешествие сквозь века, отражающее эволюцию государства

и общества. От дани, которую собирали с древних славянских племен, до современных цифровых платформ налоговая система претерпела глубокие изменения, становясь зеркалом ключевых этапов развития страны.

На заре российской истории, еще до образования единого государства, налоговые сборы существовали в форме дани, которую платили покоренные племена. Эта дань была основным источником доходов князей, служа для укрепления их власти и защиты территории от внешних врагов. Разнообразие даней отражало уровень развития отдельных регионов: так, в более развитых районах, где была развита торговля, дань могла взиматься деньгами, а в более отсталых – скотом или мехами.

Среди наиболее известных форм дани можно назвать: полюдье – княжеские сборы с племен, осуществляемые в ходе ежегодных поездок [1]; виры – штрафы за преступления, которые могли взиматься с виновных или с их общин [2]; места – сборы с торговцев, которые пользовались торговыми путями [3]. В этот период налоговая система была примитивной, но играла важную роль в становлении государственности.

В XIV–XVI вв. на территории России происходит процесс централизации власти, формируется единое государство с единой налоговой системой. Ключевым моментом этого периода стало введение «пятинного налога» при Иване IV Грозном. Этот налог, взимаемый с крестьян, стал основой доходов государства, укрепил центральную власть и создал условия для дальнейшего развития страны. «Пятинный налог» представлял собой фиксированный процент от доходов крестьян [4].

Реформы Петра I, направленные на создание мощной армии и флота, требовали значительных финансовых ресурсов. Поэтому одним из главных направлений преобразований стало упрощение сбора налогов и их увеличение.

Для этого был введен подушный налог, который взимался с каждого мужчины независимо от его состояния [5]. Также был введен налог на бороду, который символизировал отказ от древних традиций и способствовал принятию европейского стиля [6]. Эти меры позволили увеличить государственный бюджет и провести необходимые реформы, направленные на модернизацию страны.

Освобождение крестьян в 1861 г. значительно расширило круг налогоплательщиков, но не решило проблему справедливого распределения налогового бремени. Крестьяне оказались в тяжелом положении, не имея возможности платить налоги и не получая никакой помощи от государства. Этот период отметил появление новых форм налогообложения, например налогов на землю и на имущество, но проблема справедливости и эффективности налоговой системы оставалась актуальной.

В начале XX в., в преддверии Первой мировой войны были введены налоги на прибыль и доходы, что позволило укрепить государственный бюджет и подготовить страну к войне [7]. Однако в условиях экономических трудностей, вызванных войной и революцией, рост налогов усилил недовольство населения и социальное напряжение.

После Октябрьской революции, с установлением советской власти налоговая система претерпела радикальные перемены. Национализация средств производства привела к кардинальной перестройке экономики, а налоги стали главным инструментом планирования и финансирования социальных программ. В это время государство контролировало практически все сферы экономики, а налоги были прежде всего инструментом для достижения идеологических целей, а не для сбора доходов в классическом понимании.

В 1990-е гг. проводились реформы, направленные на переход к рыночной экономике. Введение НДС (налога

на добавленную стоимость) и налога на прибыль заложило основы для современной налоговой системы России. В этот период государство стало устанавливать рыночные цены на товары и услуги и налоги стали главным источником дохода для финансирования государственных функций.

XXI в. отмечен бурным развитием цифровых технологий, что не могло не отразиться на налоговой системе. Цифровизация сделала взаимодействие между налогоплательщиками и налоговыми органами более простым и прозрачным. Внедрение онлайн-касс, электронных деклараций и других инструментов упростило процесс налоговой отчетности и повысило эффективность сбора налогов.

Создание справедливой и эффективной налоговой системы – одна из ключевых задач современного государства. Она должна обеспечивать устойчивое финансирование государства, но в то же время не обременять налогоплательщиков чрезмерно.

Постоянная борьба с уклонением от налогов и оптимизацией налоговых обязательств – неотъемлемая часть работы налоговых органов. Незаконное уклонение от налогов приводит к потере доходов государства, а это может отрицательно сказаться на возможности финансировать социальные программы и развивать экономику.

Важным аспектом современной налоговой политики является учет социальной ответственности. Система налогообложения должна быть спроектирована так, чтобы обеспечить равные возможности для всех граждан независимо от их дохода и социального положения.

Налоги – неотъемлемая часть жизни любого общества. От их эффективности и справедливости зависят уровень развития государства и благосостояние его граждан. В современном мире налоговые системы сталкиваются с новыми вызовами, связанными с глобализацией, цифровизацией

и изменениями в экономической модели. Современная российская налоговая система включает в себя множество налогов, которые взимаются с физических и юридических лиц.

В будущем российскую налоговую систему ожидают новые вызовы и изменения, связанные с развитием цифровых технологий, изменениями в экономической модели и глобализацией. Государству предстоит найти оптимальный баланс между необходимостью собирать достаточно налогов для финансирования государственных функций и необходимостью создать справедливую и эффективную налоговую систему, которая не обременяет налогоплательщиков чрезмерно и способствует экономическому росту.

Библиографический список

1. История России: в 12 т. М.: Наука, 1996. Т. 1: Древняя Русь.
2. Русская Правда: древнейший памятник русского права. М.: Юридическая литература, 1989.
3. Древнерусское государство и его международные связи. М.: Наука, 1985.
4. История России: в 12 т. М.: Наука, 1997. Т. 3: Московское государство в XVI веке.
5. Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. 1-е, т. 5.
6. История России: в 12 т. М.: Наука, 1998. Т. 4: Россия в XVIII веке.
7. История России: в 12 т. М.: Наука, 2000. Т. 8: Россия в начале XX века.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В КАРЕЛИИ: ВЕПССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЛОСТЬ

EXPERIENCE OF CREATING
A NATIONAL MUNICIPAL AUTONOMY IN KARELIA:
VEPSIAN NATIONAL VOLOST

**М.С. Куропов,
С.С. Рожнева**

**M.S. Kurovov,
S.S. Rozhneva**

Вепсская национальная волость, вепсы, муниципальное управление.
Защита культур и прав коренных малочисленных народов (КМНС) – важная цель российской политики в Арктике. Предоставление национально-территориальных автономий способствует сохранению КМНС. В связи с чем стоит рассмотреть опыт создания Вепсской национальной волости в Карелии.

Veps National Volost, vepsians, local government.

Protecting the cultures and rights of small-numbered indigenous peoples is an important goal of Russian policy in the Arctic. The creation of national-territorial autonomies contributes to the preservation of indigenous peoples. Because of this, it is worth considering the experience of Vepsian national volost of Karelia.

Вепсы являются коренным малочисленным народом, исторически проживающим на территориях Республики Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. По результатам Всероссийской переписи 2020 г., их численность в Российской Федерации сократилась на 23,6 %, что является продолжением общей тенденции падения количества представителей данной этничности и носителей вепсского языка с конца XX в. [1, с. 637–640]. Исследователи отмечают, что административный фактор имеет большое

влияние на численность этнических групп: если у народа есть национально-территориальная автономия, то его население является более стабильным [2, с. 63]. Такие административные единицы предоставляют населению возможность осуществлять местное самоуправление с учетом национальных особенностей и традиций [3, с. 181]. Согласно Указу Президента РФ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.» малочисленные народы Севера должны получить больше возможностей для сохранения своей культуры и экономического и социального развития [4]. Чтобы понять причины возможных неудач при формировании национально-территориальных автономий, стоит рассмотреть опыт создания Вепской национальной волости. Для этого нужно провести анализ исторических, социальных и политических факторов, повлиявших на ликвидацию этого района, а также изучить современное положение территории.

Первые автономии для вепсов начали появляться с 1927 г. в Ленинградской области и Карелии, где сформировали 15 национальных сельских советов и 2 национальных района [5, с. 111]. Из-за смены национальной политики в 1938 г. были ликвидированы все сельсоветы народа, а район в Ленинградской области потерял свой статус, но в Карелии Шелтозерский район оставался этническим до 1956 г. [6, с. 111]. В 1980–1990-е гг. начался второй период возрождения вепской культуры и самоидентификации [6, с. 176–177]. Было представлено более 20 проектов по созданию новых этнических территориальных единиц, к которым наибольший интерес проявило правительство Карельской АССР [5, с. 111]. Принятие закона «О свободном национальном развитии граждан СССР; проживающих за пределами своих национальных государственных

образований или не имеющих их на территории СССР» от 1990 г. позволило включить в Конституцию Карельской АССР статью, которая разрешала формирование национальных административных единиц [5, с. 111], в результате чего в 1991 г. в Республике Карелии уже был определен правовой статус создания данных территориальных единиц [3, с. 171]. В 1994 г. представители «Общества вепсской культуры» выдвинули предложение легислатуре Карелии по созданию нового района из территорий вепсских поселений в Прионежском районе [7, с. 207]. В тот же год было принято решение о формировании новой муниципальной единицы [7, с. 207]. Несмотря на быструю реакцию властей, возникли проблемы при создании границ, которые привели к фактическому появлению района только в 1995 г. [7, с. 218–223].

Сразу после формирования Вепсская национальная волость начала испытывать социальные и экономические проблемы. Уже в конце 1995 г. волостная администрация была вынуждена брать кредиты для осуществления базовых функций ЖКХ [7, с. 225–227]. В районе наблюдался сильный демографический кризис, вызванный высоким уровнем безработицы и низкими темпами рождаемости, которые были намного ниже, чем по Республике Карелии [8, с. 8]. В период с 1996 по 1998 г. наблюдался рост социально-экономического положения в муниципалитете, но дефолт полностью нарушил все планы дальнейшего развития [5, с. 111]. Это привело к началу мероприятий по «экономическому и финансовому оздоровлению» волости в октябре 1999 г., в частности со стороны правительства республики, которые проявлялись в финансовой поддержке министерства экономики региона [7, с. 237–238]. По подсчетам министерства, даже после экономических реформ муниципалитет не стал бы самокупаемым, его бюджет был бы на 75 % дотационным [7, с. 323]. После появления

программы журналисты региональной газеты «Курьер» писали: «Из всех районов Карелии Вепсская национальная волость сегодня находится в самом бедственном положении. Если говорить без лишней дипломатии, она просто умирает» [7, с. 185–186].

В 2001 г. правительство Карелии начало реформу регионального законодательства в соответствии с федеральными нормами. Как отмечает Н.А. Нестерова, это стало первым шагом к ликвидации района, поскольку был отменен закон «О правовом статусе национального района и национальных Советов в Республике Карелия» [5, с. 111–112]. В 2004 г. Вепсский волостной совет принял решение о самоликвидации, что поставило точку на самоуправлении муниципалитета [5, с. 111]. Однако район продолжал существовать до реформы местного самоуправления в 2006 г., когда он был присоединен к Прионежскому району, а на бывших территориях образовали вепские сельские поселения [6, с. 176–177].

В заключение можно отметить, что при создании новых национальных муниципалитетов важно учитывать опыт Вепской национальной волости. Формирование района в турбулентное время затянуло процесс, что ухудшило социально-экономическое положение и подорвало веру местного населения и политиков в проект. Эти факторы привели к ликвидации волости.

Библиографический список

1. *Шабает Ю.П.* Демографическая «катастрофа» российских финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа идентичностей // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. № 19 (4). С. 634–647.
2. *Манакон А.Г.* Факторы динамики численности разделенных границами частей малочисленных народов вепсов и сету (сету) // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 49–69.

3. *Суханов К.А.* Национальные административно-территориальные образования – атавизм или потенциал для самоорганизации национальных меньшинств? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. № 5. С. 164–187.
4. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 20.09.2024).
5. *Нестерова Н.А.* Проблемы создания национально-территориальной автономии вепсов // Государственная служба. 2010. № 1. С. 110–112.
6. *Башкаер А.А.* Национальные административные единицы на территориях компактного проживания вепсов в 1920–1930-х годах // Terra Linguistica. 2011. № 136. С. 173–177.
7. *Клементьев Е.И.* Вепсы: модель этнической мобилизации. Петрозаводск, 2007.
8. *Нилов В.М.* Гендерные аспекты социологии здоровья // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 1–11.

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЛЕПЫХ
В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.)**

SOCIAL COMPOSITION OF THE BLIND
IN TOMSK PROVINCE (BASED ON THE MATERIALS
OF THE POPULATION CENSUS
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1897)

Н.С. Скляренко

N.S. Sklyarenko

Томская губерния, слепые, социальное положение.

Перепись населения 1897 г. является ценным источником для исследования социальных и демографических процессов. В частности, она задокументировала численность и особенности людей с инвалидностью, включая слепых. Анализ собранных данных дает возможность осветить состав слепых в Томской губернии в конце XIX в., а также выявить характерные для этого региона факторы.

Tomsk province, the blind, social status.

The 1897 census is a valuable source for studying social and demographic processes. In particular, it documented the number and characteristics of people with disabilities, including the blind. Analysis of the collected data makes it possible to shed light on the composition of the blind in Tomsk province at the end of the 19th century, as well as to identify factors characteristic of this region.

Согласно данным переписи 1897 г., в Томской губернии было зарегистрировано 5126 слепых, что составляло 0,27 % от общего числа населения губернии. Следует отметить, что подобное соотношение наблюдалось практически во всех административно-территориальных единицах Сибири. Например, в Енисейской губернии доля слепых составляла 0,25 % от общего населения, в Иркутской – 0,22 %,

а в Тобольской – 0,3 %. В то же время в Якутской области в силу суровых климатических условий и проблем с медицинским обслуживанием этот показатель достигал 1,24 %.

Из всех слепых Томской губернии слепых от рождения было 1332 чел., ослепших – 3794 чел. По возрастным группам слепые обеих категорий распределялись следующим образом (табл., [1, с. 137]).

Возраст	Численность	%	М.	Ж.	Вступившие в брак	
					М.	Ж.
До года	10	0,2	7	3	–	–
1–9	308	6,01	185	123	–	1
10–19	442	8,62	253	189	1	1
20–29	428	8,35	205	223	36	19
30–39	420	8,19	199	221	97	71
40–49	515	10,05	234	281	143	137
50–59	614	11,98	263	351	175	168
60 и более	2 389	46,61	1 087	1 302	461	364
Всего	5 126	100	2 433	2 693	913	761

На основе анализа таблицы видно, что существовало преобладание слепых и ослепших женщин над мужчинами на 260 чел., но при этом заметно преобладание семейных мужчин. Причем чаще вступали в брак мужчины как слепые от рождения, так и ослепшие. Это может быть связано с половой диспропорцией, поскольку в Томской губернии наблюдается значительное преобладание женщин в наиболее активных возрастных группах для вступления в брак: «20–29» (100/112,4) и «30–39» (100/100,7) [1, с. 137].

Анализ данных также показывает, что количество ослепших людей увеличивается с возрастом. Наибольшее число слепых фиксируется в возрастной группе 60 лет и старше, за которой следуют возрастные категории от 40 до 59 лет и так далее. Данная возрастная и половая тенденция наблюдается не только в Томской губернии, но и по всей Российской империи в целом [2, с. 33].

Перепись населения 1897 г. не предусматривала разделения по национальному составу, ограничившись языковым, что создает определенные сложности при анализе данных. Согласно переписи, среди слепых преобладали носители восточнославянских языков: русского (86,85 %), малороссийского (2,59 %) и белорусского (0,06 %), что отражает национальную структуру губернии. Затем следуют объединенные в одну языковую группу татарский (7,04 %), чувашский (0,51 %) и киргиз-кайсацкий (0,9 %) языки, носители которых являлись потомками коренного населения [1, с. 140].

К сожалению, точное соотношение сословий определить невозможно, поскольку в переписи они были сгруппированы. Так, 85 % слепых в Томской губернии относились к «сельскому состоянию» (крестьяне и казаки), что характерно не только для губернии, но и для Российской империи в целом [2, с. 33]. Такие группы, как инородцы (7,47 %) и представители городского сословия (6,4 %) – почетные граждане, купцы и мещане, – хотя и составляют значительную часть «слепого населения», выглядят довольно скромно на фоне «сельского состояния». Наименьшее число слепых приходилось на представителей нехристианского (0,53 %) и христианского (0,25 %) духовенства, а также дворян и чиновников (0,35 %) [1, с. 144–145].

Учитывая, что основная масса слепых принадлежала к лицам «сельского состояния», можно сделать предположение об их низком уровне образования и культуры. Ярким примером служит случай Андрея Будникова, крестьянина из Томской губернии, который поступил в специализированную мастерскую для взрослых слепых имени К.К. Грота. В процессе обучения сотрудники мастерской отмечали его «неуживчивый характер», склонность к пьянству и нежелание придерживаться правил поведения, что в итоге привело к его исключению из заведения. После этого, будучи отправленным домой за счет Попечительства о слепых, Будников вернулся

уже на первой станции, продав свой проездной билет. Затем он путешествовал по разным регионам страны, и после «усиленных просьб и обещаний исправиться» был восстановлен в мастерской в 1907 г. Однако, несмотря на успешное окончание курса в том же году, Попечительство о слепых отказало Будникову в предоставлении материальной и финансовой помощи из-за его поведения, что было сообщено уполномоченному по Томской губернии [3, л. 160–161].

Распределение слепых по губернии также оказалось неравномерным. Наибольшее их количество сосредоточено в малодоступных районах Томской губернии: Барнаульском уезде (30,88 %), Бийском (16,43 %) и Змеиногорском (13,68 %) округах, а также в северных областях Томского округа (16,13 %) [1, с. 140–143].

Таким образом, анализ данных переписи 1897 г. позволяет сделать следующие выводы. Слепота чаще встречалась в возрастной группе 60 лет и старше, при этом у женщин она преобладала в меньшей степени, что создавало дополнительные социальные трудности, особенно в контексте половой диспропорции и создания семьи – ключевой единицы благополучия общества. Предполагается, что среди слепых преобладали представители восточнославянских народностей, что соответствует общей демографической ситуации в губернии. В основном отношении также наблюдается заметное преобладание «сельского состояния», что объясняется экономической структурой региона, основывающегося на аграрном секторе.

Библиографический список

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. СПб.: Типография кн. В.И. Мещерского, 1904. Т. XXVI: Томская губерния. 246 с.
2. Головин С.С. О слепоте в России. Одесса: Техник, 1910. 124 с.
3. Государственный архив Томской области. Ф. 209. Оп. 1. Д. 707.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПРИХОЖАН
НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.
(НА ПРИМЕРЕ ПРИХОДА СЕЛА МАЛЬКОВО
ТЮМЕНСКОГО УЕЗДА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

SOCIO-CULTURAL PORTRAIT OF PARISHIONERS
BASED ON THE MATERIALS OF THE 1897 CENSUS
(ON THE EXAMPLE OF THE PARISH OF MALKOVO,
TYUMEN DISTRICT, TOBOLSK PROVINCE)

Е.В. Чикишева

E.V. Chikisheva

Научный руководитель К.А. Кузоро
Research adviser К.А. Kuzoro

Перепись населения, приход, Тобольская епархия, Тобольская губерния.

В статье на примере Спасского прихода села Мальково Тюменского уезда Тобольской губернии показано использование переписных листов первой Всеобщей переписи населения 1897 г. для составления социокультурного портрета прихожан.

Population census, parish, Tobolsk diocese, Tobolsk province.

Using the example of the Spassky parish of the village of Malkovo in the Tyumen District of Tobolsk province, the article shows the use of census forms from the first general population census of 1897 to compile a socio-cultural portrait of parishioners.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, проведенная в 1897 г., стала важным источником сведений о стране и ее населении. Информация из переписных листов была сведена, обобщена и издана в виде официальных статистических сборников. Сами же переписные листы подлежали уничтожению, однако не во всех губерниях они действительно были уничтожены. По Тобольской

губернии сохранность переписных листов одна из наиболее высоких [1]. Это позволяет использовать их как базу для исследований по отдельным населенным пунктам, волостям или другим административно-территориальным единицам, в частности церковному приходу. Предлагаем рассмотреть на примере Спасского прихода села Мальково Тюменского уезда Тобольской губернии, какая информация о прихожанах отразилась в переписных листах.

Территориальный состав Мальковского Спасского прихода на 1897 г. включал село Антипино (имевшее на тот момент приписную церковь, но еще не выделившееся в самостоятельный приход), деревни Вилижину, Субботину, Ошкукову и Паренкину [2, л. 234 об.]. Постоянно в этих населенных пунктах проживало около 2400 человек. Все дома в селах и деревнях были деревянными, в основном крытыми деревом.

Большинство жителей были местными уроженцами и представителями старожильческих родов. Также среди жителей было небольшое количество приезжих. Были и члены сельских обществ, родившиеся за пределами прихода и даже самой Тобольской губернии. Были в домохозяйствах и временно проживающие работники. Существовала трудовая миграция как внутри деревень, так и между деревнями прихода и внутри уезда. Были работники из других уездов Тобольской губернии, а также из ближайших уездов соседней Пермской губернии. На работу часто нанимали подростков в возрасте 13–15 лет, вдов с детьми; нередко работали в чужих дворах и вдовцы старшего возраста. Часть местных жителей, напротив, нанимались на работу в ближайший город Тюмень или переезжали в другие волости.

Основным занятием подавляющего числа жителей территории прихода было земледелие – как у мужчин, так и у женщин. Детей привлекали к сельскохозяйственным работам (так, чтобы это становилось их основным занятием) обычно с 14–15 лет, но были случаи, что и в 12–13 лет детей

записывали как земледельцев. Помимо земледелия, почти в каждом дворе были какие-то дополнительные занятия. Во всех населенных пунктах прихода почти в каждом дворе занимались изготовлением рогожи. Это была работа женщин и детей, и примечательно, что занимались тканьем рогожи не только девочки, но и мальчики.

Всего по приходу в качестве основного или дополнительного занятия изготовление рогож указано более чем у 20 % жителей, а в Мальково и Антипино – примерно у трети. Отметим, что из Антипино, где рогожи изготавливали практически в каждом дворе, довольно большая группа жителей во время переписи находилась во временной отлучке в городе Ирбит. В конце января в Ирбите проводилась знаменитая ярмарка, поэтому нетрудно предположить, что именно на эту ярмарку и отправилась антипинская делегация. Рогожный промысел долго оставался основным в Яровской волости, к которой относилась большая часть Мальковского прихода. В статистических сведениях по волостям Тюменского уезда за 1912 г. говорится, что волость производила 87 940 рогож в год. Для сравнения: в Червишевской волости Тюменского уезда в год производилось 3900 рогож [3].

Также популярными способами заработка были торговля сеном, рыболовство, изготовление решет. В деревне Суботиной было девять мясников (в остальных населенных пунктах такой промысел не зафиксирован). Около десятка человек в приходе занимались плетением корзин и коробов. Женщины, а иногда и дети занимались изготовлением рыболовных снастей – мереж. Несколько крестьянок занималось тканьем холста, шитьем одежды, вязанием рукавиц, стиркой белья. Среди мужчин были сапожник и несколько пимокатов, а также кузнецы. На территории прихода имелось шесть мелочных лавок и два питейных заведения.

Подавляющее большинство жителей прихода принадлежали к православной вере и родным языком считали

русский. Католичество исповедовали всего три человека в Мальково. Среди работников были раскольники, единоверцы и единственный мусульманин.

Типичная семья на территории Спасского прихода состояла из нескольких поколений – взрослые дети и родители часто жили под одной крышей. Обычно один из сыновей после женитьбы оставался жить вместе с родителями, обеспечивая их старость, такие примеры есть в каждом населенном пункте прихода. Могли пожилые родители, хотя и реже, доживать свой век и в семье дочери. Иногда вместе с пожилыми хозяевами проживала вдовая невестка, дочь или внучка с детьми. Также в переписных листах встречаются пожилые тетки или другие родственники, жившие на обеспечении хозяина дома (призреваемые). Холостые братья могли жить вместе с женатым, но после свадьбы они чаще всего отделялись в самостоятельное домохозяйство. Изредка вместе с родителями проживали два женатых сына.

В брак в основном вступали в возрасте 20 лет и старше, причем жених и невеста чаще всего были примерно одного возраста. Встречаются и семьи с большой разницей в возрасте между супругами. На весь приход зафиксировано всего два случая сожительства вне брака.

Детей в семьях было много, несмотря на высокую младенческую смертность. О высокой рождаемости свидетельствует количество детей в возрасте до одного года включительно. О высокой детской смертности может говорить то, что детей от года до пяти лет включительно на территории прихода было лишь примерно вдвое больше, чем детей до года. В среднем на территории прихода в семьях было 3–5 детей, но встречаются и семьи с большим количеством детей разного возраста. В семьях могли проживать воспитанники (внуки, племянники), приемыши, пасынки и падчерицы.

Незаконнорожденных детей разного возраста насчитывалось 14. Впрочем, нам известен как минимум один

случай, когда незаконнорожденный ребенок в Мальково был скрыт – сам переписчик, псаломщик Павел Малахов записал незаконнорожденную дочь своей жены Пелагею Шелудкову своей законной дочерью. Статус девочки виден в клировых ведомостях, где скрыть его не удалось [4, л. 233 об.]. Дело об удочерении Пелагеи было начато только через год после переписи, в 1898 г. [5].

Читать умело около 10 % прихожан. В основном это были мужчины, грамотных женщин и девочек в приходе насчитывалось всего 20. Наличие училища определяло самую высокую долю грамотных в Мальково – там было 118 грамотных жителей обоих полов, из которых более половины обучалось в училище. Также многие мужчины (во всех населенных пунктах) освоили грамоту на военной службе, многие были самоучками или учились дома. Некоторых обучили грамоте священник или дьячок.

Изучение массива персонифицированных данных по приходу позволяет составить социокультурный портрет прихожан и получить сведения о типичной семье в приходе (возраст вступления в брак, количество детей, проживание нескольких поколений под одной крышей), грамотности, миграциях населения, занятиях и промыслах.

Библиографический список

1. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И417. Губернский статистический комитет, г. Тобольск Тобольской губернии.
2. ГАТ. Ф. И156. Оп. 19. Д. 436. Клировые ведомости церковью г. Тюмени и Тюменского уезда.
3. ГАТ. Ф. И417. Оп. 1. Д. 340. Статистические сведения (вопросные бланки) по волостям Тюменского уезда о кустарных промыслах за 1912 г.
4. ГАТ. Ф. И156. Оп. 19. Д. 436. Клировые ведомости церковью г. Тюмени и Тюменского уезда.
5. ГАТ. Ф. И154. Оп. 15. Д. 1070. Дело по прошению П. Малахова об усыновлении П. Шелудковой.

**ИСТОРИЯ КРАСНОЯРСКОГО «ДИНАМО»:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ
(НА ПУТИ К 100-летию ЮБИЛЕЮ)**

THE HISTORY OF THE KRASNOYARSK DYNAMO:
REGIONAL DEVELOPMENT EXPERIENCE
(ON THE WAY TO THE 100TH ANNIVERSARY)

Д.П. Григорьев

D.P. Grigoriev

Научный руководитель С.А. Пунтус
Research advisor S.A. Puntus

Общественная организация «Динамо», Красноярский край, развитие, спорт, физическая культура.

В статье представлена деятельность Красноярской региональной организации общественно-государственного объединения «Все-российское физкультурно-спортивное общество “Динамо”», которая за свою почти столетнюю историю стала важным элементом культурной и спортивной жизни региона. Рассматриваются ключевые этапы развития, а также отражение исторических событий на деятельности краевого общества «Динамо».

Dynamo public organization, Krasnoyarsk Territory, development, sport, physical culture.

The article presents the history of the Krasnoyarsk regional organization of the public-state association All-Russian Physical Culture and Sports Society “Dynamo”, which over its almost century-old history has become an important element of the cultural and sports life of the region. The key stages of development are considered, as well as the reflection of historical events on the activities of the regional Dynamo.

100-летняя история физкультурно-спортивного общества «Динамо» сопровождается яркими страницами

деятельности его региональных отделений. В данной работе предпринята попытка проследить работу красноярского «Динамо» на основе архивных материалов, размещенных в том числе в музеях органов внутренних дел Красноярского края.

В 1925 г. на заседании президиума Центрального совета пролетарских спортивных обществ «Динамо» создается Красноярская физкультурная организация «Динамо» (протокол № 1 от 08.04.1925) [1, с. 14]. Тиунов Виктор Фотеевич стал первым руководителем спортивного общества «Динамо» в Красноярске.

Развитие спортивной жизни в стране носило территориально-ведомственный характер. В первый год официального создания красноярским «Динамо» организуются районные советы в городах Канске, Ачинске, Минусинске. Собственные коллективы физической культуры создали НКВД, пожарные части, воинские подразделения МВД, УКГБ.

С образованием в 1934 г. Красноярского края общество стало краевым. Возглавил его начальник Управления НКВД по Красноярскому краю старший майор госбезопасности Павлов Карп Александрович. С целью вовлечения в спорт жителей Крайнего Севера в 1939 г. был проведен лыжный переход по труднодоступным территориям от Игарки до Красноярска.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа. В этот тяжелый период динамовцы продемонстрировали мужество и героизм. В первые дни войны на защиту своей страны встали тысячи красноярских спортсменов. Но несмотря на войну, спортивная жизнь в городе не останавливалась, проводились соревнования в школах, ПТУ и вузах.

В 1942 г. краевой совет «Динамо» был награжден Красным знаменем за подготовку физически крепкого пополнения

рядов Красной Армии. По итогам Всесоюзного соревнования по оборонно-спортивной работе 1944 г. краевой совет занял одиннадцатое место.

27 декабря 1948 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов» [2, с. 165], в нем были определены основные направления развития физической культуры и спорта в стране. Ключевым направлением стало завоевание лидирующего положения на международной арене.

Этот факт предопределил работу краевого общества. В период с 1948 по 1955 г. на территории края «взращивались» спортсмены-динамовцы. Многие из них впоследствии стали представителями государства на международной спортивной арене.

Этот период представлен выдающимися мастерами-динамовцами. Так, в 1957 г. норматив мастера спорта СССР выполнили сразу трое: лыжницы С. Иванова и Г. Корулина, боксер В. Войлошников. В 1958 г. мастерский норматив выполнили стрелки М. Галкин и М. Конопелько, лыжник Л. Киселев, городошник Ю. Дьяконов. В 1959 г. мастерами спорта стали лыжник В. Пятков, биатлонист Б. Иванов, боксер М. Дворкин, конькобежка В. Мамаева.

Вторая половина XX в. в спортивной истории Красноярска запомнится как период успешной реализации потенциала, который был накоплен предыдущими поколениями спортсменов, тренеров и специалистов в области физической культуры. Впервые в истории региона золотая олимпийская медаль будет завоевана знаменитым борцом Иваном Ярыгиным.

В преддверии Спартакиады 1982 г. создается биатлонное стрельбище, реконструируются и прокладываются новые горнолыжные трассы. Общие инвестиции в спортивные объекты превысили 11 миллиардов рублей, что стало основой для будущего краевого физкультурно-спортивного движения.

История «Динамо» тесно переплетена с судьбой нашей страны. Непростые 1990-е гг. стали переломным моментом в Новейшей истории. Недостаток целенаправленного финансирования спортивных программ привел к закрытию детских спортивных школ и переходу объектов спорта на самофинансирование. Это негативно сказалось на подготовке высококлассных спортсменов и привело к резкому уменьшению числа представителей сборных команд ЦС. Острее стала проблема материально-технического обеспечения как массового, так и элитного спорта. В 1993 г. состоялся пленум Красноярской краевой организации «Динамо», который выработал решения для сохранения динамовских традиций и перехода к новым рыночным условиям. Важное внимание было уделено разработке новых форм работы и привлечению новых членов.

В 2012 г. назначили нового заместителя председателя организации Романа Сергеевича Черняева, который поставил перед советом задачи по развитию динамовского движения и улучшению материально-технической базы. В результате проведенной работы удалось восстановить проведение Спартакиад и наладить сотрудничество с образовательными учреждениями, что повысило спортивные результаты. Краевой спортивный клуб «Динамо» в 2010-х гг. насчитывал свыше 17 500 участников, а сама организация обладала 10 спортивными объектами, включая закрытый тир, спортивный комплекс, лыжную базу и четыре восстановительных центра, а также общежитие и гостиницу.

Сегодня красноярское «Динамо» уверенно движется к своему 100-летию. Опыт красноярских динамовцев выступает примером для многих региональных обществ. Однако важно не только сохранить сложившиеся традиции, но и не допустить ошибок, допущенных в богатой динамовской истории.

Библиографический список

1. *Усаков В.И.* Красноярское «Динамо»: истоки и современность (1925–2015). Красноярск: Инспаер, 2015.
2. *Бреева Ю.Д., Кочергин В.А., Давыдов А.С., Королева Л.А.* Реализация постановления ЦК ВКП(б) «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов» в СССР (по материалам Пензенской области) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4-2 (48). С. 164–167.

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА**

THEORY AND PRACTICE
OF REGIONAL MANAGEMENT:
HISTORICAL MODELS AND RUSSIAN PRACTICE

Д.Е. Ищенко

D.E. Ishchenko

Научный руководитель С.А. Пунтус
Research advisor S.A. Puntus

Региональное управление, концепция, прогнозирование, общество, экономика.

В данной статье рассматриваются различные теоретические и исторические аспекты регионального развития в современных условиях, оцениваются различные виды походов регионального управления.

Regional management, concept, forecasting, society, economy.

This article examines various theoretical and historical aspects of regional development in modern conditions, evaluates various types of campaigns of regional management.

Опыт развития децентрализованных государств – федераций и сложных автономий – свидетельствует о сложности правильного выбора управленческой стратегии для конкретных территориальных образований. История знает как действительно эффективные модели управления регионами, так и откровенно провальные, ставшие яркими примерами безрассудной деятельности руководителей различного уровня.

В рамках настоящей работы предпринята попытка провести срез сущности стратегии управления регионом, обратиться к основным региональным практикам и сделать оценку современной российской действительности в сфере регионального управления.

Либеральная концепция регионального управления признает свободный рынок основным регулятором общественной жизни. Государство и экономика рассматриваются как две отдельные сферы, и интересы личности стоят выше общественных.

Неолиберальная концепция отводит главную роль государству в регулировании экономических процессов через систему контрактных отношений с крупными корпорациями.

Социальная концепция направлена на улучшение качества жизни населения, повышение доходов, здоровья и образования, а также на создание условий для роста самоуважения и свободы людей. Основными факторами, заложенными в социальной концепции регионального развития в России, являются показатели, характерные для развитых экономик.

Смешанная концепция регионального развития предполагает максимальное использование собственных ресурсов региона и привлечение внешних ресурсов, таких как научно-технические и технологические инновации, инвестиции и интеллектуальный потенциал.

Непрерывные изменения механизмов, структуры и принципов регионального управления в рамках реформы государственного управления в России делают вопросы регионального стратегического управления и планирования актуальными. В этой области остается множество нерешенных проблем на теоретическом и методологическом уровнях. Одна из них связана с определением объекта управления.

В большинстве отечественных исследований регион рассматривается как субъект Российской Федерации.

Административно-территориальное устройство России требует улучшений, но это не может произойти мгновенно. Районирование страны – это прежде всего политическая проблема, и даже самые очевидные изменения в этой сфере часто требуют длительного времени для реализации.

Сомнения относительно необходимости и целесообразности применения методов стратегического регионального управления в современных экономических условиях вполне обоснованы. Ректор Академии народного хозяйства профессор В. Мау считает, что использование этих методов может лишь закрепить отставание [1, с. 34]. Отказ от заранее определенных секторов прорыва и ориентация на выявление наиболее важных факторов для страны в текущих обстоятельствах кажутся надуманными. Выделение ключевых секторов развития экономики на стратегическую перспективу важно, так как долгосрочные цели должны быть ориентированы на них.

Наличие противоречивых интересов субъектов управления и хозяйствования не должно стать причиной отказа от разработки стратегии общественного развития. Необходимо выявлять стратегические интересы и достигать консенсуса между субъектами управления и хозяйствования на этапе целеполагания. Это определяет смешанные стратегии.

Структурные изменения в экономике должны быть направлены на поддержку отраслей, которые могут стать основой национальной гордости. Это соответствует целям развития страны и ее регионов, определенным в Федеральном законе «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития в Российской Федерации». Важно отметить, что закон фокусируется на стратегических целях развития страны и региона, а не только на политических задачах.

После определения социально-экономических целей, подчеркивает Н.П. Федоренко, наступает время выбора стратегических методов их достижения. Целеполагание и стратегирование являются разными этапами стратегического управления [2, с. 11].

Важно отметить, что ключевым требованием к стратегическому выбору региона в современных политических и экономических условиях является возможность достичь поставленных социальных и экологических целей.

Регионально развитие напрямую зависит от научно-технологического прогресса, от того, на какой стадии развития находится государство. Но при этом важно отметить, что многие страны, находящиеся на аграрной стадии развития общества, имеют ВВП даже выше, чем постиндустриальные страны. Например, Китай – аграрная страна – имеет ВВП на душу населения выше, чем у Японии почти на 20 000 долларов [3]. Возвращаясь к истории России, необходимо сказать про внедрение плана ГОЭРЛО, который также подразумевал уход от аграрной системы к индустриальной. Данный план использовался для экономического районирования в первой половине XX в. и затрагивал стратегии использования ресурсов именно отдельных регионов.

Мы считаем, что для успешной реализации стратегических целей развития региона необходимо создать и поддерживать эффективный механизм их достижения. Этот механизм должен включать общие принципы, функции и инструменты управления всеми составляющими компонентами региона, а также системы обеспечения. Социально-экономическая политика государства должна быть направлена на сохранение баланса между субъектами страны, при этом субъекты не должны терять свою автономию. Также неотъемлемой частью успешного становления экономики и правильного регионального развития является целенаправленная региональная политика государства.

Библиографический список

1. *Мау В.* Экономический рост и постиндустриальные вызовы // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 1. С. 31–35.
2. *Федоренко Н.П.* О целях и стратегии социально-экономического развития России // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39, № 2. С. 3–13.
3. Исторический аспект регионального развития России [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/13_22046_istoricheskiy-aspekt-regionalnogo-razvitiya-rossii.html (дата обращения: 03.11.2024).

**КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ СССР
СО СТРАНАМИ ЗАПАДА В 1950–1980-е гг.
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

CULTURAL CONTACTS BETWEEN THE USSR
AND WESTERN COUNTRIES IN THE 1950S–1980S
IN THE MEMORIES OF RESIDENTS
OF KRASNOYARSK KRAI

Д.С. Дашков

D.S. Dashkov

Научный руководитель **Н.В. Ворошилова**
Research adviser **N.V. Voroshilova**

Культурные контакты, СССР, Запад, опрос, интервью, память, личное отношение, Красноярский край.

В статье излагаются результаты опроса, проведенного автором среди жителей Красноярского края, с целью выявления специфики в отражении культурных контактов СССР и западных стран во второй половине XX в. в памяти жителей региона, заставших советский период.

Cultural contacts, USSR, West, survey, interview, memory, personal attitude, Krasnoyarsk Krai.

The article states the results of survey conducted by the author among residents of Krasnoyarsk Krai with the purpose of identifying the specifics in reflection of cultural contacts between the USSR and Western countries during the second half of 20th century in the memories of region residents lived through the Soviet period.

Актуальность темы исследования заключается в возможности изучения на региональном материале отражения в памяти людей, живших в советский период, культурных контактов (в области искусства, массовой культуры, науки

и техники, спорта) между СССР и странами Запада (несоциалистических стран Европы, англоговорящей Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии) в условиях соперничества политических блоков в годы холодной войны.

Цель исследования – выявление специфики восприятия культурных контактов СССР и западных стран людьми, жившими в советский период, посредством изучения их воспоминаний с помощью опроса.

В исследовании были использованы устные и письменные источники личного характера – результаты опроса 28 респондентов по предварительно разработанной анкете в форме: аудиозаписей интервью – 24; конспекта интервью – 1; письменных анкет – 3. Анкета разбита на два блока: социологический, включающий информацию о годе рождения, поле, месте жительства, образовании, профессиональной деятельности респондента; блок памяти, включающий десять вопросов о западных и всемирно известных советских деятелях культуры, ученых, спортсменах, писателях, фильмах, музыке, товарах массового спроса, известных респонденту в данный период; личном отношении к странам Запада и влиянии на него обозначенных контактов.

Респонденты были рождены между 1946 и 1978 гг., преобладают рожденные в 1950-х гг. (13), распределение между 1960-ми и 1970-ми гг. примерно одинаково (7, 6). 21 респондент (75 %) – женщины, 7 (25 %) – мужчины. В советский период в Красноярске проживали 6 респондентов, в Железногорске и Сосновоборске – 2; в удалении от Красноярска – 20: 1 – в Минусинске и Канске, 15 – в Заозерном, 9 – в селах и поселках различных районов края; четыре респондента проживали вне Красноярского края: в Тыве, Новосибирской, Кировоградской, Львовской областях, Запорожье, Москве. Высшее образование имеют 14 (50 %) респондентов (5 – кандидаты наук, 3 – доктора), среднее

специальное – 11 (39,29 %), среднее – 3 (10,71 %). В советские годы в сфере образования работали 10 респондентов (35,71 %): 3 – преподавателями вуза, 6 – учителями (считая подработку), 1 – воспитателем в детском саду. Журналистами являлись (7,14 %) 2 респондента, 3 (10,71 %) – финансовыми работниками, по 1 – работником суда и инженером, профессиональным спортсменом; рабочими – 4 (14,29 %); были школьниками и студентами – 7 (25 %) [1].

Из числа известных в советские годы западных актеров чаще называли французов и итальянцев: А. Челентано (9), Л. де Фюнеса (7), Ж.-П. Бельмондо (7), П. Ришара (5), С. Лорен (5); из всемирно известных советских деятелей культуры: А.И. Солженицына (11), С.В. Крамарова (9), Г.П. Вишневскую (7); из советских и западных ученых: А.Д. Сахарова (17), С.П. Королева (9), П.Л. Капицу (9), А. Эйнштейна (4); из спортсменов: И.К. Роднину (9), С.Н. Бубку (8), В.А. Третьяка (7). Среди западной музыки обычно вспоминали следующих исполнителей и группы: А. Челентано (9), Дж. Дассен (7), М. Матье (7), Д. Рид (4), The Beatles (11), ABBA (9), Modern Talking (6), Queen (4). Распространялась данная музыка на пластинках, катушечных и кассетных магнитофонах, по радио, телевидению (включая показ западной эстрады на Новый год). Из западных фильмов часто упоминали французские, итальянские, иногда американские, в жанре комедии, приключений, вестерна («Фантомас» (11), «Игрушка» (6), «Укрощение строптивого» (4)) и на согласующиеся с советской идеологией темы («Генералы песчаных карьеров» (4)); из известного в мире советского кино: «Москва слезам не верит» (15), «Летят журавли» (10), «Война и мир» (6); из западных авторов: А. Дюма (11), Э. Хемингуэя (10), А.К. Дойла (9), Э.М. Ремарка (6), Дж. Лондона (5). Среди западных товаров обычно называли Coca-Cola (15), Pepsi (7), Adidas (7),

жвачку (11), джинсы (5). Пробовало (15), имело реже (9), таковые относительно большинство (18 (64,29 %)), однако это стало возможно в основном в период перестройки.

Отношение к странам Запада в данный период варьируется и нередко коррелирует с уровнем образования, местом проживания и воздействием советской пропаганды. Встречаются относительный нейтралитет, смешанные чувства, умеренный интерес и безразличие, что может быть проиллюстрировано следующими высказываниями: «Мое отношение было нормальное... но уехать я ни в какую [страну] не хотела»; «Хотелось хоть чего-то такого, чтобы у нас было. У меня зависть была только – что вот живут же люди»; «Не было антагонизма... не было и какого-то пиетета»; «Для меня это... не имело значения: я своим жила». Пренебрежение прослеживается редко, чаще среди рабочих и провинциальной интеллигенции: «Была... политика: “Как хорошо, что мы родились в СССР”, – что там трущобы... негров угнетают. Политика была, что у нас все хорошо, и слава Богу, что мы живем в СССР». Двум опрошенным (преподавателю вуза, учителю французского языка) довелось посетить страны Запада: Финляндию и Францию в 1980 и 1986 гг. Вторым отмечались одновременно острое влечение к Франции и вера в превосходство советского образа жизни: «Когда я приехала во Францию... восторг был дикий... Если... ругали нашу страну... я сожалела о том, что... так говорят, потому что у нас столько вещей намного лучше... было... Качества такие, как у русского... нет ни у одного иностранца... Я через три недели просто уже... выла... хотела домой». Два респондента (преподаватель вуза, журналист) положительно относились к Западу и активно интересовались им: «Был самый живой и горячий интерес»; «[Связанное воспринималось] очень даже положительно:

все это было красиво, благозвучно, ново, непривычно». Респонденты – преподаватели вуза (ныне доктора наук), проживавшие в ЗАТО Железногорск, в Красноярске, в УССР и Москве, отметили, что «“железного занавеса” не было». Респонденты, бывшие только школьниками и студентами в 1980-х гг., испытывали в основном интерес, в том числе под влиянием изменившейся государственной политики: «Вторая половина 80-х гг. ...шла пропаганда... того, как хорошо живут западные страны... Это была... политика пробивания... “железного занавеса”» [1].

Обобщая воспоминания респондентов, можно сделать вывод: в советский период преобладали контакты с Францией, Италией и США – в основном посредством кинематографа (почти без острой политической тематики), музыки (эстрада, поп, рок, классика), литературы (классика, известные современные «аполитичные», антивоенные авторы). С импортными товарами как-либо взаимодействовало относительное большинство – однако в основном в 1980-е гг. Личное отношение варьировалось чаще от безразличия до умеренно-положительного (обычно заметен интерес к Франции и Италии), коррелируя с уровнем образования, проживанием в городах и социальным происхождением.

Библиографический список

1. Личный архив автора: интервью; результаты анкетирования.

ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1960-х гг.

TRUE ORTHODOX CHRISTIANS IN THE KRASNOYARSK REGION IN 1960S

А.Н. Воробьев

A.N. Vorobyev

Истинно-православные христиане, религия, атеизм.

В статье рассматривается положение истинно-православных христиан на территории Красноярского края в 1960-х гг. На основе архивных источников анализируются их численность, социально-бытовые условия, государственная политика в отношении истинно-православных христиан.

True Orthodox Christians, religion, atheism.

The article examines the situation of true Orthodox Christians in the Krasnoyarsk Territory in 1960s. Based on archival sources, their numbers, social and living conditions, and state policy towards true Orthodox Christians are analyzed.

Принудительные переселения являлись одним из ключевых факторов, определявших религиозный ландшафт Красноярского края в XX в. Одной из конфессиональных групп, получивших распространение благодаря принудительному переселению, были истинно-православные христиане (далее – ИПХ).

Распространение ИПХ в Красноярском крае в 1960-х гг. было обусловлено принятием 4 мая 1961 г. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Согласно данному указу лица, уклоняющиеся от общественно полезного труда, а также возглавляющие нелегальные

религиозные секты (но не только эти группы), подвергались выселению в «специально отведенные местности» на срок от двух до пяти лет. Так как одной из базовых религиозных установок ИПХ был отказ от любого сотрудничества с государством и тем более от трудоустройства в советские организации, ИПХ ожидаемо стали одной из мишеней указа. Красноярский край был утвержден одним из регионов, куда подлежали выселению «тунеядцы». Также был определен перечень территорий, откуда выселенные граждане направлялись в Красноярский край [1, л. 1]. Среди утвержденных оказалось много регионов, являвшихся к началу 1960-х гг. местами наибольшего распространения ИПХ: Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Липецкая, Белгородская области и ряд других.

В данной работе мы рассмотрим следующие вопросы: численность ИПХ в Красноярском крае, социально-бытовые условия, взаимодействие с местным сообществом, а также специфика государственной политики в отношении выселенных ИПХ.

Численность и районы расселения. Численность ИПХ в крае и ее динамику мы можем проанализировать на основе отчетов уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Красноярскому краю. На начало 1963 г. пришелся пик численности ИПХ в крае – 314 человек [2, л. 10]. Основными районами расселения ИПХ были Енисейский и Тасеевский, на которые приходилось более двух третей от общего количества. К этому моменту закончился наиболее интенсивный период выселения «тунеядцев», и в дальнейшем численность ИПХ постепенно снижалась и составляла: в 1964 г. – 252 человека [3, л. 35], в 1966 г. – 208 человек [4, л. 17], в 1968 г. – 95 человек [5, л. 3], в 1969 г. – 9 человек [6, л. 29]. В отчете уполномоченного за 1969 г. сообщалось, что последняя группа ИПХ

из 9 человек в Тасеевском районе прекратила свою деятельность [7, л. 12]. Снижение численности связано главным образом с тем, что большая часть поселенцев после окончания срока высылки возвращались в свои родные регионы, и, хотя часть людей оставались жить в Красноярском крае, к началу 1970-х гг. из поля зрения государственных агентов они выпали.

Социально-бытовые условия. При наличии возможности поселенцев расселяли в общежития и квартиры, однако встречались случаи, когда предоставляли нежилые помещения без печи либо оставляли совсем без жилья, вынуждая поселенцев выкапывать землянки и строить дома самостоятельно [8, с. 48]. Подавляющее число ИПХ отказывались от работы в советских организациях и колхозах, при этом многие нанимались к частным лицам копать картофель, колоть дрова, ремонтировать квартиры и выполнять другие работы. Также ИПХ могли встретить сочувственное отношение со стороны местных жителей, предоставлявших им жилье и продукты [9, л. 502].

Формы и методы работы с выселенными ИПХ. Поставив целью сделать из ИПХ активных строителей коммунизма, государственные органы и «общественность» использовали для этого весь спектр имеющихся на тот момент инструментов, которые можно разделить на две группы: 1) комплекс репрессивных мер, предусмотренных указом от 4 мая 1961 г. и Уголовным кодексом РСФСР 1960 г.; 2) усилия по перевоспитанию со стороны атеистов.

Одной из трех основных обязанностей выселенных лиц в местах поселения было занятие общественно полезным трудом. В случае отказа от этого по решению суда назначались исправительные работы с удержанием 10 % заработка, в случае уклонения от исправительных работ действия поселенца попадали под ст. 28 УК РСФСР, предполагавшую

лишение свободы на 4 месяца. Время, проведенное в местах заключения, не засчитывалось в срок высылки. Результативность таких репрессивных мер в отношении ИПХ оставляла желать лучшего. Как сообщал уполномоченный по делам религиозных культов, в Енисейске и Енисейском районе из 117 человек стали работать только восемь, а «остальные по 3–4 раза побывали в тюрьме за отказ от работы, но и это оказалось бесполезным» [3, л. 60]. Описанный выше репрессивный механизм приводил к парадоксальным ситуациям, когда лица, не являющиеся преступниками, а высланные в административном порядке, проводили больше времени в местах лишения свободы, чем в месте поселения [10, л. 10, 11].

Наряду с репрессивными мерами партийные работники и активисты пытались проводить с высланными индивидуальную работу. В одних случаях верующих с помощью бесед уговаривали устраиваться на работу и порвать с сектой, и иногда это имело определенный успех.

В других случаях, помимо стандартной для этого периода атеистической пропаганды и бесед, некоторых верующих принудительно изолировали от общины и уже в новой обстановке проводили перевоспитание. Хорошо задокументирован случай высленной из Тамбовской области Корякиной В., которую милиция насильно доставила на квартиру к атеистке Стефанской З.В. в г. Енисейске, где она проживала более трех месяцев. В итоге за это время «человеческое отношение, искренние душевные беседы, прочитанные умело подобранные книги победили религиозный фанатизм» [11, л. 15].

Сворачивание хрущевской антирелигиозной кампании, начавшееся уже летом 1964 г., позитивно сказалось на положении ИПХ. Указ ПВС РСФСР от 4 мая 1961 г. перестали использовать для репрессирования верующих. Хотя

изменение религиозной политики не привело к реабилитации и досрочному возвращению ИПХ из мест высылки, тем не менее государственные органы отказались от практики уголовного преследования ИПХ за отказ от трудоустройства в советские учреждения.

Таким образом, анализ положения ИПХ в Красноярском крае в 1960-е гг. и их отношений с государством не только позволяет пролить свет на малоизученные эпизоды региональной истории, но и демонстрирует пределы эффективности хрущевской антирелигиозной кампании.

Библиографический список

1. Приказ МВД РСФСР № 0288 от 14.06.1961 г. // Центральный архив МВД России. Ф. 27. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-11.
2. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 149.
3. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 213.
4. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 227.
5. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 233.
6. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 235.
7. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 238.
8. *Шупило Н.А.* Наше село Верхнепашино. Красноярск, 2021.
9. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 34. Д. 36.
10. Национальный архив Республики Хакасия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3103.
11. ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 149.

СОЗДАНИЕ И АКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО ГОРОДКА НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

CREATION AND ACTIVE ACTIVITY
OF A MILITARY CAMP
ON THE TERRITORY OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

Я.С. Якунина

Y.S. Yakunina

Научный руководитель А.Л. Заика
Research adviser A.L. Zaika

Военный городок, Красноярск, полк, военнопленные, армия, казармы.

История красноярского военного городка имеет огромное значение. На его территории были и мятежи, и боевые действия. В статье описаны краткая история формирования военного городка на территории Красноярского края и его роль в жизни города.

Military town, Krasnoyarsk, regiment, prisoners of war, army, barracks

The history of the Krasnoyarsk military town is of great importance. There have been riots and fighting on its territory. The article describes a brief history of the formation of a military camp on the territory of the Krasnoyarsk Territory and its role in the life of the city.

В XIX в. русская армия не имела собственных казарм. Военные размещались в квартирах жителей города или в сельской местности. В январе 1874 г. была введена обязательная служба в армии. Численность войск в армии увеличилась, поэтому в 1876 г. было принято распоряжение правительства о скорейшем устройстве казарменных помещений [1]. «...Идея строительства компактных военных городков становилась все более актуальной. События Первой русской революции 1905–1907 гг., когда воинские части,

расположенные в Сибири и на Дальнем Востоке, проявили определенные колебания, а в некоторых городах региона даже поддержали революционное движение рабочих, крестьян и служащих (Иркутск, Красноярск, Чита, Владивосток), также заставили военное командование отказаться от размещения солдат среди местного населения» [2].

В Красноярске военный городок представлял собой жилые казармы, имел маленькие хозяйственные помещения. Мест для прибывших новых подразделений практически не хватало. После русско-японской войны 1904–1905 гг. прибывающие полки были разбросаны по всему городу. Например, военные могли находиться во дворе Казенной палаты и Казначейства. Их пребывание доставляло много проблем горожанам. Люди жаловались правительству на антисанитарию, которую устраивали военные: засорение канализации, водопровода, загрязнение воды после стирки и постоянный шум среди военных семей.

После многочисленных жалоб было решено в 1910-х гг. построить солдатские казармы, склады и жилые дома для солдат и офицеров. На территории военного городка был размещен 31-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

В 1914 г. в Красноярске был построен лагерь для военнопленных, основная часть которых находилась на территории военного городка. Четыре барака находились на берегу Енисея, а также в казармах 30-го Сибирского стрелкового полка. К концу 1915 г. в Красноярске было размещено 13 тысяч военнопленных – австрийцев, немцев, венгров, словаков, румын, итальянцев [3]. В сентябре 1916 г. прибыла первая партия пленных турецких офицеров.

Пленные солдаты жили в деревянных домах или землянках. Офицеры жили в кирпичных казармах и имели собственную столовую. Однако условия в лагере были невозможными: только за первую половину 1915 г. более

1,5 тыс. человек скончались от тифа, а с 1916 г. все военнопленные привлекались к обязательным работам и лишались общения с людьми [3].

После Февральской и Октябрьской революций в 1919 г. в военном лагере находилось 3200 человек (в основном колчаковцы). Во время Гражданской войны на территории военного городка было немало мятежей и военных операций. 30 июля 1919 г. восстали солдаты 3-го и 4-го горных стрелковых и 31-го Сибирского запасного стрелкового полков. Мятеж был подавлен сразу же [4].

Активные события происходили в военном городке в декабре 1919 – январе 1920 гг. – время проведения Красноярской операции. В конце декабря вплотную к городу подошли части генерала-лейтенанта В.О. Каппеля. При подходе белогвардейцев в Красноярске началось восстание, к которому примкнул и гарнизон во главе с генералом Б.М. Зиневичем. 23 декабря он совместно с управляющим Енисейской губернии передал власть «Комитету общественной безопасности». В ночь с 3 на 4 января 1920 г. военно-революционный штаб без боевых действий захватил власть в городе при поддержке солдат и военнопленных. Был арестован комендант Красноярского гарнизона генерал-майор Б.М. Зиневич с членами штаба. Восставшие части гарнизона выступили заслоном на пути «каппелевцев». Двенадцать тысяч белых были вынуждены обойти Красноярск с северо-запада и, переправившись через Енисей, выдвинулись в сторону Иркутска. Их дальнейшее продвижение на восток по заснеженной сибирской тайге войдет в историю как Великий Сибирский Ледяной поход. Столько же человек сдались в плен красноярскому гарнизону [5, с. 87].

В годы Великой Отечественной войны на территории военного городка проходили воинские учения, формировались добровольческие бригады и дивизии. Сюда же пере-

дислоцировались школы авиационных специалистов с территорий, захваченных немецкими войсками. В частности, с июля 1941 г. в военный городок было эвакуировано Киевское зенитное ракетное училище [6, с. 131].

После Великой Отечественной войны судьба военного городка сложилась интересно. В 1959 г. на территории городка находилось Гомельское радиотехническое училище войск ПВО, на базе его было создано КВКУРЭ ПВО, которое просуществовало до 1998 г. В 1960-е гг. военный городок был обнесен забором, появился закрытый почтовый индекс «Красноярск-5» [6, с. 195].

Постройка военного городка в Красноярске сыграла огромное значение. Военный городок имеет богатую историю от предреволюционных событий до наших дней. У городка есть своя историческая ценность – кирпичные здания начала XX в., которые стали частью исторической застройки Красноярска. На примере истории военного городка можно проследить значимые события в истории нашей страны: революции, Гражданская война и Великая Отечественная война, послевоенное время, период перестройки.

Библиографический список

1. *Скорикова Н.А.* История планирования и застройки военного городка № 19 в Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. № 1 (22). С. 132–147.
2. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2400. Журнал заседания Городской думы.
3. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: Сіверянська думка, 2006. 444 с.
4. ГАКК. Ф. Р-1991. Оп. 1. Д. 225.
5. *Афференко В.А.* Эхо Гражданской войны (Красноярская операция и обход каппелевцами г. Красноярска в январе 1920 года). Красноярск: Класс Плюс, 2012. 167 с.
6. *Гевель Е.В.* Образ города в Красноярском урочище. Красноярск: Версо, 2012. 224 с.

ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОЛЬШИ И ФИНЛЯНДИИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE SPECIAL LEGAL STATUS
OF POLAND AND FINLAND
WITHIN THE RUSSIAN EMPIRE

Д.Е. Арискина,
Е.И. Орлов

D.E. Ariskina,
E.I. Orlov

Научный руководитель В.И.Федорова
Research adviser V.I. Fedorova

Польша, Финляндия, Российская империя, правовой статус, автономия.

Статья исследует правовой статус Польши и Финляндии в Российской империи, где они обладали значительной автономией и сохраняли элементы своих правовых систем. Рассматриваются исторические условия присоединения и взаимодействие с имперским законодательством, что способствовало их интеграции и развитию.

Poland, Finland, the Russian Empire, legal status, autonomy.

The article examines the legal status of Poland and Finland in the Russian Empire, where they had considerable autonomy and retained elements of their legal systems. The historical conditions of accession and interaction with imperial legislation are considered, which contributed to their integration and development.

При проведении либеральных реформ Александр I уделял особое внимание правовому статусу новых территорий в составе Российской империи, таких как Польша и Финляндия. В рамках работы «Негласного комитета» рассматривалась возможность ограничения самодержавия

и создания особых условий управления для этих земель. М.М. Сперанский предложил проект перехода к ограниченной монархии, а Н.Н. Новосильцев после Венского конгресса 1815 г. являлся разработчиком конституционного проекта, закреплявшего автономный статус Польши с учетом внешнеполитических и внутренних реалий.

Вопрос особого правового статуса таких субъектов Российской империи, как Польша и Финляндия, интерпретируется в историографии по-разному: инкорпорация без особого статуса, личная или реальная уния, федеративная связь с центром. Однако комплексных исследований по созданию и функционированию этих территорий немного, что открывает перспективы для дальнейших исследований.

В дореволюционной литературе конституционный статус Польши и Финляндии рассматривается критически по отношению к центральной власти. Владимир Студницкий в книге «Польша в политическом отношении от раздела до наших дней» описывает конституцию Польши 1815 г. как навязанную России Венским конгрессом, подчеркивая, что включение Царства Польского в империю было международным соглашением, а не завоеванием [1, с. 19]. Юрий Подвинский также считал конституцию Польши не проявлением либерализма Александра I, а выполнением условий Венских соглашений [2, с. 11]. Финский исследователь Осмо Юссила указывал, что Польша существовала как отдельное королевство под властью российского императора [3, с. 28]. В отношении Финляндии он подчеркивал ее особое значение в составе империи. Николай Сергеевский в своем труде отмечал, что автономия Финляндии носила временный характер и основывалась как на местных законах, так и на правовых актах Российской империи [4, с.10].

После русско-шведской войны 1808–1809 гг. и подписания Фридрихсгамского мирного договора Александр I

присоединил Финляндию как Великое княжество, пообещав сохранить ее законы и сейм. Под руководством М.М. Сперанского была создана русско-финляндская комиссия, благодаря которой в 1811 г. к Финляндии были присоединены города Старой Финляндии. Михаил Михайлович, заботясь о развитии конституционности России, хотел интеграции более развитого шведского законодательства, в котором отрицалось крепостное право, распространенное на территории «русской» Финляндии. Финляндия сохраняла автономию, выступая в роли «государства в государстве» с собственными законами и управлением, а Александр I стал ее великим князем, что создало уникальную политико-правовую конструкцию в рамках Российской империи [5, с. 15].

Финляндское княжество не имело столь широкой автономии, как Польша. Во-первых, финский сейм не был постоянно действующим органом (1809 и 1863), в отличие от польского. Во-вторых, финны не имели собственной армии, а, напротив, были вынуждены собирать войска в случае военной угрозы. В-третьих, главой исполнительной власти Финляндии являлся император и никто другой. В Польше по умолчанию функции главы исполнительной власти осуществлял император, конституция предусматривала право царя в случае своего отсутствия назначить наместника, которым мог быть только Великий князь Российской империи. Если такой возможности не было, наместником мог стать местный уроженец или лицо, получившее гражданство по установленному порядку [6, с. 29].

Финляндия не обладала четкой регламентацией своей автономии из-за традиционных законов, предоставленных еще Швецией в конце XVIII в. Правитель должен был исповедовать лютеранскую веру, что не соответствовало доктрине Русского государства. Это была одна из ключевых позиций, почему не сохранилась конституционная власть в Финляндии

в исконном понимании, поэтому мы можем сказать об усеченной форме автономии великого княжества [4, с. 8].

Венский конгресс 1815 г. закрепил присоединение Царства Польского к России на условиях автономии. Под давлением европейских держав Александр I обязался сохранить для Польши конституцию и самоуправление, что должно было ограничить российскую экспансию в Европу [1, с. 16].

Конституция Царства Польского 1815 г. утвердила статус Польши как субъекта в составе Российской империи на условиях личной унии с Россией. Она предоставляла Польше ограниченную автономию: собственное войско, делопроизводство на польском языке и основные права, такие как свобода слова и неприкосновенность личности. Однако российский император сохранял контроль над внешней политикой и мог утверждать или отклонять законы сейма. Высшие должности занимали поляки, а специально назначенный статс-секретарь представлял интересы Польши перед императором [7, с. 5].

Реформы Александра I были направлены на модернизацию управления, но сталкивались с ограничениями российской реальности. Автономия Польши и Финляндии зависела от воли императора и служила скорее политическим инструментом, чем реальным проявлением самоуправления. Польша, получившая более широкие права, и Финляндия с ограниченной автономией иллюстрировали концепцию «государство в государстве». С одной стороны, конституция Польши стала способом сдерживания влияния России в Европе, а с другой – уступкой, согласованной на Венском конгрессе. Финляндия имела лишь формальные права, не затрагивающие ключевых сфер власти, так как в соответствии с Фридрихсгамским мирным договором не было предусмотрено сохранение финской конституции.

Таким образом, несмотря на введение элементов конституционности, реальная власть оставалась в руках монарха, что свидетельствует о неэффективности либеральных реформ в рамках авторитарной системы.

Библиографический список

1. *Студницкий В.В.* Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. Спб.: Пушкин, 1907. 199 с.
2. *Подвинский Ю.В.* Конституция Царства Польского и ее судьба. М.: Изд. Е.В. Кожевниковой и Е.А. Коломийцевой, 1906. 47 с.
3. *Юссила О.* Великое княжество Финляндское 1809–1817. Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2013. 864 с.
4. *Сергеевский Н.Д.* К вопросу о коренных законах великого княжества Финляндского. СПб.: Лронаи, 2013. 21 с.
5. *Минаева Н.В.* Потаенные конституции России. М.: Посев, 2010. 224 с.
6. *Александр В.Ф., Биляев В.А.* Сравнительно-правовой анализ особенностей правового статуса национальных окраин Российской империи. На примере Великого княжества Финляндского, Царства Польского, Средней Азии // Закон и право. 2020. № 7. С. 27–32.
7. Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). Спб.: Изд. Н.Д. Сергеевского, 1907. 148 с.

ВКЛАД УЧЕНЫХ ЛЕНИНГРАДА В ДЕЛО ПОБЕДЫ НА СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ

THE CONTRIBUTION OF LENINGRAD SCIENTISTS TO THE VICTORY ON SIBERIAN LAND

Э.Б. Матвеева

E.B. Matveeva

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Research adviser L.E. Mezit

Великая Отечественная война, Красноярск, медицинский институт, Арктический институт, Ленинград.

Предметом статьи является анализ вклада ученых Ленинграда во время Великой Отечественной войны на территории Красноярского края. Источниковую базу работы составили материалы Государственного архива Красноярского края и музея «Мемориал Победы».

The Great Patriotic War, Krasnoyarsk, Medical Institute, Arctic Institute, Leningrad.

The subject of the article is an analysis of the contribution of Leningrad scientists during the Great Patriotic War in the Krasnoyarsk Territory. The source base of the work was made up of materials from the State Archive of the Krasnoyarsk Territory and the Museum of the Victory Memorial.

Битва за Ленинград – это не только героизм, но и величайшая, потрясая весь мир трагедия. 900 дней противостоял Ленинград вражеской осаде, и каждый из этих дней был отмечен высокой боевой и трудовой доблестью ленинградцев.

В самом начале Великой Отечественной войны было принято решение об эвакуации Всесоюзного Арктического

научно-исследовательского института в Красноярск, который должен был стать руководящим центром Главсевморпути.

Первая группа эвакуированных прибыла в Красноярск в июле 1941 г. и состояла из главных специалистов. В нее входили: председатель ученого совета профессор В.Ю. Визе, заместитель директора института И.В. Максимов, начальники отделов: океанологии – А.Ф. Лактионов, ледовой службы – А.И. Петриченко, метеорологии – Е.И. Тихомиров, географии – Я.Я. Гаккель, геофизики – М.Е. Острекин и другие. Исследования этого периода были сосредоточены на военных нуждах [1].

В июне 1942 г. В.Х. Буйницкий был назначен директором Арктического института.

В 1942 г. перед Арктическим институтом стояли исключительно важные задачи, связанные с непосредственным обслуживанием арктической навигации 1942 г. (ледовые прогнозы, навигационные пособия, оперативная метео- и ледовая служба и т.д.). Работы производились по заданиям Управления военной гидрографии по указаниям штаба Военно-Морского Флота и имели в условиях Отечественной войны крупное значение.

Здание Красноярского краеведческого музея было передано во временное пользование Главсевморпути [2].

Сотрудникам института также довелось принять и непосредственное участие в боевых столкновениях с немецкими надводными судами и подводными лодками в Арктике. Благодаря высокой боевой готовности личного состава, охранявшего внутренние морские пути от ударов вражеских кораблей и подводных лодок, в военное время не прекращались транспортные перевозки по Северному морскому пути.

Стоит отметить, что в Красноярском краеведческом музее 5 октября 1941 г. прошла выставка музея Арктики

по теме «Завоеванная Арктика», на которой были представлены многие артефакты советских экспедиций на Север: научное оборудование, палатка папанинцев и их личные вещи [3].

Арктический институт работал в Красноярске до 1944 г., затем вернулся в Ленинград. Родина высоко ценила труд сотрудников Арктического института в годы Великой Отечественной войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 декабря 1945 г. за успешное выполнение заданий Правительства и самоотверженную работу по освоению Северного морского пути в дни Отечественной войны награждены орденами и медалями работники Главсевморпути.

Война способствовало рождению на Сибирской земле медицинского вуза. В довоенный период в крае не готовили врачей, только средний медицинский персонал, фельдшеров, поэтому проблема с квалифицированными кадрами решалась оперативно. Помимо эвакуированных специалистов, прибывших с госпиталями, начиная с 1942 г. большую помощь им стали оказывать студенты вновь созданного Красноярского медицинского института. В его создании участвовали эвакуированные в край 1-й Ленинградский медицинский институт и Воронежский стоматологический институт.

Основное ядро вновь организованного института состояло из профессорско-преподавательского состава и студентов 1-го Ленинградского медицинского института имени академика Павлова. Этот институт в течение ряда лет занимал одно из первых мест среди медицинских институтов Союза, пользуясь широкой известностью не только в СССР, но и далеко за его пределами. Для учебных занятий выделили два здания: по ул. Ломоносова, 7 (ныне школа-интернат) и ул. К. Маркса, 39 (ныне Краевая больница № 2). Н.И. Озерецкий был назначен директором нового института, П.Г. Подзолков – его заместителем [4].

Кафедры и лаборатории были оборудованы крайне примитивно. Совершенно отсутствовала лабораторная посуда. Учебников было недостаточно: в среднем по одному учебнику на 10–15 человек студентов.

Жилищно-бытовые условия студентов и профессорско-преподавательского состава были неудовлетворительные. При институте не было общежития студентов – жили на частных квартирах, по углам, что не могло не отражаться на учебно-производственной работе. Профессорско-преподавательский коллектив института в основном ощущал большую нужду в одежде и обуви.

Руководство Красноярска заботилось о бытовой стороне жизни студентов и преподавателей. Кроме положенных 600 г. хлеба в день, медикам выдавали дополнительно по 200 г. Было утверждено постановление бюро крайкома, которое гласило о том, что медицинский институт надо сделать образцовым. Проводились курсы по специализации врачей и медсестер, научно-исследовательская работа, о результатах врачи докладывали на конференциях, писали научные статьи.

Первый выпуск Красноярского медицинского института слушал лекции ведущих специалистов-медиков ленинградской школы. После снятия блокады большинство ленинградцев вернулись домой, был отозван и профессор Н.И. Озерецкий, но главное было сделано – институт начал работу. К счастью для Красноярска, местным властям удалось добиться сохранения вуза в 1944 г., когда началась эвакуация. Тесные связи сохранились на долгие годы. Красноярские студенты и преподаватели могли слушать лекции визит-профессоров, поступать в аспирантуру и докторантуру, участвовать в конференциях, получать консультации и повышать квалификацию в Ленинграде.

Библиографический список

1. *Дворецкая А.П., Кухта С.В., Липатова К.Ю.* Петроград-Ленинград в истории Красноярья (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»). Красноярск, 2015. 560 с.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 35. Л. 139.
3. *Травкин Д.* Выставка «Завоеванная Арктика» в краеведческом музее // Красноярский рабочий. 1941. 5 октября. С. 4.
4. *Варгунин Н.А.* Живые страницы истории // Медик. 1972. 29 ноября.
5. Война на трассах советской Арктики [Электронный ресурс]. URL: http://www.tinlib.ru/istorija/arkticheskie_tainy_tretego_reiha/p8.php (дата обращения: 12.03.2023).
6. Побратимы. Регионам, принявшим эвакуированных ленинградцев, посвящается / отв. ред. Ю.З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 951 с.

**«СУД ДОЛЖЕН ПРОДОЛЖАТЬСЯ!»:
ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНОЙ
В СОВЕТСКОМ ПРОПАГАНДИСТСКОМ КИНО**

“THE TRIAL MUST CONTINUE!”: THE PROBLEM
OF SEXUAL VIOLENCE AGAINST A WOMAN THROUGH
THE PRISM OF SOVIET FEATURE FILMS

А.П. Бурлакова

A.P. Burlakova

Научный руководитель Е.И. Семькин
Research advisor E.I. Semykin

«Чубаровщина», женский вопрос в СССР, пропаганда, советское игровое кино.

«Суд должен продолжаться» – один из немногих примеров советского игрового кино, центральной темой которого становится сексуальное насилие над женщиной. Фильм был выпущен в прокат в переломный момент смены гендерной политики советской власти, отчего представляет еще больший интерес в вопросе репрезентации сексуального вопроса в советском обществе.

“Chubarovshchina”, the women’s issue in the USSR, propaganda. Soviet feature films.

“The Trial must continue” is one of the few examples of Soviet feature films, the central theme of which is sexual violence against a woman. The film was released at a crucial moment in the change of the gender policy of the Soviet government, which makes it even more interesting in the issue of representation of the sexual issue in Soviet society.

По экспертным выводам прокуратуры и сообщениям благотворительных организаций, реальные случаи сексуального насилия над женщинами многократно превосходят

зарегистрированные [1, с. 409]. Обращение к художественному осмыслению проблемы в прошлом и его анализ крайне важны.

Патриархальные установки советских граждан в новых реалиях привели к новому витку дискриминации женщин [2, с. 135]. Одним из самых ярких эпизодов является «Чубаровское дело», послужившее идейной основой для фильма «Суд должен продолжаться» 1930 г. режиссера Бориса Иосифовича Шрейбера. Этот памятник культуры будет являться основным источником данного исследования. Методология исследования основывается на предложенных Марком Ферро идеях, а именно на одном из вариантов рассмотрения киноисточника как инструмента пропаганды [3, с. 132–133].

Объектом исследования является изображение проблемы сексуального насилия над женщиной в советском игровом кино 1920-х гг. Предметом – содержание проблемы сексуального насилия над женщиной, изображенной в советском игровом кино 1920-х гг. Цель исследования – выявление особенностей изображения проблемы сексуального насилия в советском игровом кино 1920-х гг. на примере фильма «Суд должен продолжаться».

Фильм начинается с судебного заседания, где на скамье подсудимых предстают насильники, надругавшиеся над главной героиней Еленой. Сюжет не сообщает зрителю о каких-либо подробностях преступления. В реальном чубаровском деле только подозреваемых, по показаниям потерпевшей, было несколько десятков человек, в многочасовом акте насилия женщину избивали, глумились [4, с. 156–157]. Фильм не посвящен ходу судебного процесса и обстоятельствам самого дела или общественной реакции на него, акцент делается совершенно на другом, на том насилии, что остается вне поле зрения правоохранительных органов или общественности.

Первой показана неадекватная реакция мужа Елены, который вместо поддержки или помощи давит на нее с требованием уйти с работы и оставаться дома, относясь к ней в этой ситуации как к вещи, собственности, которую кто-то ему испортил, он усугубляет психологическое состояние Елены, и та покидает дом. В дальнейшем она сталкивается с домогательствами и преследованиями коллеги, который, следуя заветам новой половой морали, не понимает причины ее отказа и, видимо, считает нужным настоять на близости. Адвокат, защищавший насильников в суде и произносивший на заседании высокопарные речи, публично отказываясь защищать людей, совершивших столь ужасное, по его мнению, злодеяние, сам в дальнейшем предлагает Елене сексуальную близость за деньги. После ее отказа искренне удивляется этому, а возмущение самим предложением расценивает как недовольство предложенной суммой. Порицание покупателя – это очень прогрессивный для начала XX в. нарратив, по сей день, например, в России, криминализовано лишь занятие проституцией, потребитель же этих «услуг» чист перед законом. В современном феминистском дискурсе [5, с. 32] проституция считается формой эксплуатации и насилия над женщиной. Ведь даже если речь идет не о сексуальном рабстве, то называть добровольным согласие женщины на половой акт за деньги ввиду крайней нищеты или нужды язык не повернется.

В финале картины Елена уходит в трудовую коммуну. Это полностью соответствует тогдашнему официальному идеологическому нарративу, исходящему из курирующих женский вопрос организаций. Популярная дискуссия о домах-коммунах, где все личное становилось общественным, по всей видимости, должно было защитить женщину от насилия в различных его проявлениях [6, с. 127]. На протяжении всего фильма зрителю демонстрируется,

что единственным барьером, защитником между женщиной и теми, кто хочет ей навредить, является рабочий коллектив. Однако трудовые коммуны в достаточном количестве так и не были созданы [7, с. 311], а в 1930-е гг. начинается обратное движение в сторону восстановления позиций традиционной нуклеарной семьи.

Фильм транслирует очень прогрессивную и позитивную повестку, представляя собой один из официальных каналов социальной пропаганды Советского государства, отражая позицию власти по женскому вопросу на тот момент. Создатели фильма сознательно переводят акценты от случаев групповых изнасилований, которые вызывают общественный резонанс, но все же статистических, остающихся редкими, на те, что случаются каждый день с тысячами женщин по всей стране и во всем мире.

Библиографический список

1. *Волков Г.В.* Проблема латентности преступлений против половой свободы женщин // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 октября 2018 г. / науч. ред. И.С. Кокорин; отв. ред. Е.Б. Гоголевская. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2019. С. 408–411.
2. *Бобровская Е.В.* «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в Советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 133–140.
3. *Семькин Е.И.* Формирование исторической памяти о Первой мировой войне в Великобритании 1920-х гг. На примере документальных фильмов-реконструкций «Монс» и «Ипр» // Инновационные тенденции развития Российской науки: материалы XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Красноярск, 04–06 марта 2024 г. Красноярск: КГАУ, 2024. С. 131–134.

4. *Савчук А.А.* Проституция и изнасилования в Советской России 1920-х гг. как итог разрушения традиционного обмена женщинами // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 153–159.
5. *Семерикова А.А.* Проституция и сексуальное насилие. Криминологический и виктимологический аспект // Юридические исследования. 2017. № 9. С. 31–38.
6. *Говряков И.Ю.* «Женский вопрос» в публицистике и на страницах центральной советской печати 1917–1941 гг. Основные темы публикаций и критерии их отбора // История отечественных СМИ. 2014. № 1. С. 119–127.
7. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3–4. С. 299–321.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ:
МИРОВОЙ ОПЫТ**

КРЕМОНА XI в. В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

CREMONA IN THE 11TH CENTURY IN THE POLITICAL SPACE OF THE HOLY ROMAN EMPIRE

А.Г. Канаев

A.G. Kanaev

История Средних веков, Северная Италия, Священная Римская империя, Кремона, коммуна.

В статье на основе анализа нарративных и документальных источников прослеживается история политического развития североитальянского города Кремоны в XI в. Автор показывает, как в условиях политической борьбы между германскими императорами и римскими папами жителям Кремоны удалось добиться признания города коммуной.

History of the Middle Ages, Northern Italy, Holy Roman Empire, Cremona, commune.

The article based on the analysis of narrative and documentary sources examines the history of the political development of the Northern Italian city of Cremona in the 11th century. The author shows how, in the context of the political struggle between the German emperors and the Roman popes, the inhabitants of Cremona managed to achieve recognition of the city as a commune.

В XI в. Кремона, как и другие города Северной Италии, входила в состав Священной Римской империи. Германские императоры, осуществляя итальянскую политику, не могли не учитывать экономическое значение растущих городских центров. Это приводило к втягиванию империи и во внутригородские конфликты, разгоравшиеся между возникающими коммунами и сеньорами-епископами, как это было в Кремоне. Уже в первой половине XI в., в правление епископа Арнульфа, в Кремоне вспыхнуло настоящее восстание горожан, что было вызвано, скорее всего, проимперской ориентацией епископа и чрезмерными притязаниями

связанной с империей кремонской знати. Кроме того, под предлогом поддержки епископа Арнульфа в дела Кремоны вмешался миланский архиепископ, бывший в тот период вождем немецкой партии. Хроника рассказывает, что в 1026 г. архиепископ захватил трое из ворот Кремоны [1, а. 1026]. Тогда и началось восстание горожан. Как свидетельствует грамота императора Конрада II (1024–1039) от 1032 г., восставшие горожане «до основания разрушили старый город, против существа нашей чести, чтобы нам противостоятъ» [2, № 56, а. 1032]. В ходе восстания были разрушены укрепление епископа в городе, его дома и дома соседних каноников, один из каноников кремонской церкви был убит [3, № 8]. Ясно, что горожане прежде всего хотели опрокинуть материальный и военный оплот епископской власти, заодно и других сеньоров. Недаром упомянут «старый город», то есть старинная античная часть Кремоны, заселенная еще в лангобардские времена городским дворянством.

В результате восстания кремонцы были допущены к городскому управлению в качестве судей и других должностных лиц, избираемых горожанами. Особенно существенным завоеванием горожан было получение права прокладывать новые улицы (что раньше было привилегией епископа), дороги к новым пригородам, соединившие их с городом, и охватывать новыми крепостными стенами и рвами эти пригороды, которые таким образом сливались с городом. В состав Кремоны в последующие годы вошли пригороды, в которых были расположены церкви св. Лаврентия, св. Витале, св. Томаса, церковь и монастырь св. Петра, церковный приход св. Духа, находившийся на другом берегу реки По. Попутно заметим, что все это – свидетельства бурного развития Кремоны и притока населения, больше всего торговоремесленного, традиционно заселявшего пригороды.

Защищенные новой оградой, горожане чувствовали себя увереннее перед возможным нападением имперских войск и отрядов феодалов. Из хроники Сикарда всплывает

любопытная деталь: около 1040 г. близ Лаго Оскуро произошла военная схватка между рыцарями (*milites*) и горожанами (*cives*), причем последние побили епископа и «одетых в железо» потомков лангобардских завоевателей [1, а. 1040].

В 1044 г. появившийся в Кремоне императорский посол произвел расследование произошедшего конфликта, причем, отмечая остроту кремонских разногласий и бессилие епископской юрисдикции, он призвал горожан помочь установлению согласия, обратившись ко всем рыцарям, вассалам и ко всему кремонскому народу (*omniq̄ue populo*) в Кремонском епископстве и графстве, а также к жителям «старшим и младшим» (*nespon cunctis civibus, tam maioribus quam minoribus*) [2, № 90, а. 1044]. Аналогично звучит обращение, сделанное через два года, в 1046 г., императором Генрихом III (1039–1056), адресованное кремонскому народу в целом (*cuncto populo Cremonensi*) и приглашавшее его соблюдать права епископа в городе и на реке По [2, № 99, а. 1046]. Подтверждение регалий через 20 лет, в 1066 г., было последней уступкой императорской власти епископу Кремоны [2, № 144, а. 1066].

Преемником епископа Кремоны Ландульфа в 1067 г. стал назначенный Генрихом IV (1056–1106) племянник миланского архиепископа Арнульф. Погрязший в разврате и роскоши, Арнульф попал на епископский престол Кремоны, когда город уже был взволнован религиозным движением патаренов. Папа Григорий VII (1073–1085) в 1078 г. отлучил от церкви и сместил епископа Арнульфа, являвшегося сторонником Генриха IV [2, № 164, а. 1078]. Отлученный епископ и другие сторонники императора были вынуждены покинуть город. Естественно, что это не могло не пошатнуть авторитет епископской власти в целом.

Наиболее ранние упоминания о коммуне в Кремоне приходятся на 1098 г. Согласно дарственной грамоте от 1 января 1098 г., тосканская маркграфиня Матильда, сторонница Григория VII, уступила давно спорную крепость Крему

и территорию с укреплением между реками Аддой и Ольо, так называемый «Остров Фулькерии», не только представителям епископской церкви св. Марии, но и представителям кремонской коммуны – Готфриду де Беллуско, Морициу и Кремоксану Ольдоини [2, № 195, а. 1098].

По дарственной грамоте мы ничего не можем сказать об органах управления кремонской коммуной, о степени ее самостоятельности от епископа, но само наличие некоей общности горожан, выступившей как юридическое лицо вместе с епископом, является подтверждением значительных уступок горожанам со стороны последнего в ходе коммунальной борьбы XI в. Так или иначе, крепость Крему епископ уже не мог использовать как укрепление в борьбе с горожанами. Что касается упоминания о коммуне, то примерно в то же время появляются коммуны в других итальянских городах: Пизе в 1081–1085 гг., Милане в 1097 г., Генуе в 1099 г., во Флоренции, Сиене, Ферраре коммуны устанавливаются после смерти графини Матильды – в 1115 г.

Таким образом, Кремона прошла политический путь, во многом характерный для других городов Северной Италии. Используя сложную политическую ситуацию в Священной Римской империи, активную итальянскую политику германских императоров, наталкивавшуюся на противодействие со стороны папства, жители Кремоны к концу XI в. добились признания города коммуной, что свидетельствовало о росте ее значения в политическом пространстве империи.

Библиографический список

1. Sicardi episcopi cremonensis chronicon // Muratori L.A. Rerum italicarum scriptores. 1723–1738. Vol. 7.
2. Codex diplomaticus Cremonae. 715–1334 / Ed. a Astegiano. Tomus I. Taurinorum, 1896.
3. Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / под ред. С.А. Аннинского, О.А. Добиаш-Рождественской. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937.

ВАНДЕЯ И ШУАНЕРИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНО

VENDÉE AND CHOUNNERIE
IN FRENCH FICTION CINEMA

Е.С. Меер

E.S. Meer

Вандея, Шуанерия, французское художественное кино, «Шуаны» (1947), «Шуаны!» (1988), «Победить или умереть» (2023).

В статье предпринята попытка совокупного анализа французских художественных фильмов о Вандее и Шуанерии, переведенных на русский язык. Автор прослеживает эволюцию в репрезентации роялистского повстанческого движения на западе Франции, приходит к выводу, что кинематографический дискурс сместился слева направо.

Vendée, Chouannerie, French fiction cinema, “Chouans” (1947), “Chouans!” (1988), “Win or Die” (2023).

The article attempts to provide a comprehensive analysis of French feature films about Vendée and Chouannerie, translated into Russian. The author traces the evolution in the representation of the royalist insurgency in western France, concluding that cinematic discourse has shifted from left to right.

Вандея и Шуанерия, роялистские повстанческие движения на западе Франции [1, с. 55], как и их антитеза и невольная мать Французская революция, получили воплощение во французском художественном кино – одном из каналов культурной памяти. Степень изученности данного сюжета в России минимальна. В библиотеке Vive Liberta имеется небольшая статья Екатерины Урзовой о фильме Филиппа де Брока «Шуаны!» (1988). Автор сосредоточена на разборе персонажей. Что касается репрезентации шуанов, то она абсолютно верно замечает, что режиссер занимает

позицию «посередине»: шуаны показаны «не ангелами», как и республиканцы, – и приводит соответствующие примеры. Урзова также показывает двойственность образа Олимпии де Сен-Жильдас, дворянки из лагеря шуанов: «царица амазонок» подчиняется руководству мужчин [2]. В 2024 г. нами опубликована статья о фильме «Победить или умереть» (2023), который оценивается как попытка произвести сдвиг в культурной памяти о Вандее.

В данной статье мы попытаемся показать эволюцию роулистского повстанческого движения на западе Франции во французском художественном кино, ограничившись кинолентами, показанными в СССР и современной России. Это «Шуаны» (1947) Анри Калефа [4], «Шуаны!» (1988) Филиппа де Брока [5] и «Победить или умереть» (2023) Поля Миньо, Венсана Моттеза [6], переведенный на русский язык под названием «За короля!». Первый фильм основан на романе Оноре де Бальзака «Шуаны, или Бретань в 1799 году» [7], который мы привлекаем для исследования как дополнительный исторический источник. Второй, как утверждают многочисленные сайты, например kinopoisk.ru, тоже [8]. В титрах фильма подобная информация отсутствует, и роднит кинокартину с романом только два слова – «шуаны» и «Бретань». Титры киноленты «Победить или умереть» (2023) показывают, что она снята «Пюи-дю-Фу Филмс», подразделением исторического тематического парка «Пюи-дю-Фу», основанного правым политиком Филиппом де Винье, при поддержке региона «Земля Луары» и департамента Вандея. Создатели прибегали к консультациям историков (в частности, они благодарят Р. Сеше, чья статья о Вандее в контексте геноцида и политики меморицида (преступлений против памяти) в 2016 г. была переведена в России [9].

Послевоенный черно-белый фильм «Шуаны» Анри Калефа (1947) предваряется специальной текстовой справкой

о том, что зритель увидит события, связанные с третьим восстанием шуанов. Посыл, что республика снова в опасности, звучит во фразе, что «роялисты, к которым примешались темные личности, более склонные грабить дилижансы, чем восстанавливать монархию, решили разжечь восстание в Бретани в момент, когда Директория вела тяжелые бои на восточных границах». Сюжет Бальзака существенно переработан. В романе между «белыми» и «синими» в 1799 г. уже идет война [7], в фильме она не будет показана вообще. Ловушка агента Французской республики Корантена предотвращает ее ликвидацией маркиза де Монторана. У Бальзака шуаны – бретонские крестьяне – это колоритные дикари, храбрые, хитрые и жестокие, они живут в лачугах и грабят дилижансы [7]. В фильме шуаны, как тени, почти не разговаривают, тихо выполняют команды мадам дю Га. Главным олицетворением Шуанерии в киноленте является именно эта женщина-фанатичка, ни дворяне-мужчины, ни аббат, которые периодически колеблются. Она заявляет, что лично готова повести колонну в бой, но так как война не наступит, мы этого не увидим, только ее смерть как крах дела шуанов.

Место действия фильма «Шуаны!» (1988) Филиппа де Брока тоже провинция Бретань, но в 1793 г. Проблема заключается в том, что, в отличие от фильма Калефа, который, вслед за Бальзаком, локализует действие вокруг города Фужер (департамент Иль и Вилен), где происходят события второй кинокартины, место мы точно не узнаем. В титрах выражается благодарность Региональному совету Бретани и французской коммуне Локронан (департамент Финистер, видимо, там и происходили съемки). В фильме хорошо показано, что крестьяне восстали и стали бандитами из-за набора в армию, из-за гонений Парижа на неприсягнувших священников и казни короля. К движению присоединились дворяне, пытающиеся защитить свои потерянные привилегии,

народ они презирают и используют в своих целях. Этот образ воплощают барон де Тиффож и маркиза Олимпия де Сен-Жильдас (субъекты корыстные, а не фанатичные). Маркиза гарцует на лошади, но в сражениях реального участия не принимает. В фильме имеется фанатичный неприсягнувший священник, который ведет крестьян под пули и чужими руками убивает своего конкурента (он совсем не дипломат, в отличие от аббата Калефа). Никаких исторических сражений в киноленте нет, только выдуманные.

В 2023 г. кинолента «Победить или умереть» предлагает историю не вымышленных персонажей, придуманных фантазией писателя прошлого или сценариста, а реальных участников Вандейского восстания. Главный герой – Франсуа-Атанас Шаретт де Ла Контри, один из военных вождей, – в 1795 г. станет главнокомандующим Католической и Королевской армии. Вокруг его истории от включения в Вандейское восстание в марте 1793 г. до расстрела в марте 1796 г. строится повествование. Шаретт показан как дворянин, который из чувства долга возглавляет восставших по тем же самым причинам, что и в фильме «Шуаны!», крестьян, как рыцарь, отпускающий пленных под честное слово, что они повторно не будут воевать против него. Аббат Рено, находящийся при нем, призывает к милосердию. «Амазонки Шаретта» (графиня Аделаида де Ла Рошфуко и Селесте Балкли) не фанатичные или корыстные дворянки, а эмансипированные славные воительницы, которые реально участвуют в боях. Вандейцы изображены как жертвы республиканских политиков и генералов. Никакого «белого террора» не присутствует, только «красный», который заставил отвечать. Слово «геноцид» в отношении Вандеи не произнесено, но красноречиво показаны горы трупов, убийства мужчин, женщин и детей в ходе работы «адских колонн» Тюрро. В фильме упоминаются и демонстрируются основные реальные исторические

сражения, но взаимодействия с другими лидерами «Военной Вандеи» практически нет. Шаретту приписывается переход к партизанской борьбе уже весной 1793 г., но, согласно В. Шурыгину, он начинает пробовать ее только осенью [10]. Фильм демонстрирует торжество антипамяти, но при этом закрепляет миф о Вандее, так как Шаретт скорее говорит языком историка, нежели языком исторического персонажа. В его дискурсе постоянно повторяется «Вандея»: «Они превратили Вандею в ад», «Вандея пока ничего не видела, ей только предстояло стать великомученицей» и т.д. Но Вандея – конструкт, появившейся в результате событий [11].

Анализ фильмов о Вандее и Шуанерии в хронологическом порядке обнаруживает постепенное смещение кинематографического дискурса о роялистских повстанческих движениях на западе Франции слева направо. Это явление может быть объяснено в контексте изменения политико-идеологической ситуации в стране, эволюции историографии Французской революции и трансформаций в сфере информационных технологий.

Библиографический список

1. *Бовыкин Д. Ю.* Людовик XVIII и роялистское повстанческое движение на западе Франции // Французский ежегодник 2016. Т. 49: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. С. 55–65.
2. *Урзова Е.* «Шуаны!» [Электронный ресурс]. URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public %3A %2F %2FBVg-T0apfUDxux8vVukrJajfuFjLDvse6FBZdcSIIta8 %3D&name=chouines_martha.pdf](https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public_%3A_%2F_%2FBVg-T0apfUDxux8vVukrJajfuFjLDvse6FBZdcSIIta8_%3D&name=chouines_martha.pdf) (дата обращения: 19.11.2024).
3. *Меер Е.С.* Культурная память и Французская революция: образ Вандеи в художественном фильме «Победить или умереть» // Некрасовские чтения памяти д.и.н., профессора Юрия Клавдиевича Некрасова (1935–2006): материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (16–17 мая 2024 г.) / Вологодская

областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина; отв. ред. *В.А. Саблин*. Вологда: ВОУНБ, 2024. С.129–132 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=75098817> (дата обращения: 29.11.2024).

4. «Шуаны» («Les chouans», реж. Анри Калеф, 1947).
5. «Шуаны!» («Chouans!», реж. Филипп де Брока, 1988).
6. «За короля!» («Vaincre ou mourir», реж. Поль Миньо, Венсан Моттез, 2023).
7. *Бальзак О.* Шуаны, или Бретань в 1799 году [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/balzak_onore/shuani_ili_bretan_v_1799_godu.html#0 (дата обращения: 19.11.2024).
8. Создатели/Шуаны! [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/15082/cast/who_is/writer/ (дата обращения: 19.11.2024).
9. *Сеше Р.* Вандея: от геноцида к «меморициду» // Французский ежегодник 2016. Т. 49: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. С. 36–54.
10. *Шурыгин В.* Франсуа-Атанас Шаретт. Герои Вандеи. За Бога и Короля. Вып. 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/vitaliy-shurygin/fransua-atanas-sharett-geroi-vandei-17690713/> (дата обращения: 19.11.2024).
11. *Мягкова Е.М.* Как создавался миф о вандейской контрреволюции // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 160–181.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АВСТРАЛИИ

COLONIAL CONTEXT IN AUSTRALIA'S CONTEMPORARY FOREIGN POLICY

А.В. Буденкова

A.V. Budenkova

«Англосфера», колониальные связи, внешняя политика Австралии, оборона, UKUSA, FPDA, AUKUS.

Автор рассматривает тенденции внешней политики Австралийского Союза в контексте влияния на них «англосферы» на примере отношений в области обороны. Преимущества и недостатки такого сотрудничества подтверждаются примерами заключенных Австралийским Союзом соглашений и принятых внешнеполитических решений, которые, отвечая интересам «англосферы», не всегда отвечают национальным интересам Австралии.

“Anglosphere”, colonial ties, Australia’s foreign policy, defence, UKUSA, FPDA, AUKUS.

The author examines the trends in the foreign policy of the Australian Union in the context of the influence of the “Anglosphere” on them, using the example of relations in the defence sphere. The advantages and disadvantages of such cooperation are confirmed by examples of agreements concluded by the Australian Union and foreign policy decisions taken, which, while meeting the interests of the “Anglosphere”, do not always meet the national interests of Australia.

Во внешней политике Австралийского Союза в целом и в частности в стратегическом планировании, оборонной политике, экономическом взаимодействии со странами региона присутствуют различные, можно даже сказать, противоречивые тенденции. Одной из причин, влияющих на подобную противоречивость, являются исторические или «колониальные» связи. К «колониальным связям» мы относим как исторические связи, сохранившиеся со времен колониального прошлого, так и новые связи, сформировав-

шиеся под влиянием колониального прошлого, а также связи, которые копируются Канберрой с Британской имперской внешнеполитической модели. Прочность и устойчивость этих связей обусловлена различными факторами. Д. Белл объясняет это тем, что изначально «колонии поселенцев были продолжением британской нации, образуя “империю свободы”, которая должна была быть преобразована в единую постимперскую глобальную формацию» [1, с. 509].

Отношения, которые существуют между колониальными государствами поселенцев, возникшими из британских колониальных поселений, были концептуализированы в международных отношениях как «англосфера». Определенное как «ядро» отдельной международной, транснациональной, цивилизационной и имперской сущности в мировом обществе, англосферное сотрудничество существует за счет множества расовых процессов, которые концентрируются внутри стран, за границей и между ними, оно является «продуктом расового прошлого». Мы используем концепцию англосферы в статье для обозначения этой очень конкретной «ядерной» группы бывших британских колоний поселенцев и самого Соединенного Королевства, которые взаимодействуют друг с другом на гораздо более интегрированном уровне, чем с любым другим государством.

Несмотря на то что образованному в 1901 г. Австралийскому Союзу был присвоен статус доминиона и было сформировано Министерство внешней политики, его фактические самостоятельные действия в этой сфере относятся к периоду Второй мировой войны. Хотя, согласно Декларации Бальфура 1926 г., выпущенной по итогам Имперской конференции, состоявшейся в Лондоне в том же году, было признано, что Объединенное Королевство и доминионы являются «автономными сообществами в пределах Британской империи, равными по статусу, никоим образом не подчиненными друг другу в каком-либо аспекте их внутренних или внешних дел» [2].

В декабре 1931 г. Британия одобрила Вестминстерский статут, кодифицировавший эти отношения, однако в статуте указывалось, что его положения не вступят в силу до тех пор, пока не будут официально приняты правительством Австралии. 9 октября 1942 г. вступил в силу Закон Австралии о принятии Вестминстерского статута. Акт вступил в силу с обратной силой 3 сентября 1939 г., даты «начала войны между Его Величеством Королем и Германией». Тем не менее уже в 1938–1939 гг. были свидетельства внешнеполитической активности Австралии, хотя они преимущественно касались Великобритании, Канады, США и Новой Зеландии [3; 4].

Вполне понятна вовлеченность Австралийского Союза в имперскую политику, формирование преференциальных торгово-экономических отношений и участие в военных действиях на стороне Великобритании (в составе Королевских вооруженных сил) в самом начале своего внешнеполитического пути. Однако и в XXI в. действия Канберры сохраняют колониальный контекст в разных направлениях внешней политики. Так, в области оборонной политики и безопасности можно отметить несколько знаковых соглашений. Первый из тайных союзов с метрополией и ее бывшими колониями, точнее, со странами «англосферы», возник в 1956 г., когда австралийское правительство официально согласилось с соглашением в области радиоразведки UKUSA, изначально заключенным лишь между Великобританией и США в 1946 г., а затем при содействии Великобритании включившим в обмен разведанными Канаду, Новую Зеландию и Австралию. Если Отделение оборонных сигналов Австралии официально присоединилось к альянсу «Five Eyes» в 1956 г., то австралийский премьер-министр Гоф Уитлем смог с ним ознакомиться после настоятельных требований только в 1973 г., что лишь подтверждает доверительность отношения к Великобритании со стороны австралийского правительства и его готовность действовать в рамках «англосферы».

Следующее соглашение, в которое Австралия вступает под крылом Великобритании, датируется 1971 г., то есть оно было заключено в период уже начавшегося охлаждения отношений с Британией и накануне поворота внешнеполитического курса Канберры в направлении укрепления связей со странами Азии. FPDA (Five Power Defence Arrangements) включает пять стран-членов (Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Соединенное Королевство), которые согласились консультироваться друг с другом в случае вооруженной агрессии против Малайзии и Сингапура «с целью принятия решения о том, какие меры следует принять совместно или по отдельности в отношении такого нападения или угрозы» [5]. Прежде всего соглашение нацелено на корректировку и стандартизацию подходов в обороне стран – участниц соглашения, то есть соглашение, выгодное для стран «англосферы», усиливающее интеграцию внутри «ядерной группы», так как предусматривает обмен персоналом, ознакомление с доктринами и процедурами совместной и комбинированной войны, используемыми странами-участницами, министерские встречи и совместные учения, где принимающей стороной выступают по очереди все страны – участницы соглашения. Кроме того, соглашение позволяет Австралии поддерживать свое военное присутствие на базе королевских воздушных сил Малайзии Батерворт, а Великобритании сохранять и наращивать свое военное присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе, располагая верфью в порту Сембаванг в Сингапуре, где постоянно находится подразделение, отвечающее за техническое обеспечение британских кораблей и техники (Naval Party 1022).

Последнее соглашение, демонстрирующее не всегда выгодные для Австралии колониальные связи, – AUKUS, объявленный 15 сентября 2021 г. во время совместной пресс-конференции глав правительств Австралии, Великобритании и США. Сделка основывается на сотрудничестве, уже уста-

новленном альянсом «Five Eyes» и в соответствии с графиком, согласованным тремя сторонами, атомные подводные лодки из Объединенного Королевства и Соединенных Штатов будут временно базироваться в Австралии начиная с 2027 г. Австралия планирует приобрести несколько подводных лодок из Соединенных Штатов к началу 2030-х гг. Новые подводные лодки, построенные по британскому проекту и известные как SSN-AUKUS, должны прибыть в Австралию в конце 2030-х гг. Заключению этой сделки предшествовала встреча на министерском уровне Австралии и Франции, на которой они подтвердили крепнущие связи между странами и планы по проекту о производстве Францией подводных лодок. 15 сентября, австралийское правительство официально уведомило французское правительство – всего за несколько часов до официального объявления, согласованного с Вашингтоном и Лондоном, – о том, что оно разрывает контракт на 90 миллиардов долларов с французской военно-морской группой в пользу нового соглашения с США и Великобританией о приобретении атомных подводных лодок. Неудавшееся приобретение сожгло у Австралии более 2,4 млрд долларов без учета штрафов за разрыв контракта и, кроме того, оставило много нерешенных вопросов о новом плане строительства по меньшей мере восьми атомных подводных лодок в Аделаиде [6]. Помимо дисбаланса, в двусторонних отношениях Канберры и Парижа пакт AUKUS имеет еще одно негативное последствие для Австралии, так как правительство С. Моррисона игнорировало ранее подписанный договор Раротонга (1985) о безъядерной зоне в южной части Тихого океана, тем самым не только продемонстрировав лояльность «англосфере», но и создав прецедент для ядерных держав.

Интеграция внутри «англосферы» характерна как для сферы торгово-экономических отношений, в которых Австралия всегда ратовала за честную конкуренцию, так и для гуманитарной сферы. Пример тому – сотрудничество

по вопросам коренных народов, которое начало активно развиваться именно в рамках «англосферы» между Австралией, Новой Зеландией и Канадой. Часть населения стран выступает за установление более тесных связей между Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Великобританией, о чем свидетельствует общественная компания CANZUK, развивающая эту идею.

Библиографический список

1. *Clyton K., Newman K. Settler Colonial Strategic Culture: Australia, AUKUS, and the Anglosphere // Australian Journal of Politics and History. 2023. Vol. 69, No 3. P. 503–521.*
2. *Imperial Conference 1926, Inter-Imperial Relations Committee Report, Proceedings and Memoranda E (I.R./26) Series, Museum of Australian Democracy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foundingdocs.gov.au/item-sdid-95.html> (дата обращения: 30.10.2024).*
3. *1937-38 Volume 1, Historical documents, Publications, Department of Foreign Affairs and Trade, Australian Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-01/1937-38-volume-1> (дата обращения: 30.10.2024).*
4. *1939 Volume 2, Historical documents, Publications, Department of Foreign Affairs and Trade, Australian Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-02/1939-volume-2> (дата обращения: 30.10.2024).*
5. *Five Power Defence Arrangements, Australian Treaty Series. 1971. No. 21. Department of Foreign Affairs, Canberra // Australian Treaty Series [Электронный ресурс]. URL: <https://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1971/21.html> (дата обращения: 30.10.2024).*
6. *Hurst D. The nuclear option: why has Australia ditched the French submarine plan for the Aukus pact? // The Guardian. 2021. Fri. 17 Sep. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/sep/18/the-nuclear-option-why-has-australia-ditched-the-french-submarine-plan-for-the-aukus-pact> (дата обращения: 30.10.2024).*

**МИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС
В ПРЕДВЫБОРНОЙ РИТОРИКЕ Д. ТРАМПА
В 2016 И 2020 гг.**

THE MIGRATION ISSUE
IN D. TRUMP'S PRE-ELECTION RHETORIC
IN 2016 AND 2020

В.С. Рихтер

V.S. Rikhter

Научный руководитель А.В. Вячистая
Research adviser A.V. Vyachistaya

США, Дональд Трамп, иммиграционный вопрос, предвыборная кампания.

Статья посвящена сравнительному анализу миграционной проблемы в предвыборной риторике кандидата от Республиканской партии Д. Трампа в 2016 и 2020 гг. На основании концепций Р. Дарендорфа, Т.А. ван Дейка рассмотрено положение о миграционном вопросе как инструменте увеличения электората и повышения собственного авторитета на политической арене страны.

USA, Donald Trump, immigration issue, election campaign.

This article discusses the 2016 and 2020 election campaigns of Donald Trump, nominated by the Republican Party, with an emphasis on migration rhetoric. Based on the concepts of R. Dahrendorf, T.A. van Dijk, the position on the migration issue as a tool for increasing the electorate and enhancing one's own authority in the political arena of the country is considered.

Победа Дональда Трампа на президентских выборах 2024 г. вновь акцентировала внимание мировой общественности, СМИ и научных сообществ на фигуре политика. В 2015 г. предприниматель и миллиардер Дональд Трамп

изъявил желание баллотироваться на пост президента от Республиканской партии. До этого у него был небольшой опыт в политике: в 1999 г. он баллотировался от Партии реформ, выиграл несколько праймериз, но впоследствии снял свою кандидатуру [1]. А в 2016 г. неожиданно для многих аналитиков бизнесмен выиграл праймериз. Тогда будущий президент стал получать приглашения на телевизионные шоу, активно вести свой Twitter-аккаунт. В предвыборной кампании он избрал тактику популиста – говорил населению то, что они хотели услышать, обращал внимание на вопросы, которые могут сплотить людей. Таким вопросом, по мнению кандидата, выступала иммиграция. Количество прибывших за 2015–2016 гг. мигрантов являлось историческим максимумом за всю историю существования США [2]. Приезжие иностранцы являются значимой частью рабочей силы [3] и фактором экономического роста за счет того, что платят больше налогов, чем получают пособий [4]. Однако в обществе отношение к переселенцам разнится: некоторые штаты позиционируют себя как их защитники, а другие проводят жесткую политику. Накануне выборов Д. Трамп отмечал, что иммиграционная безопасность – это вопрос жизни и смерти для страны [5].

Соответственно, цель данной работы – выявление основных тенденций использования миграционного вопроса в предвыборной риторике Д. Трампа в 2016 и 2020 гг.

В 2015 г. вследствие обострения гражданской войны в Сирии, войн в Ираке и Афганистане и демографического взрыва в странах Африки и Ближнего Востока в страны ЕС резко увеличился приток беженцев. Согласно данным Агентства по контролю за внешними границами Евросоюза, в 2015 г. количество прибывших иностранцев превысило 1,8 млн человек [6].

Проблема урегулирования миграционных потоков также рассматривалась в период президента-демократа

Барак Обама. Так, он отдал приказ администрации приготовиться к принятию минимум 10 тыс. беженцев [7]. Вследствие всего вышеописанного иммиграционный вопрос стал дискуссионным. 70 % американцев обращали особое внимание при выборе будущего президента на его миграционную риторику [8]. Если Хиллари Клинтон, кандидат от Демократической партии, предлагала увеличить квоту до 65 тыс. человек, то Дональд Трамп заявил, что запретит въезд в страну с Ближнего Востока. В своем выступлении, проходившем 31 августа 2016 г. в Аризоне, он высказал основные направления политики, которую планировал проводить [5].

Во-первых, Трамп призывал к строительству на границе с Мексикой стены, которая должна ограничить приток мигрантов, так как оттуда их прибывало наибольшее количество [4]. Также он планировал увеличить количество агентов ICE (Immigration and Customs Enforcement), чтобы не допустить нахождения на территории Соединенных Штатов мигрантов-преступников. К числу инициатив республиканца следует отнести предложение заблокировать финансирование городов-защитников, реформировать легальную иммиграцию и отменить указы, введенные Б. Обамой. Многие из этого – популистские заявления, поскольку являются несбыточными обещаниями. Также во время речи кандидат апеллировал к народу на эмоциональном уровне, говоря, что «Бесчисленное количество американцев, погибших в последние годы, были бы живы сегодня, если бы не политика открытых границ» [5].

Таким образом, в предвыборной компании 2016 г. Дональд Трамп уделял особое внимание миграционному вопросу и выдвигал радикальные предложения по его решению. Среди сторонников республиканца 79 % отмечали важность этой проблемы [8].

В 2020 г. имидж действующего президента строился на совершенных им достижениях. Американцы, поддерживающие Трампа, отмечали наиболее важными проблемы, связанные с экономикой (88 %) и насильственными преступлениями (74 %) [9]. Поэтому один из лозунгов кампании – «Закон и порядок». Вопрос об ограничении иммиграции поднимался только в контексте более важных проблем, поскольку 52 % американцев отметили его важность [9]: «Мексика, к сожалению, переживает очень большие проблемы с коронавирусом, а теперь Калифорния, представьте себе, не хочет, чтобы люди пересекали южную границу. Классика! Им так повезло, что я их президент. Граница очень тесная, и стена быстро возводится!» [10].

Также президент отмечал: «Я сделал для чернокожих американцев больше, чем любой президент в истории США» [10]. Этот твит был ответом на возродившееся в течение нескольких недель после смерти Джорджа Флойда движение BLM (Black Lives Matter). Однако в исследовании, проведенном учеными Кубанского государственного университета [11], зафиксировано, что люди считали Дональда Трампа расистом. По переписи населения 2020 г., доля небелых в США – 42,2 % [12]. Поэтому действующий президент лишился поддержки значительной части электората вследствие активизации движения. Это подтверждается кубанскими учеными, которые выявили противоречивое отношение к личности президента, особенно в начале 2020 г., до пандемии и беспорядков, а в конце лета преобладали негативные оценки.

Эпидемия и произвол полицейских значительно повлияли на предвыборную риторику Дональда Трампа, а число прибывших в Соединенные Штаты в 2020 г. было рекордно низким за предшествующие 62 года [2]. Поэтому миграционный вопрос звучал в контексте наиболее волнующих общество проблем.

Таким образом, на волне исторического максимума прибытия людей на территорию страны в 2015–2016 гг. миграционный вопрос был важен, что отмечали 70 % населения США. Однако в 2020 г. эпидемия Covid-19 и внутренние волнения из-за произвола полицейских в отношении чернокожего населения снизили актуальность данного вопроса до 52 %. В предвыборной компании 2016 г. миграционный вопрос стал визитной карточкой Дональда Трампа, и популистская стратегия, связанная с этим вопросом, позволила победить на выборах за счет сплочения американского народа против приезжих. В 2020 г. пандемия, из-за которой американская экономика вошла в фазу кризиса, движение за права темнокожих, сопровождавшееся массовыми беспорядками – все это являлось жизненно важными проблемами, на предложения по решению которых смотрели избиратели, поэтому та же стратегия не могла позволить Д. Трампу победить, из-за чего он использовал рассматриваемый вопрос в контексте более значимых на тот момент для общества тем.

Библиографический список

1. Дональд Трамп // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/person/642d8e599a7947e6490d5b6b?ysclid=m2pvisr6ys535728681> (дата обращения: 09.11.2024).
2. Historic Net Migration for United States of America (1950–2024) // database.earth [Electronic resource]. URL: <https://database.earth/population/united-states-of-america/migration> (access date: 09.11.2024).
3. *Никольская Г.К.* Государственная иммиграционная политика США. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 115 с.
4. Immigrant Workers – America’s Engine? // Harvard magazine [Electronic resource]. URL: <https://www.harvardmagazine.com/2024/07/harvard-jason-furman-immigration> (access date: 09.11.2024).

5. Transcript of Donald Trump's Immigration Speech // The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/02/us/politics/transcript-trump-immigration-speech.html> (access date: 09.11.2024).
6. *Ваунина Л., Веретельникова В., Селькин К., Ломтева Н.* Миграционная ситуация в Европе в 2016–2017 гг. // *Постсоветский материк*. 2017. № 3 (15). С. 68–88.
7. Hillary Clinton: U.S. should take 65,000 Syrian refugees // CBS News [Electronic resource]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/hillary-clinton-u-s-should-take-65000-syrian-refugees/> (access date: 09.11.2024).
8. Top voting issues in 2016 election // Pew Research Center [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2016/07/07/4-top-voting-issues-in-2016-election/> (access date: 09.11.2024).
9. Important issues in the 2020 election // Pew Research Center [Electronic resource]. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2020/08/13/important-issues-in-the-2020-election/> (access date: 09.11.2024).
10. Аккаунт Дональда Трампа // X.com [Electronic resource]. URL: https://x.com/realDonaldTrump?t=OMdVTIpC8HDvkO_IrE3mtw&s=09 (access date: 09.11.2024).
11. *Катермина В.В., Рябченко Н.А., Липуриди С.Х., Гнедаш А.А., Мальшиева О.П.* Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте – июне 2020 г. // *Политическая лингвистика*. 2020. № 5 (83). С. 87–107.
12. В США доля белых людей в населении сократилась до рекордного уровня // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/08/2021/6116209c9a79473b27235bbd> (дата обращения: 09.11.2024).

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ГЕРМАНИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

CRIME CONTROL IN GERMANY OF THE EARLY MODERN PERIOD

О.В. Чавкина

O.V. Chavkina

Борьба с преступностью, наказание, правовое регулирование, Германия, Мюнстер, раннее Новое время.

В статье на основе анализа законодательных актов рассматривается правовое регулирование борьбы с преступностью в Германии раннего Нового времени. Автор отмечает, что борьба с преступностью осуществлялась властями на двух уровнях: общеимперском и местном. В заключение автор делает вывод о том, что, несмотря на сходство в правовом регулировании, власти Мюнстера сохраняли за собой право использования собственных норм в борьбе с преступностью.

Crime control, punishment, legal regulation, Germany, Munster, early Modern period.

The article, based on an analysis of legislative acts, examines the legal regulation of the fight against crime in Germany in the early Modern period. The author notes that the fight against crime was carried out by the authorities at two levels: imperial and local. In conclusion, the author concludes that the restrictions, which despite the similarity in legal regulation, the authorities of Munster retained the right to use their own norms in the fight against crime.

В Германии периода раннего Нового времени борьба с преступностью являлась одним из важнейших направлений государственной политики в сфере правового регулирования, от успешности которой зависело социально-экономическое и политическое развитие страны. Следует отметить, что в Германии того времени существовала двухуровневая

система правового регулирования – общеимперская и местная. В частности, на общеимперском уровне действовали Уголовно-судебное уложение Карла V Каролина 1532 г. [1] и имперский полицейский устав 1530, 1548, 1577 гг. [2, S. 129–273], а на местном уровне – земские правовые акты, которые мы рассмотрим на примере Мюнстера – Конституции города 1537 г., постановлений князей-епископов [3] и полицейского устава Мюнстера 1592 г. [4, S. 117–154].

Следует сказать, что в современной историографии вопрос о правовом регулировании борьбы с преступностью в Германии и Мюнстере раннего Нового времени продолжает оставаться недостаточно изученным. Российские авторы Е.А. Чичеров [5, с. 42–46], В.А. Рогов [6, с. 207–212] в основном сравнивали систему наказаний по Каролине с российскими судебниками XV–XVI вв., а Н.И. Нарышкина рассматривала правовое регулирование исполнения наказания по Каролине на примере тюремного заключения [7, с. 211–215]. Среди немецких исследователей необходимо отметить общие труды по уголовному праву Франца фон Листа [8, с. 18–24], А. Игнора [9, S. 324] и др., в которых дается краткая характеристика наказаний по Каролине. Однако общих работ, касающихся правового регулирования уголовных наказаний в Мюнстере, нет, есть лишь исследования немецких ученых К. Гимпеля [10, S. 151–168] и Г. Ларкампа [11, S. 23–24], посвященные практике применения наказаний. В связи с этим возникает необходимость на основе анализа вышеназванных источников выявить общее и особенное в применяемых властями Германии и Мюнстера мерах по борьбе с преступностью.

Анализ законодательных источников Германии и Мюнстера раннего Нового времени позволяет нам в системе правового регулирования борьбы с преступностью выделить следующие общие черты.

Во-первых, главным средством борьбы с преступностью являлась карательная мера – наказание, целью которой была общая превенция. Реализация данной цели осуществлялась в форме психологического воздействия на преступника – устрашения, осуществляемого посредством применения к нему суровых наказаний.

Во-вторых, на основе анализа правовых актов можно выделить следующие виды наказаний, характерные для обоих источников: 1) смертная казнь, назначаемая за совершение религиозных, государственных и преступлений против личности; 2) телесные наказания (членовредительские, болезненные, позорящие) – за совершение религиозных, государственных и имущественных преступлений; 3) лишение свободы (изгнание из страны или города, тюремное заключение) – за совершение религиозных, государственных и имущественных преступлений; 4) имущественные наказания (денежный штраф, конфискация имущества).

В-третьих, анализ источников позволяет выделить следующие принципы наказаний: 1) публичность наказания; 2) неопределенность наказания, которая выражалась в отсутствии в законодательных нормах конкретной санкции, например, за совершение кровосмешения – ст. 117 [1], оскорбления – гл. XXXIV Устава 1592 г. [4, S. 148–149]; 3) множественность видов наказаний, например, в Мюнстере за совершение браконьерства назначалась смертная казнь, телесные наказания и штраф [3, S. 286–287], а в Каролине за лжеприсягу предусматривалось позорящее и членовредительское наказание, а также возмещение ущерба потерпевшему (ст. 107) [1].

Следует сказать, что, несмотря на сходство, были и значительные различия в системе правового регулирования борьбы с преступностью в Германии и Мюнстере XVI–XVII вв.

Во-первых, по сравнению с общеимперским правом в законодательстве Мюнстера большое внимание уделялось предупредительным мерам, например, информированию населения о совершенных преступлениях и наказаниях; осуществлению надзора за преступниками посредством привлечения жителей города к деятельности по противодействию преступности [3, S. 141, 211].

Во-вторых, несмотря на то что в обоих источниках наказание применялось в целях предупреждения, в Каролине нам все же удалось обнаружить еще одну цель, сохранившуюся со времен Средневековья, – возмездие, формой выражения которого являлся принцип талиона, который означал тождественность преступных последствий и наказания (ст. 107) [1].

В-третьих, в отличие от общеимперского права, в местном законодательстве упоминается еще один вид наказания, назначаемый за участие в дуэлях, – лишение права занимать определенные должности [3, S. 247].

В-четвертых, несмотря на схожесть некоторых принципов наказаний, все же имелись различия: 1) в отличие от общеимперского законодательства принцип индивидуализации наказания в меньшей степени отразился в местном праве. Если по общеимперскому праву преступник самостоятельно мог нести ответственность, то согласно земскому праву наказанию подвергались и его родственники, владельцы приютов для бедных [3, S. 317], а также хозяева животных [3, S. 299]; 2) принцип сословного характера наказания не нашел должного отражения в местном праве, в отличие от Каролины, в которой за одни и те же преступные деяния виновные с различным социальным статусом несли разную ответственность (ст. 158) [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система правового регулирования борьбы с преступностью носила

развернутый характер, поскольку она состояла из общеимперского и местного законодательства. Важно отметить, что общеимперские нормы значительно повлияли на развитие местного права. В частности, это выразилось в закреплении властями Мюнстера на законодательном уровне системы карательных мер по борьбе с преступностью, а именно в сохранении общеимперских видов наказаний: от смертной казни до имущественных, а также принципов наказания (публичности, неопределенности, множественности). Стоит сказать, что, несмотря на использование общеимперских норм, власти Мюнстера применяли свое местное право, в котором были расширены и дополнены меры по борьбе с преступностью.

Библиографический список

1. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967 [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/16/1/1532_karolina.html (дата обращения: 11.07.2024).
2. *Weber M.* Die Reichpolizeiordnungen von 1530, 1548 und 1577. Historische Einführung und Edition. Frankfurt am Main, 2002. S. 129–273.
3. *Scotti J.J.* Sammlung der Gesetze und Verordnungen, welche in dem Königlich Preußischen Erbfürstenthume Münster und in den standesherrlichen Gebieten Horstmar, Rheina-Wolbeck, Dülmen und Ahaus-Bocholt-Werth über Gegenstände der Landeshoheit, Verfassung, Verwaltung und Rechtspflege vom Jahre 1359 bis zur französischen Militair-Occupation und zur Vereinigung mit Frankreich und dem Großherzogthume Berg in den Jahren 1806 und resp. 1811 ergangen sind. Münster, 1842. 452 s.
4. Polizeiordnung bet Şaupte und Residens – Stadt Münster in Westphalen – Juxtà Exemplar sub manu Weys land Stadt. 18 Januar 1592 // Schlüter C.A. Provinzialrecht der Provinz Westphalen. Brockhaus, 1829.

5. *Чичеров Е.А.* Средневековая система наказаний в Германии и России // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016.
6. *Рогов В.А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М.: Юрист, 1995. 288 с.
7. *Нарышкина Н.И.* Правовое регулирование тюремного заключения в Германии в XVI–XVII веках // Человек: преступление и наказание. Рязань: Акад. ФСИН России, 2013. № 1 (80).
8. Учебник уголовного права. Общая часть / Лист Ф. фон; пер. Ф. Ельяшевич. М.: Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1903. С. 18–24.
9. *Ignor A.* Geschichte des Strafprozesses in Deutschland 1532–1846. Von der Carolina Karls V. bis zu den Reformen des Vormärz. Schöningh, 2002. 324 s.
10. *Gimpel K.* Nachrichten über die Henker (Büttel, Scharfrichter) in Münster // Westfälische Zeitschrift. 1991. Bd. 141.
11. *Lahrkamp H.* Münsters Rolle im Dreissigjährigen Krieg: kaisertreue Festungstadt im Alten Reich. Regensberg, 1998.

«HEIMKHER»: ОБРАЗ РУССКОГО ПЛЕНА В НЕМЕЦКОМ ИГРОВОМ КИНО ЭПОХИ ИНТЕРБЕЛЛУМА

*HEIMKHER: THE IMAGE OF RUSSIAN CAPTIVITY
IN GERMAN FEATURE FILMS
OF THE INTERBELLUM ERA*

Е.И. Семькин

E.I. Semykin

Научный руководитель **Н.В. Гонина**
Research advisor **N.V. Gonina**

Великая война, ревущие двадцатые, интербеллум, визуальная история, русский плен.

В работе представлен анализ объекта визуальной истории, художественного фильма «Heimkher», снятого в Германии в конце 1920-х гг. и посвященного немецким военнопленным Первой мировой войны в России. Содержание образов России и самой Великой войны в немецкой послевоенной культуре дает важные сведения о массовом сознании немцев эпохи интербеллума.

The Great War, the roaring twenties, interbellum, visual history, Russian captivity.

The paper presents an analysis of the object of visual history, the feature film Heimkher shot in Germany in the late 1920s, and dedicated to German prisoners of war of the First World War in Russia. The content of images of Russia and the Great War itself in German post-war culture provides important information about the mass consciousness of Germans of the Interbellum era.

Приход нацистов к власти в Германии – поворотный момент в истории Европы и мира середины прошлого века. Было ли это случайностью или предопределенностью?

Однозначный ответ на этот вопрос можно найти только при изучении истории ментальности. Как ощущали окружающий мир и прошлое своей нации немцы эпохи интербеллума? Изучение художественной культуры этого периода может дать необходимую для ответа информацию, а кино – главное из искусств XX в.

Объектом исследования является изображение русско-го плена в немецком кино 1920-х гг. Предметом исследования – взаимосвязь между элементами изображения русского плена в немецком кино 1920-х гг. и контекстом эпохи его создания. Цель работы – выявление зависимости между особенностями «эпохи золотых двадцатых» в Германии и изображением русского плена в игровом кино.

В 1928 г. на экраны немецких кинотеатров вышел фильм «Heimkehr» («*Возвращение домой*»), описывающий пребывание двух немецких солдат в плену в России во время Первой мировой войны, а затем их разные пути возвращения в Германию. Фильм снят по повести Франка Леонгарда «Карл и Анна», написанной в 1927 г. и позднее переработанной в пьесу. Но годом ранее вышедшего первого спектакля режиссер Джой Мей (Йозеф Отто Мандл) снял художественный фильм, существенно переработав оригинальный сюжет.

В российском плену за время войны побывало 170 тысяч немецких солдат [1, с. 143], что относительно немного в сравнении с 2,1 миллиона австро-венгерских солдат в том же русском плену, или 810 тысячами немцев в плену Антанты без учета России (во Франции, Англии, США), то есть тема воспоминаний о русском плене не могла быть доминирующей среди ветеранов Великой войны в Германии или даже среди всех вернувшихся из плена немецких солдат из числа ветеранов.

В 1920-е гг. в Германии после экономического коллапса начала десятилетия и до нового экономического краха,

связанного уже с Великой депрессией, средства массовой информации (радио, газеты, иллюстрированные журналы), газетные концерны (первые газетно-журнальные концерны Шерля и Моссе), развитая индустрия развлечений (кабаре, пивные, ночные клубы) культивировали иллюзию экономической стабильности и благополучия [2, с. 172–173], известную сейчас как «золотые двадцатые». Немцам буквально насаждали модель жизни с развлечениями, потреблением, праздностью. Все сводилось к тому, что рядовой немец должен забыть о недавних ужасах Великой войны и послевоенной разрухи. Влияло ли это на репрезентацию образов войны, и прямо или косвенно связанных с ней сюжетов в массовой культуре? По всей видимости, влияло.

В фильме «Heimkehr», события которого разворачиваются от начала 1917 до начала 1918 г., вообще не фигурируют такие слова, как «поражение» или «победа». Война просто заканчивается, а военнопленные просто возвращаются домой. В контексте окончания войны на Восточном фронте (которая именуется в фильме именно как война с Россией) более чем уместно для немцев употребить слово «победа», ведь на Востоке они действительно победили. Война – это фон, который просто был, влияя на жизнь простых людей, но теперь он в прошлом, война закончилась, прекратилась как стихийное бедствие, наводнение или пожар, и теперь настала другая жизнь. Слово «победа» применительно к войне предполагает наличие некой достижимой цели, а значит, и волевого усилия по ее достижению. Победа не может быть пассивной, ее нужно желать, добиваться, прикладывая усилия. Однако в фильме образ окончания войны лишен какого-либо волевого фактора, она просто закончилась. Причем этот нарратив транслируется не только устами главных героев немцев, но и одним из многих русских персонажей.

Русский солдат, конвоирующий беглых военнопленных на свинцовые рудники (использование труда военнопленных немцев на свинцовых рудниках кажется художественным гротеском, но архивные материалы [3, с. 891] подтверждают подлинность этой репрезентации), разговорившись со своими подопечными, говорит им, что скоро мы все вернемся домой, опять же не упоминая о войне и ее окончании, констатируя просто факт скорого возвращения домой. Объединяющим мотивом выступает семья. У каждого из персонажей в этой сцене есть жена, ждущая его дома, и по которой он сильно тоскует. Режиссер делает акцент на этом, демонстрируя в одном кадре на монтаже всех троих персонажей: двоих немецких военнопленных и русского конвоира.

Что примечательно, в той же сцене, когда главный герой Рихард встречается в толпе военнопленных своего знакомого, они живо начинают обсуждать, как они скучают по дому. Они не говорят о месте и обстоятельствах попадания в плен, не пересказывают друг другу слухи или новости о боевых действиях на Западе или Востоке, война вообще не фигурирует в их разговоре, им будто бы все равно, как она идет и чем закончится. И перед этим, и в дальнейшем в общении с напарником по обслуживанию паромной переправы персонажи не обсуждают войну и вообще не упоминают ее.

В их речи нет и переживания за судьбу Германии, и каких-либо мыслей о войне, тогда как, судя по воспоминаниям, немецкие военнопленные часто рефлексировали на тему войны, ее целей, своего участия в ней, индивидуальной цены и многого другого [4, с. 233–235]. Часть солдат относились к попаданию в плен позитивно, для них это означало, что ненавистная война закончилась, кто-то переживал, что находится вдали от боевых действий и не имеет возможности повлиять на исход сражения. Но так или иначе,

они не относились к ней безразлично, не делали вид, что ее нет, плохо или хорошо, но думали о войне, да и сложно представить обратное в этой ситуации. Однако фильм игнорирует войну в речи героев, их мыслях, поступках, окружающей действительности. Если бы не соответствующий титр в начале фильма, не сразу получится понять, что двое этих мужчин – военнопленные немецкой армии в Первой мировой войне, ибо контекст об этом совершенно не говорит. Один из ярчайших образцов киноискусства Германии межвоенного периода, презентуя зрителю историю о плене и войне, игнорирует войну как таковую, что весьма красноречиво.

Библиографический список

1. *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.
2. *Лукинова Е.М.* Формирование образа человека в периодической печати и литературе Германии веймарского периода // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика*. 2009. № 2. С. 170–175.
3. *Anisimova I.V.* Foreign War Prisoners at Mining Enterprises of the Steppe Region during the First World War // *Bylye Gody*. 2020. No. 56 (2). P. 889–897.
4. *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 2. С. 230–235.

«ГИОНСКИЕ СЕСТРЫ» В «ЯМЕ», ИЛИ ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ГЕЙШ В ЯПОНИИ ПЕРИОДА МОДЕРНИЗАЦИИ

THE “GION SISTERS” IN THE “PIT”,
OR A REFLECTION OF THE CHANGE
IN THE INSTITUTION OF GEISHA IN JAPAN
DURING THE MODERNIZATION PERIOD

У.А. Медведева

У.А. Medvedeva

Научный руководитель Е.И. Семькин
Research advisor E.I. Semykin

Гейши, проституция, Япония, модернизация отношений.

Гейши – очень закрытый традиционный японский институт. По сей день эти девушки и их деятельность сохраняются под пеленой тайны. Японский фильм «Гионские сестры» 1933 г. посвящен гейшам и тому, что происходило с этим институтом в переходную эпоху. Возможно, именно японский кинематограф сможет пролить свет на подлинное прошлое института гейши.

Geisha, prostitution, Japan, modernization of relations.

Geisha is a very closed traditional Japanese institution. To this day, these girls and their activities remain shrouded in mystery. The Japanese film “Gion Sisters” in 1933 is dedicated to geisha and what happened to this institution in the transitional era. Perhaps it is Japanese cinema that will be able to shed light on the true past of the geisha institute.

В японском кино начале XX в. «Гионские сестры» отражается такое девиантное поведение, как проституция. В основе сценария лежит повесть А.И. Куприна «Яма». Это приводит нас к гипотезе, что модернизационные трансформационные процессы в социальной сфере традиционного

общества похожи даже в культурно далеких друг от друга странах, таких как Россия и Япония. Особый интерес представляет то, какие новые черты появляются в образе гейши как продавца сексуальных услуг в традиционном обществе, мчащемся по пути модернизации. Пристальное внимание к художественным произведениям той эпохи может стать источником ценных знаний о людях прошлого и процессах, участниками которых они являлись.

Объектом исследования является изображение трансформации института гейш в Японии в период модернизации, а его предметом – образ трансформации института гейш в Японии периода модернизации через призму японского игрового кино. Цель исследования – определение элементов образа гейш, демонстрирующих его трансформацию, обусловленную модернизацией страны, на примере фильма «Гионские сестры».

Основным источником данного исследования является фильм «Гионские сестры» 1933 г. режиссера Кэндзи Мидзогути. Это социальная драма, в центре сюжета которой судьба двух сестер Умэкэти и Омото, которые работают гейшами. Фильм вдохновлен повестью А.И. Куприна «Яма» [1, с. 78], описывающей трагические судьбы проституток в Российской империи.

В традиционном японском обществе уже были женщины, профессионально оказывающие сексуальные услуги, – юдзе, их функционал сводился исключительно к физиологическому удовлетворению, а гейши выполняли функцию досуга и культурного отдыха, душевного времяпрепровождения за трапезой или беседой и, что интересно, первоначально гейша была мужской профессией, а юдзе – женской. Считается, что первая гейша-женщина, по всей видимости, совмещавшая в себе еще и функции юдзе, появилась в середине XVIII в. И уже к середине XIX в. женщины вытеснили

мужчин из этого рода деятельности. Это соотношение духовного и плотского начала в профессии гейши долгое время не было в пользу последнего. По сей день в Японии обучают этой профессии, однако упор при обучении делается на гармоничное развитие личности, познание себя и окружающего мира, искусства [2, с. 172]. Нигде прямо не говорится, что гейши оказывают или оказывали сексуальные услуги мужскому населению.

В финале фильма устами одной из главных героинь Омото говорят следующие слова, осуждающие такой род деятельности: «Если мы делаем нашу работу хорошо, они называют нас безнравственными, что же нам делать, почему мы должны страдать? Почему существуют гейши? Почему миру нужна такая профессия? Это так не справедливо! Она не должна существовать, я желаю, чтобы она никогда не была!». Опять же, прямо о сексуальном подтексте этой профессии не говорится, однако в фильме звучит слово «безнравственные».

Старшая сестра Умэкэти представляет традиционный вариант профессии. Героиня ни разу за весь фильм не была показана ни в чем кроме традиционных одежд, тогда как младшая сестра олицетворяет собой модернизацию и вестернизацию. Она носит европейскую одежду, а в традиционный наряд гейш облачается только в конце, найдя своего покровителя. В традиционном формате отношений покровителя и гейши, последняя прежде должна создать определенную интимную атмосферу близости, даже обоюдной влюбленности. В изначальном варианте получается, что гейша – это институционализируемая любовница, а не проститутка, нечто напоминающее институт гетер в Древней Греции. У женщины в традиционном японском обществе может быть только две социальные роли: либо жена, либо гейша, влюбленная в своего покровителя [3, с. 508].

Это удивительным образом перекликается с античным описанием такого явления, как гетеры, и семейно-сексуальной сферы в целом: «жен мы берем ради того, чтобы иметь от них законных детей, а также для того, чтобы иметь в доме верного стража своего имущества» [4, с. 88]. Это четкое греческое разделение любовной, сексуальной и брачно-семейной сфер аналогично японской [5, с. 157] подтверждает сходство социальных институтов традиционных обществ, даже никогда не имевших культурных контактов.

На протяжении всего фильма Умэкэти поддерживает связь только с одним мужчиной – Фурусавой. Этот женатый разорившийся владелец магазина был покровителем Умэкэти. Для Умэкэти Фурусава плохой покровитель, однако имея с ним эмоциональную связь, она не может ее разорвать. Можно предположить, что этому ее научили в школе гейш, ибо младшая сестра, ходившая в светскую государственную школу, подобных принципов и представлений лишена. Даже когда сестра подкупает Фурусаву, чтобы тот оставил Умэкэти, та продолжает навещать его и не думает о поиске нового покровителя.

В то же время Омото в начале фильма вообще не имеет покровителя, однако она находится в его активном поиске, и, по всей видимости, ей нужен не просто покровитель, а состоятельный мужчина. Возможностью стать ее покровителем она вводит в заблуждение работника предприятия по пошиву кимоно с целью получить хорошее кимоно для сестры, чтобы та попала на важное светское мероприятие, но не планирует в действительности становиться под покровительство этого мужчины, лишь извлекает из него материальную выгоду. В дальнейшем Омото находит себе покровителя в лице владельца предприятия по пошиву кимоно. Однако, когда до достижения мечты останется лишь вызвать такси, судьба распорядится так, что в машине оказывается

ею обманутый поклонник – работник этого предприятия. Обозленный и обиженный, он предъявляет ей претензии относительно того, как она с ним поступила, – обманула и воспользовалась, поэтому на ходу выталкивает ее из машины. Омото будто бы получает воздаяние за свою корысть и потребительское отношение к мужчинам, основанное на материальной выгоде.

Таким образом, мы косвенно понимаем, что гейши, помимо оказания услуг духовной близости, все-таки являлись продавцами сексуальных услуг. Со временем соотношение плотского и духовного менялось в пользу физиологического и материально выгодного, коммерциализировалось. Институт гейш в период модернизации Японии претерпел изменения, изменилось отношение самих гейш к работе, они больше не были «влюблены» в своих покровителей и действовали лишь из корыстных целей, тогда как раньше приоритет ставился на эмоциональную связь, а не на финансы, вероятно, это чувствовали и мужчины и относились к ним зеркально.

Библиографический список

1. Хеллман Б. «Я сам виноват, что не умею писать для Кинемо». Александр Куприн и кино // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 1. С. 68–81.
2. Чистюхина Ю.С. Институт гейш в Японии: традиция и современность // Система ценностей современного общества. 2009. № 6. С. 171–173.
3. Шадиев Д.Х. Формирование гендерного образа женщины в кино Японии первой половины XX века // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 2А. С. 504–513.
4. Молева Н.В. Гетеры на Боспоре // Боспорские исследования. 2018. № 36. С. 87–99.
5. Николенко А.В. Женщина в японском социуме в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2015. № 2. С. 56–161.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИМПЕРИЯ» В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF EMPIRE IN THE MODERN ERA

В.И. Бровко

V.I. Browko

Империя, колониализм, современность.

В статье рассматривается вопрос об актуальности понятия «империя» для описания современных государств. Исследуется вопрос о том, как трансформации современного общества повлияли на значение такой политической формы, как империя, и как империя может согласовываться с современными тенденциями.

Empire, colonialism, modernity.

The article examines the issue of relevance of a term empire for description of modern states. The question of modern world transformations' influence on sense of such a political form and how an empire can fit modern changes is studied.

Политические институты претерпевают радикальные изменения на фоне общей трансформации современного общества, новые технологии и складывание общества пост-модерна закономерно заставляют изменяться и политическую сферу. Для исторической науки характерно внимание к концепции империи, на протяжении истории они занимали центральное положение и являлись закономерным следствием глобализации. От персидской до британской империи на протяжении истории империи меняли свои формы, что заставляет задуматься: актуален ли термин «империя» применительно к современной политической реальности или, возможно, современный мир создал условия, когда империи как минимум в классическом понимании перестали

быть адекватны условиям, исчез ли механизм истории, который регулярно вызывал движение государств к экспансионизму и складыванию крупных государств-империй.

Начнем с определения. Конвенциональное понимание империи состоит в том, что империя есть политическая форма, характеризующаяся построением политических отношений на основе принципа центр – периферия, где центр находится в привилегированном положении и эксплуатирует окраины. Часто для империи характерны экспансия и стремление расширить свои границы. Однако во многом империя старается найти естественную границу, которая будет разделять имперское пространство и остальной, неупорядоченный единой властью мир. Характерны здесь пример Римской империи и строительство лимеса, отделяющего *раx Romana* [1].

Отличает империю от государства то, что в империи ярко выражена субординация частей империи и наличествует ядро. Для государств-наций тоже может быть свойственна определенная асимметрия частей государства, однако на уровне концепции сама идея национального государства предполагает одинаковый политический статус для субъектов государства в смысле того, наличествует ли эксплуатация и зависимость периферии. И как известно, исторически именно такая политическая форма, как государство-нация, победила. Также выделим один из признаков государства, а именно территорию, для государства она мыслится концептуально завершенной, в то время как империя – это принципиально экспансионистская форма организации общества, концепт империи неразрывно связан с универсальностью.

Условно империи можно разделить на империи древности и буржуазные колониальные империи, где ярко выраженные колонии служат источником ресурсов, выполняют роль рынка сбыта. Как следствие, можно говорить о трансформации империи, появлении ее новых исторических форм.

Крах колониальных империй в XX в., вызванный последствиями Второй мировой войны и ростом национального самосознания, привел к тому, что классические империи с ярко выраженным экспансионистским компонентом стали скорее достоянием прошлого. Однако асимметрия в отношениях стран и неравенство потенциалов различных стран вместе со стремлением к расширению политического влияния привели к тому, что на смену колониализму пришел неоколониализм и формы зависимости стали более изощренными, прямой административный контроль сменился на экономическое подчинение, технологическая и иная неразвитость новых стран Африки и Азии стала причиной того, что многие из этих стран попали в зависимость, вызванную необходимостью импорта технологий и неконкурентоспособностью товаров и услуг стран глобальной периферии. Структура международных отношений в целом приводит к тому, что международные организации, такие как МВФ, используются для сохранения текущего статуса с помощью жесткой кредитной политики. Все это создает благоприятные условия для того, чтобы отношения, характерные для империи, центр – периферия, стали реализовываться на межгосударственном уровне [1].

Можно ли говорить о появлении в XXI в. империй или «неоимперий»? В медиа распространено сравнение США или в меньшей степени КНР с империями, что, однако, плохо согласуется с современными концепциями наций, национального суверенитета и другим. Очевидны экономический и военный потенциал великих держав, их способность оказывать экономическое и политическое влияние на другие государства, это, например, сеть американских военных баз или использование Китаем практики скупки контрольных пакетов в терминалах и портах других стран. Что является просто примерами инструментов политики

влиятельных государств модерна. Но если подходить глубоко государствоцентрично, то сложно назвать сами государства как политические формы империи, внутри них или их сфер влияния сложно однозначно выделить периферию, как, например, это было видно в колониальных империях. Обратимся к М. Харту и А. Негри, их идея состоит в том, что в современном обществе империализм переживает транзит от империализма государств-наций к империям, конституируемым постмодернистскими силами. Империя по-прежнему противостоит множеству, как это определяют авторы. Что важно, в контексте современности вместо четких границ империи «лимеса» приходят аморфные, постоянно меняющиеся акты отправления власти разными институтами, вместо постоянного единого центра вроде императора и условного Рима приходят конгломераты различных организаций и властных институтов, к таким можно отнести МВФ или транснациональные корпорации и их объединения вроде «Семи сестер» [2].

Сказав, что есть основания для существования в международных отношениях форм, являющихся или похожих на империю, необходимо выяснить то, в чем именно империя изменилась. Основные новые черты супервентны на общих изменениях современного общества. К этим ключевым изменениям в обществе постмодерна относятся: глобализация, бурное развитие цифровых технологий и СМИ, превращение мира в «глобальную деревню», развитие наднациональных организаций и появление ТНК. Различные исследователи давали разные описания современности, например «текущая современность» Баумана, идея которой состоит в попытке описать сильную изменчивость социальных процессов и явлений, а самое главное, рост неопределенности [3]. Эти факторы привели к изменениям в модусе существования империй. Если говорить об империях и способах

проецирования власти, одно из главных изменений – появление новых сфер реализации власти, в том числе это выражается в анализе биополитики, новых способов вторжения государства в жизнь; смешение биологической и политической жизни. И без реализации в данном направлении современной империи вряд ли можно удерживать этот статус [4]. Другая черта – это необходимость использования медиаресурсов для собственной легитимации и поддержание контроля в цифровой среде, принципиально характеризующейся децентрализованностью. В мире постправды невозможно существование империи без активной цифровой политики [5]. Еще одна черта – это увеличение качественного разнообразия множества акторов международных отношений. Теперь империей может стать и наднациональное государство, например Европейский союз, то есть активно появляются альтернативы нации-государству, к таковым, кроме прочего, можно отнести ТНК. Также не прямые способы расширения своей власти на другие субъекты политики, помимо классических военно-политических средств осуществления власти, хотя вооруженные силы и остаются одними из ключевых компонентов оценки мощи империи. Кроме того, на место прямого административного контроля приходят более сложные способы властвовать. Ко всему добавляется фактор глобализации, и теперь можно допустить потенциальное существование глобальной империи [6].

Итак, об империях можно сказать, что они есть подвижный конструкт, используемый для концептуализации и понимания определенных политических процессов, при этом само понятие исторично и сложно выделить в империи эссенцию, неизменную сущность. Говоря о современном обществе, империя становится адекватной политической и общей динамике развития общества, теперь, как и политическая жизнь общества постмодерна в целом, империи,

хотя из-за вышесказанного не всегда понятно, применим ли данный термин к современным государствам, становятся более динамичными, гибкими, власть в империях может принимать неясный и текучий характер.

Библиографический список

1. *Пигров К.С.* Империя как инновация, или императив империй // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. № 2. С. 3–12.
2. *Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2004. 440 с.
3. *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. М.: Питер, 2008. 238 с.
4. *Марков Б.В.* Призрак империи // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 9. С. 95–100.
5. *Дарвин Д.* Империя и этничность // Вопросы национализма. 2015. № 1 (21). С. 104–121.
6. *Левада Ю.* После империи // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6. С. 8–10.

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
ОБ ИНТЕРНИРОВАНИИ ЯПОНЦЕВ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
КОММЕМОРАЦИИ В США**

PRESERVING THE CULTURAL MEMORY
OF THE INTERNMENT OF THE JAPANESE
DURING WORLD WAR II: FEDERAL AND REGIONAL
COMMEMORATIVE PRACTICES IN THE UNITED STATES

В.В. Замахаяев

V.V. Zamakhaev

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Research adviser E.L. Zberovskaya

Японцы, США, интернирование, Вторая мировая война, коммеморация, культурная память.

В статье представлен краткий обзор коммеморативных практик, фиксирующих историю интернирования японцев в США в период Второй мировой войны. Автор рассматривает мемориальные комплексы, музеи, памятники и памятные даты, посвященные данному историческому событию.

Japanese, USA, internment, World War II, commemoration, cultural memory.

This article presents an overview of commemorative practices recording the history of Japanese internment in the United States during World War II. The author considers memorials, museums, monuments and commemorations dedicated to this historical event.

В годы Второй мировой войны японцы, проживавшие в США, подверглись интернированию, что стало одной из самых трагических страниц в их истории. Принудительному

переселению подлежали не только резиденты, но и все жители страны японского происхождения.

Изначально данное событие оценивалось как акт, необходимый для безопасности государства. После окончания Второй мировой войны в работах американских исследователей процесс интернирования стал рассматриваться в качестве неоправданных мер правительства, спровоцированных расовыми предрассудками, слабостью федерального правительства и страхами военного вторжения. Со временем соответствующая интерпретация стала вытеснять идею о необходимости интернирования для обеспечения национальной безопасности. Официальная переоценка данного события произошла лишь в 1980-х гг., что поспособствовало возникновению «нового господствующего нарратива» [1, с. 21] в рамках общественного, политического и художественного дискурса. Именно тогда начинается институализация культурной памяти об интернировании японцев в США.

О.Ю. Малинова отмечает особую роль институтов коммеморации: памятники, музеи, мемориальные комплексы и государственные праздники являются элементами социально-культурной инфраструктуры, предназначенными для сохранения культурной памяти об историческом событии [2, с. 11]. В данной статье рассматриваются формы федеральной и региональной коммеморации, связанной с интернированием американских японцев США, устанавливается взаимосвязь ее развития с позицией федерального правительства.

На сегодняшний день в США места памяти об интернировании японцев совпадают с местами размещения десяти бывших лагерей для перемещенных. Помимо центров для перемещения, память об интернировании хранят два музея в Калифорнии, где проживало наибольшее количество японцев. В Вашингтоне возведен мемориальный комплекс

федерального значения, символизирующий патриотизм американских японцев в период Второй мировой войны.

В США официальные места памяти об интернировании появились в 1980-е гг., поскольку в этот период японцы были официально признаны жертвами сегрегационной политики и общественных настроений. Создание мест мемориальной культуры об интернировании началось с учреждения Национального музея американцев японского происхождения в 1985 г. [3]. Бывший лагерь для интернированных Манзанар был также включен в список национальных мемориальных комплексов в 1985 г. [4].

В 1990-е гг. наблюдается рост инициатив, направленных на утверждение «новых смыслов» об интернировании. В 2000 г. в Вашингтоне был возведен мемориал, посвященный патриотизму американцев японского происхождения в ходе Второй мировой войны [5]. Также в 2001 г. по указу Билла Клинтона был основан национальный мемориальный комплекс «Minidoka National Historic Site» [6]. В 2008 г., согласно прокламации Дж. Буша мл., был организован «The Tule Lake Segregation Center» [7]. В 2024 г. «Amache National Historic Site» был включен в список национальных мемориальных комплексов [8].

В американских штатах оформление институтов сохранения памяти об интернировании началось также в 1980-х гг. Одним из первых стал музей американцев японского происхождения, основанный в 1987 г. в Сан-Хосе. В 1990-е гг. были организованы мемориальные комплексы в Орегоне и Аризоне. «Мемориальный бум» по отношению к интернированию пришелся на начало XXI столетия: были возведены памятники на Аляске, в Лос-Анджелесе и мемориальный комплекс на острове Бэйбридж.

Говоря о комплексной работе по сохранению памяти об интернировании, нельзя не упомянуть о масштабном

проекте «Ireicho», в результате которого был составлен список из 125 тысяч имен перемещенных японцев [9].

Свой вклад в сохранение памяти о данном событии вносят памятные даты. О.В. Малинова считает, что они, «символизируя дистанцию, отделяющую нас от исторического события, “приглашают” к подтверждению его связи с настоящим» [2, с.11]. Одна из таких памятных дат – 19 февраля – национальный День памяти американцев японского происхождения, подвергнутых интернированию, утверждена в 2022 г. [10]. Еще одной значимой датой является День Фреда Корематсу [11]. Изначально данный день был учрежден в Калифорнии, но число штатов, отмечающих его, неизменно растет, что свидетельствует о популярности.

Таким образом, коммеморативные практики по сохранению памяти об интернировании получили развитие на федеральном и региональном уровнях. Этому способствует активность общественных организаций и включение в последние четыре десятилетия в данный процесс государства.

Библиографический список

1. *Александр Дж., Куракин Д.Ю.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
2. *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
3. Japanese-American National Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janm.org> (дата обращения: 01.11.2024).
4. Manzanar National Historic Site [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nps.gov/manz/index.htm>. (дата обращения: 01.11.2024).
5. Japanese American Memorial to Patriotism During World War II [Электронный ресурс]. URL: <https://npshistory.com/publications/nama/places/jampdwwii.htm> (дата обращения: 01.11.2024).

6. Proclamation 7395. Establishment of the Minidoka Internment National Monument [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-7395-establishment-the-minidoka-internment-national-monument> (дата обращения: 01.11.2024).
7. Proclamation 8327. Establishment of the World War II Valor in the Pacific National Monument [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-8327-establishment-the-world-war-ii-valor-the-pacific-national-monument> (дата обращения: 01.11.2024).
8. Amache National Historic Site [Электронный ресурс]. URL: <https://amache.org/background>. (дата обращения: 01.11.2024).
9. Japanese-American National Museum. Ireicho [Электронный ресурс]. URL: <https://www.janm.org/exhibits/ireicho> (дата обращения: 01.11.2024).
10. Proclamation 10341. Day of Remembrance of Japanese American Incarceration During World War II [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-10341-day-remembrance-japanese-american-incarceration-during-world-war-ii> (дата обращения: 01.11.2024).
11. Fred Korematsu Day [Электронный ресурс]. URL: <https://korematsuinstitute.org/what-is-fred-korematsu-day> (дата обращения: 01.11.2024).

**ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИЙ**

EMPIRES IN THE MODERN WORLD:
A COMPARATIVE ANALYSIS
OF CLASSICAL AND MODERN CONCEPTS

Е.А. Полунин

E.A. Polunin

Научный руководитель С.Н. Ценюга
Research adviser S.N. Tsenyuga

Империя, суверенитет, децентрализация, детерриториализация, глобализация.

В статье исследуется классическое понимание империи как политической структуры, где один центр власти подчиняет множество территорий и культурных единиц. Автор сравнивает его с современной концепцией империи как децентрализованной и детерриторизованной системы, где границы между периферией и центром не существуют.

Empire, sovereignty, decentralization, deterritorialization, globalization.
The article examines the classical understanding of empire as a political structure where a single center of power subordinates multiple territories and cultural units, and compares it to the modern concept of empire as a decentralized and deterritorialized system, where the boundaries between the periphery and the center do not exist.

Современный дискурс об империях и империализме находится в противоречивом состоянии. С одной стороны, история прошла эпоху империй и современные государства в большинстве своем являются республиками, и лишь Япония по титулу может претендовать на данный статус. С другой – актуализировалась проблематика деления мира

на сферы влияния, как если бы все еще существовали империи с их амбициями по переделу пространства и контроля над ресурсами. Поменялась критика империализма, теперь вместо деколонизации мы говорим о дедолларизации и деиндустриализации.

Современные исследователи Майкл Хард и Антонио Негри показали, как имперская власть изменилась и обрела новую форму суверенитета, – более скрытая и более децентрализованная. Из-за появления новой формы суверенитета, сменившей империю, но обладающей схожими свойствами, особенно важным становится определить, в чем заключается общее и различное «старых» и «новых» империй.

Сначала определим понимание «старых» империи, для этой задачи мы обратимся к работе Герфрида Мюнклера. Он раскрывает нам классическое понимание империи: она представляет собой политическую структуру, где один центр власти подчиняет множество территорий и культурных единиц, что приводит к политической централизации и культурному разнообразию [1, с. 20]. Создается бинарная оппозиция центра и периферии, где соблюдается строгое иерархическое подчинение периферии центру [1, с. 16]. Примером служит Римская империя, где понятие «империум» означает полную власть правителя.

Империя может вмешиваться в жизнь людей, даже если они формально остаются независимыми. Этот психологический аспект власти выражается в создании врагов: империя часто создает врагов для себя, чтобы оправдать свои действия и поддержать чувство единства среди населения, что вызывает у людей чувство враждебности и агрессии по отношению к другим.

Само состояние мира служит оправданием для существования имперского порядка. Империя стремится установить порядок и защитить его от хаоса, что оправдывает

ее вмешательство в дела других территорий [1, с. 155]. Власть рассматривается как цель сама по себе, а не как средство для достижения других целей. Империя не признает равенства с соседними государствами и считает свои права единственными. В отличие от государства, которое имеет четкие и непроницаемые границы, империя воспринимает себя как единое целое с расширяющимися полупроницаемыми границами [1, с. 25], нарушая территориальную целостность и действуя с убеждением, что ее вмешательство является благом. Это приводит к идеологизации власти, где империя видит себя как защитника порядка против хаоса [1, с. 162], создавая разделение на добро и зло, порядок и беспорядок, цивилизацию и варварство.

Гегемония, близкое понятие, но не тождественное империи [1, с. 27], по мнению Мюнклера, представляет собой преобладание одного государства среди равных, но не подразумевает полного подчинения. В отличие от этого, империя предполагает неравенство и подчинение.

Империя требует постоянного поддержания порядка и избегания конфликтов, что связано с ее внутренней динамикой и слабостью. Состояние мира служит оправданием для существования имперского порядка, который, в свою очередь, может быть подвержен экономическим проблемам из-за чрезмерного расширения. Это приводит к тому, что имперские проекты становятся нерентабельными, что наблюдается в конце XIX в., когда многие империи сталкиваются с кризисами из-за своих территориальных амбиций и связанных с ними затрат.

Мюнклер отмечает, что империи проходят через быстрый период взлета, связанный с военной экспансией, и более длительный период заката [1, с. 32]. Он выделяет линейную модель имперской динамики, противопоставляя ей циклическую модель, где империи могут переживать

множество циклов взлетов и падений, пытаясь компенсировать дефицит ресурсов.

Однако он не акцентирует внимание на национальном вопросе, который начинает активно разрушать империи в XIX в. В это время формируются националистические идеологии и нации начинают конструироваться на территориях бывших империй. И это национальное движение не устранило положение зависимого, но стимулировало трансформацию системы подчинения.

Об этой новой системе и пишут Майкл Хардт и Антонио Негри. Их концепт империи не является описанием современного состояния империй, они претендуют на новизну, указывая на возникновение принципиально новой формы суверенитета. Определим их концепт, указывая на различие с характеристиками, приведенными Мюнклером.

Прошлые империи необходимо связаны с территориями, где строго определяются центр и фронтир. Новая империя принципиально децентрализована и детерриториализована [2, с. 50], границы между периферией и центром не существует. Противостоящие империи национальные государства теперь покоряются не только военными силами, но и культурно-экономическими, что в условиях глобализации еще более необходимо для привязки к территории. Средства вмешательства включают теперь моральные, юридические и военные меры.

Отличается и принцип контроля новой империи. Суверенитет империи не конституируется из традиционных форм гомогенных идентичностей (например, титульных наций) и субъектностей. Империя управляет посредством различных иерархий гибридных и фрагментированных субъективностей [2, с. 12], где нет строгих разделений на рабов и господ, жителей метрополий и колоний и т.д.

Империя представляет собой новый мировой наднациональный порядок [2, с. 289], экономическим нервом

которого является мировой рынок [1, с. 223], а организационной структурой – сети [1, с. 354].

Таким образом, мы можем сказать, что данные понимания империй представляют собой две противоположные концепции. Герфрид Мюнклер рассматривает империи как классические политические структуры с одним центром власти, подчиняющим множество территорий и культурных единиц, что приводит к политической централизации и культурному разнообразию. В противоположность этому Майкл Хардт и Антонио Негри рассматривают империи как новую форму суверенитета, децентрализованную и дитерриториализованную, где границы между периферией и центром не существует и контроль осуществляется посредством различных иерархий гибридных и фрагментированных субъективностей.

Библиографический список

1. *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / пер. с нем. Л.В. Ланника; под ред. Т.А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л.В. Ланника М.: Кучково поле, 2015. 400 с.
2. *Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ. Г.В. Каменской; под ред. М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

ГЕНОЦИД КОРЕННЫХ НАРОДОВ В США В XX В. НА ПРИМЕРЕ РЕЗЕРВАЦИИ ОСЕЙДЖ

GENOCIDE OF INDIGENOUS PEOPLES IN THE USA
IN THE 20TH CENTURY CENTURY
ON THE EXAMPLE OF THE OSAGE RESERVATION

К.А. Мотылева

К.А. Motyleva

Научный руководитель А.В. Буденкова
Research adviser A.V. Budenkova

Геноцид, индейцы, осейджи, колонизация, правительство, нефть.
В статье представлен краткий исторический обзор процесса угнетения американским правительством индейского племени осейдж в 1920-х гг. Автор выделяет факторы, повлиявшие на дискриминацию племени осейдж, выявляет закономерность возникновения подобных процессов и возможность определения их результата в качестве геноцида.

Genocide, Indians, osage, colonization, government, oil.

The article presents a brief historical overview of the process of oppression of the osage in the 1920s. The author demonstrates factors that have influenced the discrimination of the tribe osage, identifies a regularity of the appearance of such processes and their possibility to be defined as genocide.

После Второй мировой войны вопросы защиты уязвимых групп населения стали значимы для общества. Общественность того времени была единодушна в решении зафиксировать права человека в международном кодексе. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» [1]. В тексте конвенции геноцид определяется как

«действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». До второй половины XX в. определения «геноцид» не существовало вовсе, однако некоторые процессы, происходившие в истории отдельных стран до этого времени, по составу действий попадают под это определение.

В 1830 г. Верховный суд США принял «Закон о переселении индейцев» [2], согласно которому все индейцы юго-восточных штатов должны были переселиться на необжитые земли реки Миссисипи, а плодородные земли индейцев отходили белому населению США. Жертвами закона в том числе были индейцы племени осейдж, которые ушли из долины реки Огайо, где проживали много сотен лет. Они переселились к западу от реки Миссисипи в район современных штатов Канзаса и Оклахомы [3]. До конца XIX в. индейцы подвергались беспорядочным убийствам от рук белых людей. Колонизаторы объявили себя истинными хозяевами земель.

В декларации 1883 г. индейцам отводилось 160 акров земли, а также право получения гражданства, если индеец согласится проживать на зарегистрированном участке [3]. Но большая часть этих земель не была плодородна, что означало продолжение дальнейшей жизни племен в бедственном положении.

«Закон о переселении» predetermined дальнейший образ жизни племени, гарантируя его постепенное исчезновение. Однако неплодородные земли Оклахомы хранили нефть, месторождения которой открыли в 1890-х гг. Собственниками нефтяных месторождений стали осейджи, ранее зарегистрировавшиеся на этих землях. Нефтепромышленники были вынуждены платить индейцам за аренду земли, а также за право разработки природных ресурсов.

В начале XX в. каждый из осейджей ежеквартально получал чек. В начале XX в. он составлял всего пару долларов [4, с. 92]. С расширением добычи и влияния нефти на мировую экономику дивиденды доходили до сотен, а потом и тысяч долларов. Они росли каждый год, в итоге доход индейцев стал превышать миллионы долларов. Их доход был более 30 миллионов долларов в год [4, с. 7]. В те времена осейджи считались самым богатейшим народом мира. Общественности США было тяжело принять такие реалии, что угнетаемые становились богаче правящей элиты. Образ американских индейцев стал меняться. Они покупали дорогие машины, строили особняки, отводили своих детей в частные сады.

Став богатейшим народом, они не растеряли свой традиционный уклад. Американские журналисты описывали дорогие автомобили, стоявшие возле первобытного костра, на котором их владельцы в традиционных одеяниях жарили мясо. В книге Дэвида Гранна «Убийцы цветочной луны. Нефть. Деньги. Кровь» описывается сочетание традиций народа с их финансовым богатством. Гранн цитирует газету «Вашингтон стар»: «Хватит причитать: “Ах, бедные индейцы”, а нужно: “Ого! Богатые краснокожие!”» [4, с.7].

1920-е – время сельскохозяйственного кризиса, вызванного перепроизводством. В первую очередь от него пострадали фермеры, которые во время Первой мировой войны механизировали и увеличивали свое производство, а после войны спрос на их продукцию упал. Кризис 1920-х привел к снижению покупательской способности населения и стал одной из причин «Великой депрессии» [5]. Сельскохозяйственный кризис стал одной из причин миграции маргинализованного населения Америки в богатую резервацию осейджей.

Кроме того, государство не могло принять тот факт, что осейджи – это не неразвитый народ, а такие же равноправные жители Америки, как и белое население США. Поэтому в 1921 г. Конгресс издает «Акт об опекунстве» (Osage Act) [6], согласно которому любому из осейджей, в том числе и ребенку, правительство назначало опекуна. Чаще опекуном был белый юрист или бизнесмен. В смешанных браках допускалось, что опекуном мог стать супруг индейца, если он является белым человеком. Чаще статус «недееспособного» лица присваивался чистокровному индейцу, реже индейцу из смешанного брака.

Данный закон стал точкой отчета в последовательной серии убийств в 1921–1923 гг. Только в поселении Грэй-Хорс погибло 24 человека [4, с. 565]. Самым громким преступлением стала серия последовательных убийств семьи индианки Молли Беркхарт. Книга Дэвида Гранта и фильм Мартина Скорсезе «Убийцы цветочной луны» посвящены этой истории. Эрнест Беркхарт, муж и опекун чистокровной осейджи Молли Беркхарт, совместно со своим дядей и группой заговорщиков последовательно убивали членов ее семьи [7]. Жертвами стали две сестры, двоюродный брат и мать Молли. Заговорщики работали скрытно, поэтому Молли не догадывалась, что ее муж замешан в этом. Также она не подозревала, что вместо лекарства от сахарного диабета, которым страдала женщина, Эрнест заставлял ее принимать яд [4, с. 191].

Местная полиция не вмешивалась, потому что де-факто она подчинялась Уильяму Хейлу – уважаемому в племени человеку, который помогал осейджам еще до «нефтяного бума» [4, с. 27]. Мы видим факт коррумпированности местных властей. На тот момент истории США коррупция была распространена повсеместно, вплоть до высших чинов власти [8]. Именно Уильям Хейл уговорил Эрнеста на серийные убийства семьи Молли, ведь после

смерти ее – последней наследницы богатства – все дивиденды отходили бы к нему. Примечательно, что серийные убийства касались не только семьи Молли, жителей племени начали находить мертвыми и в других поселениях. Только в 1925 г. к делу подключилось ФБР [9]. В 1921–1926 гг. было зафиксировано 24 случая убийств, однако их могло быть больше, ведь многие убийства не расследовались должным образом, а квалифицировались как несчастные случаи [4, с. 566]. В целом расследование длилось с 1924 до 1937 г., а итогом процесса стало заключение Эрнеста Беркхарта, Уильяма Хейла и других заговорщиков [10].

Серию этих масштабных убийств можно назвать семейным криминалом, однако сами осейджи приравнивают их к геноциду из-за равнодушия правительства к их судьбам и игнорирования нарушения их безопасности [11]. С научной точки зрения убийства в племени осейджей можно считать актом геноцида, так как эти действия, совершались с намерением уничтожить, полностью или частично, этническую группу осейджи как таковую с целью финансового обогащения. В основе геноцида осейджи лежат следующие факторы: во-первых, направленность правового регулирования на дискриминацию коренного населения, так, в 1906 г. Конгрессом США был принят Акт, запрещающий осейджам продавать свои земли [12], что значительно ущемляло их финансовую независимость. В 1921 г. был опубликован «Акт об опекунстве», назначавший осейджи опекуна, который контролировал его доходы. Во-вторых, сельскохозяйственный кризис в США в начале 1920-х гг., способствовавший росту криминогенной обстановки. В-третьих, коррумпированность и безнаказанность местной полиции, что останавливало расследование преступлений. Перечисленные факторы являются характеристикой акта геноцида, совершаемым над племенем осейдж в XX в.

Библиографический список

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. 9.12.1948 // Конвенции и соглашения ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 28.10.2024).
2. Indian Removal Act: Primary Documents in American History. May 1830. // Library of Congress [Электронный ресурс]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.c109369903&seq=342> (дата обращения: 28.10.2024).
3. Correspondence on the subject of the emigration of Indians. between the 30th November, 1831, and 27th December, 1833, with abstracts of expenditures by disbursing agents, in the removal and subsistence of Indians, &c [Электронный ресурс]. URL: https://www.loc.gov/resource/llserialsetce.00246_00_00-001-0512-0003/?st=gallery (дата обращения: 28.10.2024).
4. *Гранн Д.* Убийцы цветочной луны. Нефть. Деньги. Кровь. М.: Эксмо. 2017. 850 с.
5. *Минат. В.Н.* Кризисный характер сельского хозяйства США в 1920–1945 гг. И попытки устранения его последствий в 1950–1960-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). Экономические науки. Вып. 70. С. 166–176.
6. Modifying Osage fund restrictions. Hearing before the Committee on Indian Affairs, Sixty-Seventh Congress, second session on H.R. 10328. February 15-Mar. 31, 1922 // United States. Congress House. Committee on Indian Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Search/Home?lookfor=Modifying+Osage+fund+restrictions.+&searchtype=all> (дата обращения: 04.11.2024).
7. Osage Murders Case [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fbi.gov/history/famous-cases/osage-murders-case> (дата обращения: 04.11.2024).
8. *Борисов В.К., Чепурных С.Р.* История борьбы с коррупцией в США // Киберленка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-borby-s-korrupsiyey-v-ssha/viewer> (дата обращения: 04.11.2024).

9. Osage Indian Murders Part 34 of 65. Federal Bureau Of Investigation [Электронный ресурс]. URL: <https://vault.fbi.gov/Osage%20Indian%20Murders/Osage%20Indian%20Murders%20Part%2034%20of%2065/view> (дата обращения: 04.11.2024).
10. The FBI's First Big Case: The Osage Murders [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/news/the-fbis-first-big-case-the-osage-murders>. (дата обращения: 04.11.2024).
11. Reign Of Terror: The Osage Indian Murders. The Osage Nation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osageculture.com/culture/education/k-12-lessons/reign-of-terror> (дата обращения: 04.11.2024).
12. Act establishes that the Osage Nation 1906 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osagenation-nsn.gov/who-we-are/minerals-council/frequently-asked-questions> (дата обращения: 04.11.2024).

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМЫ И АКТУАЛЬНОСТЬ

THE CIVILIZATIONAL APPROACH
IN THE HUMANITIES TODAY:
PROBLEMS AND RELEVANCE

**Д.В. Попельшко,
М.В. Эберхардт**

**D.V. Popelyshko,
M.V. Eberhardt**

Столкновение цивилизаций, фронтир, Фукуяма, Хантингтон, постистория.

В статье рассмотрены актуальность цивилизационного подхода, общие и различные черты положения теорий прогнозирования политического мироустройства Ф. Фукуямы и С. Хантингтона.

Clash of Civilizations, frontier, Fukuyama, Huntington, posthistory.

The article examines the relevance of the civilizational approach, the general and various features of the position of the theory of forecasting the political world order by F. Fukuyama and S. Huntington.

Цивилизационный подход к истории заключен в локальном единстве исторического процесса и совокупности достижений человечества в ходе этого процесса. В цивилизационном подходе играют роль человек и культура населения определенного жизненного пространства. Несмотря на то что цивилизация – это главная единица данного подхода, который зачастую игнорирует социально-экономические факторы, с нашей точки зрения, отрицать важность и полезность его даже в условиях современной глобальности мира нельзя.

В XIX в. данный подход имел огромную популярность для объяснения противоречий между империями и раскры-

тиями сущности национальных государств. В наше время возникла необходимость поиска путей дальнейшего развития человечества, прогнозирования и определения своей самобытности в условиях стремительной унификации мира. Цивилизационный подход – важный политический инструмент. Популярность идей цивилизаций в истории зависит от текущей обстановки, настроения людей и от сомнительной трактовки прошлого или от определенного взгляда в будущее.

Когда нужно было оправдать империалистические интересы американской буржуазии за пределами границ государства, теория фронта Дж. Тернера обрела популярность. Данный автор не первый, который говорил о факторе границы, где общество разделяется на «свои-чужие». Однако диалог, который возникает в ходе взаимодействия культур, ведет к «подвижной границе» между ними, не только ландшафтной, но и ментальной. Фронт – новая земля, которая осваивается пришлыми людьми, а также зона диалога различных культур и новая общность, на которой появится цивилизация. Позже теория «подвижной границы» обрела популярность в других странах для объяснения культурного пространства государств. Именно на границе, вдали от центра происходит «выбор» истории человеком.

Несмотря на популярность теории фронта, в ней упущены важные аспекты, которые также влияют на формирование нации: повседневность, положение «свободных земель», гендерный фактор и репутация Америки. Покорение дикого Запада оказало первичное и самое большое влияние на формирование американской нации. Борьба и межрегиональные компромиссы привели к единству нации [1], Америка стала другой Европой. Идея «подвижной границы» – это союз и интеграция людей, похожих и чужих, в одну гибкую политическую и экономическую систему.

Критика концепции заключается в том, что только на основе географического детерминизма нельзя объяснить формирование суперэтноса и его особенности. Формирование социальных институтов и формы и методы взаимодействия различных народов в политических и духовных плоскостях стали объектом исследования американских социологов и политологов в конце XX в., когда потерялась парадигма пути дальнейшего мироустройства.

Появившиеся примерно в одно время теории Ф. Фукуямы в книге «Конец света и последний человек» и С. Хантингтона в труде «Столкновение цивилизаций» в современных реалиях много цитируют. Их концепции заключаются в прогнозировании моделей развития будущего. На первый взгляд, выводы, в которых воплощается прогноз, противоположные. Фукуяма прогнозирует одну глобальную цивилизацию – либерально-демократическую, которая опирается на законы для всех и удовлетворение базовых потребностей человека с помощью рыночной экономики. Человек в такой системе усредняется, пропадает иерархия ценностей, самоутверждение не играет огромной роли для общества [2]. Сложно согласиться, что «постистория» уже настала, но вопрос, поставленный Фукуямой: идеальна ли система либерального демократизма для внутренней природы человека, – имеет сегодня актуальность.

Хантингтон, напротив, выделяет семь цивилизаций, которые сейчас и после будут сражаться между собой. Если у Фукуямы цивилизация – это система политико-экономического устройства, то у Хантингтона цивилизация – это культурная общность. Человек самоидентифицирует себя с культурной средой [3]. Институционализация превращает остальные «цивилизации» в мировые периферии – процесс легитимация и трансформации западных социальных институтов. Критерии измерения цивилизации у авторов

отличаются, но для понимания взаимодействия политических систем и проблем современного общества данные теории можно рассматривать в совокупности. С точки зрения Хантингтона, нельзя недооценивать исламский мир, однако демократия по западному образцу лучше.

Истоки их теорий опираются на философию Гегеля, трактаты античных мыслителей и философов эпохи Просвещения. Фукуяма использует гегелианство в интерпретации А. Кожевникова. Хантингтон стремится объяснить преимущества Запада и призвать свою цивилизацию к аутентичности. Концепция Фукуямы предостерегает, стараясь найти слабое место в либеральной демократической системе. У Хантингтона же нет конфликта внутри западной цивилизации, так что она должна сохранить свое первенство. Институционализация о которой писал еще И. Кант, поможет в развитии прогрессивного общества. Международные институты и права – инструменты для преобразования мира по западному образцу [4].

Критика концепций Хантингтона и Фукуямы заключается в недооценке стран «незападной цивилизации» и этноцентричности теорий. В современных реалиях нельзя не замечать экономический рост стран Азии и Африки, которые действуют методами прогрессивной цивилизации Запада. Китай активно инвестирует в железную дорогу на Африканском континенте, расширяет контроль за логистикой в Азии: «Один пояс – один путь». Хантингтон выделяет Турцию как страну-одиночку, но сейчас политика Эрдогана направлена на строительство исламского единого мира. Происходит расширение экономического влияния Турции в Средней Азии, растет ее культурное влияние. Культурное влияние на мир сейчас оказывает и Южная Корея.

Сегодня цивилизационные концепции – важное политическое средство для социологов и политологов. У такой

системы обособленности одной цивилизации от другой есть недостатки, особенно в условиях глобализации, но отвергать систему цивилизационного устройства конгломератов отдельных стран – нельзя. Фукуяма и Хантингтон суммировали идеи философов XVIII–XIX вв. и на фоне общих событий конца XX в. пришли к разным выводам о будущем политического мироустройства.

Библиографический список

1. *Тернер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. М.: Изд-во Весь Мир, 2009. 309 с.
2. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. 259 с.
3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
4. *Мишучков А.А.* Институционализация диалога цивилизаций // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-dialoga-tsivilizatsiy> (дата обращения: 17.11.2024).
4. *Белозубов С.И.* Критика концепции Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» в современной зарубежной цивилиологии // Вестник НАСА. 2015. № 1 (11). С. 123–124.

ФРОНТИРНАЯ ИСТОРИЯ АМЕРИКИ: ОТНОШЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ К ДВИЖЕНИЮ НА ЗАПАД

THE FRONTIER HISTORY OF AMERICA
IS THE ATTITUDE OF THE CENTRAL GOVERNMENT
TO THE MOVEMENT TO THE WEST

С.С. Самсонов

S.S. Samsonov

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Research adviser E.L. Zberovskaya

США, фронтир, пионеры, демократия пионеров.

В статье раскрываются аспекты отношения центральной власти и американских пионеров, которые продвигались на запад и осваивали новые территории.

Frontier, USA, pioneers, pioneer democracy.

The article reveals aspects of the relationship between the central government and the pioneers who are moving to the west. Let's look at the relationship between the government and immigrants.

В XVIII в. ядро Северо-Американских Соединенных Штатов составляли 13 восточных штатов, которые сражались за независимость от британской короны. Освоение западных территорий происходило через покупку земель правительством, а также постепенное заселение их пионерами-первопроходцами. Новые земли привлекали переселенцев свободой от законов и налогов, что приводило к постоянному расширению территории американских колоний.

Выживание пионеров происходило благодаря обмену товарами и продуктами между побережьем, фабриками и фермами. Об этом в середине XVIII в. писал губернатор

Южной Каролины Джеймс Гленн: «Наша торговля с Нью-Йорком и Филадельфией велась таким образом, что она отнимала у нас те небольшие суммы звонкой монеты и бумажных денег, которые нам удавалось набрать в других местах, чтобы заплатить им за хлеб, муку, пиво, ветчину, бекон и другие товары их производства, и всем этим, кроме пива, теперь начинают снабжать наши новые города, заселенные весьма предприимчивыми и поэтому процветающими немцами. Это, несомненно, сокращает объем грузовых перевозок и внешние проявления нашей торговли, но отнюдь не причиняет нам ущерба» [1, с. 29]. По мнению Гленна, федеральные органы власти должны были решить проблемы штатов и уменьшить издержки на освоение новых территорий.

Фронтир считается связующим звеном между понятиями свободы и независимости в США. Автор «Декларации независимости» Томас Джефферсон представлял их основными качествами и потребностями каждого человека. Идеалы нового государства совпали с реалиями жизни фронта. Он считался воплощением «рая на земле» и примером для всех остальных народов. Так фронтир стал американским национальным символом. Строительство Трансконтинентальной железной дороги и покупка Луизианы у Французской республики связана с фронтиром. Для чего это делалось? Идеалы американской свободы и расширение рынка реализации товаров сподвигали федеральное правительство на эти шаги. Защита собственности фермеров, обеспечение их всем необходимым и смена волн переселенцев, которые осваивали новые ресурсы, в итоге приумножали налоговые поступления, что приводило к росту благосостояния государства.

Продвижение на запад закреплялось в ряде правовых актов: Международный договор между Соединенными

Штатами Америки и Французской республикой (Договор о покупке Луизианы, 1803); Международный договор о дружбе, урегулировании и границах между Соединенными Штатами Америки и Его Католическим Величеством (Договор Адамса-Ониса, 1819); Международный договор между Ее Величеством и Соединенными Штатами Америки об урегулировании вопроса о границе штата Орегон (Орегонский договор, 1846); Закон о наделении земельными участками фактических поселенцев на общественных землях (1862) [2]. Каждый из этих документов отражает общую черту американского расширения – культурное явление «явное предназначение». Данные международные акты отражают мирные итоги увеличения территории молодого государства в обмен на денежные средства, экономические выгоды или закрепления добрососедских отношений. На этих же самых территориях большая часть земли становилась правительственной, и чтобы не было прецедентов, пионерам-колонистам стали продавать землю по заниженным ценам или вовсе отдавать бесплатно. Эти действия регламентирует Гомстед-акт и закрепляет за фактическими держателями земли право получить ее в собственность.

Генри Адамс в его «Истории Соединенных Штатов» описывал идеализацию фронта. Так, в 1800 г. американец в разговоре с иностранным визитером восклицает: «Посмотрите на мое богатство! Взгляните на эти нескончаемые горы соли и железа, свинца, меди, серебра и золота. Взгляните на эти великолепные города, широко разбросанные отсюда и до Тихого океана! Взгляните на мои кукурузные поля, шелестящие и раскачивающиеся под летним бризом от океана до океана, такие высокие, что не видно, как солнце встает над дальними горами, окаймляющими мои золотые моря. Посмотрите на мой континент, самый прекрасный из когда-либо созданных миров, на котором

возлегает Америка, поворачиваясь так, чтобы солнце не переставало ласкать ее полные и щедрые груди, наполненные молоком для ста миллионов ее детей». Но все что видел иностранец, это только унылые пустыни, населенные немногочисленными колонистами, страдающими от малярии, и дикарями. В городах не было ничего, кроме бревенчатых хижин и игорных притонов [1, с. 184].

Основоположником фронтальной теории был Фредерик Джексон Тернер. Обращаясь к его трудам, нельзя не обратить внимание на то, что термин «свободные» или «незанятые» земли, о которых писал Тернер и в дальнейшем представители западной историографии, глубоко ошибочен. Земли Америки не были свободными, поскольку их издавна населяли индейцы. Весь процесс колонизации так называемых свободных земель был, по сути, жестокой войной против индейцев, сопровождавшейся физическим истреблением коренных жителей Америки и их вытеснением в труднодоступные и непригодные для жизни места, что лишь формально прикрывалось заключением соответствующих договоров с индейскими племенами [3].

На основании письменных мемуаров современников и законодательных актов центральной власти можно сделать вывод о важности фронта для истории США. Множество современников идеализировали фронт, считая его воплощением свободы и независимости, силы Америки. Они верили, что именно там будут сохранены идеалы демократии и свободы. Однако на деле маргинализованные с точки зрения государства группы уходили все дальше от цивилизации и гражданских обязанностей с целями наживы и присвоения себе новых земель. Центральная власть преследовала экономические интересы, разведывая новые территории с минимальными затратами. За идеализированной ширмой «Явного предназначения» скрывался

капиталистический хищник, который умело использовал предприимчивость иммигрантов со всего мира. Таким образом, фронтир был важным элементом американской истории, но его значение не следует переоценивать. Он был скорее инструментом для достижения экономических целей, чем символом свободы и независимости.

Библиографический список

1. *Тернер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009. 309 с.
2. Закон о наделении земельными участками фактических поселенцев на общественных землях (1862); Договор о покупке Луизианы (1803); Договор Адамса-Ониса (1819); Орегонский договор (1846) [Электронный ресурс]. URL: <https://america-xix.ru/topic/usa-expansion/documents.html>, (дата обращения: 21.10.2024).
3. *Болховитинов Н.Н.* О роли «подвижной границы» в истории США (критический анализ концепции Ф. Тернера) // Новая и новейшая история. 1962. № 9. С. 57–74.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ В ИМПЕРСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

CONCEPTUALIZATION OF SPATIAL STRUCTURE IN THE IMPERIAL STATES

С.А. Богомолов

S.A. Bogomolov

Империи, метрополии, колонии, экспансия, политическое пространство.

Теоретическое осмысление пространственной структуры империй в историческом развитии обеспечивает понимание закономерностей взаимодействия центральных и периферийных обществ в мировых цивилизациях. Вертикальная (имперская) и горизонтальная (федеративная) структуры отношений определяют главные типы организации региональных, континентальных и глобальных пространств. Динамика взаимодействия центра и периферии играет ключевую роль в формировании приоритетов развития империй, влияет на экономическую и политическую стабильность.

Empires, metropolis, colonies, expansion, political space.

Theoretical comprehension of the spatial structure of empires in historical development provides an understanding of the patterns of interaction between central and peripheral societies in world civilizations. Vertical (imperial) and horizontal (federative) structures of relations determine the main types of the organization of regional, continental, and global spaces. The dynamics of interaction between center and periphery plays a key role in the formation of priorities for the development of empires and affects economic and political stability.

Имперские государства как унитарные формы организации больших высококодифференцированных политических пространств, территорий и масс населения являются одним из самых заметных феноменов мировой истории.

В истории Древнего мира, начиная с Вавилона, Египта, Ассирии и заканчивая Римом, именно империи мобилизовали материальные и человеческие ресурсы для осуществления наиболее масштабных социально-экономических и политических проектов.

В то же время древние империи стали воплощением жестокого господства и угнетения для малых народов, неспособных сопротивляться могущественным завоевателям. Главной теоретической проблемой стало определение оптимального размера государственной территории, а практической политической задачей – его структурирование и формирование институтов управления. Эта фундаментальная междисциплинарная задача остается актуальной в современной теории международных отношений и во всем комплексе гуманитарных наук [1, с.11–15; 2, с. 5–8; 3, с. 26–48].

Архаичные «речные империи» Египта и Месопотамии в III–II тыс. лет до н.э. возникли с целью защиты земледельческих обществ от грабительских набегов кочевых племен, упорядоченного сбора налогов и развития городских политий. В I тыс. лет до н.э. империи Древнего мира увеличили свои масштабы, интегрировав экономические пространства в пределах естественных природных ареалов. Ханьская династия объединила бассейны Хуанхэ и Янцзы на Восточноазиатской равнине, а римские императоры связали в единую Ойкумену Средиземноморье. В Средние века Арабский халифат Аббасидов соединил Северную Африку и Ближний Восток с Индией, а Монгольская военная держава положила начало формированию единого континентального пространства Евразии. Новые государства на противоположных окраинах Евразии возникли как экспансионистские политии, сформировав имперские пространства конфликтов и амбиций. Римские императоры и китайские небесные государи открыли, что регулярный сбор дани намного легче и выгоднее эпизодических набегов и грабежей [4, с. 53–61].

Переход от ближневосточных и древнегреческих полисов к Вавилонской и Римской империям означал переход от горизонтальной к вертикальной политической структуре, от личностных к формализованным отношениям господства-подчинения. В античной Европе возникли две базовые технологии имперского контроля. Афины и Спарта контролировали внешнюю политику своих союзников косвенными экономическими и политическими методами, а Рим устанавливал прямую административную власть в завоеванных провинциях. На берегах Тибра возник бюрократический центр метрополии во главе с императором, или Город (*Urbs Romana*). Рим окружали союзнические общности (*dominia*), подчиненное пространство, как сфера деятельности имперского центра или провинции (*provincial*), объединенные в *Pax Romana*, зависимые полусуверенные политии (*protectorate*), защищаемая граница (*limiti*) или области военных поселений (*limitrophi fundi*). В Римской империи передаваемые из центра на периферию властные импульсы (империумы) оформлялись как идеологическая вертикаль или высшая сакральная санкция имперской власти. Такое государство больше не основывалось исключительно на физическом насилии и приобретало характеристики политической и юридической легитимности [5, с. 123–124].

Римские императоры сформировали основу имперского паттерна власти как воплощения высшего вечного блага. Римский идеал заключался в распространении имперской власти в глобальном масштабе, в превращении всего человечества в единую общину, а граждан – в подданных императора. Римская имперская традиция возродилась в Византии (Ромейской империи), затем в державах Каролингов и Габсбургов, а Арабский халифат – в Османской империи. Древнеримская политическая культура заимствовала универсализм греческого эллинизма и кардинальным образом расширила его масштаб. Империум римского магистрата

означал законную власть и суверенное право, которое реализовывалось в праве руководить и требовать повиновения от своих подданных в рамках населенной Вселенной (oikoumene). Римский император воспринимался как успешный полководец, в первую очередь выполнявший военные функции и осуществлявший территориальную экспансию своего государства «до бесконечности» (plus ultra). В средневековой Европе римский политический имперский универсализм объединился с христианским религиозным универсализмом. В 800 г. Карл Великий был провозглашен императором, возродив античный идеал в форме Священной Римской империи. Карл V Габсбург определил ее статус как закрытого государства с автаркической экономикой, с неравенством статусов центра и периферии, обеспечивающим эксплуатацию ресурсов подчиненных обществ.

В Новое время индустриальные технологии позволили европейским империям преодолеть природные барьеры и начать формирование глобального экономического и политического пространства [6; 7; 8]. Европейские «новые империи» были созданы государствами, находящимися на западной периферии европейского континента. Они постоянно испытывали дефицит ресурсов для экономического развития и находились перед постоянной угрозой внешних вторжений. На рубеже Средневековья и Нового времени Испания и Португалия разделили весь мир на сферы своего влияния, превратившись в ходе экспансии в основных поставщиков специй, золота и серебра в Европу. Азиатские пряности, а затем кофе и чай стали первыми товарами на глобальных рынках, не являвшимися предметами роскоши и рассчитанными на массового потребителя. В XVII в. Голландия и Великобритания начали борьбу за контроль океанских коммуникаций и, следовательно, за определение условий и распределение прибылей от мировой торговли. Австрийская и Османская империи стали конкурентами за контроль стратегических

коммуникаций между Европой и Азией. Россия вступила в схватку с кочевыми державами евразийских степей за ресурсы Северного Причерноморья, Поволжья, Урала и Сибири [9, с. 49–57, 222–226, 334; 10, с.16–32].

В Новое время глобальные экономические и политические отношения формировались как системы имперских континентальных массивов и узлов коммуникаций. Экономическая модель Венецианской республики стала образцом для Британской мировой империи. В Новое и Новейшее время траектория имперского развития разветвилась на европейскую (римскую) ветвь гомогенной унификации и российскую (евразийскую) модель административной дифференциации. Британская элита использовала методы косвенного контроля удаленных и труднодоступных колоний, прилагала большие усилия для кооптации местных лидеров в имперский истеблишмент. Главным условием становилось усвоение британской культуры и лояльность Короне. Континентальная Российская империя не могла использовать моря и океаны в качестве природных физических барьеров между метрополией и колониями. Поэтому монархия Романовых опиралась на мозаичную военно-политическую элиту, состоящую из различных этноконфессиональных компонентов. Она также объединялась лояльностью династии, но получала сословные привилегии и сохраняла значительную степень автономии [4, с. 70–71].

Имперская пространственная структура воплощалась в гетерогенных неравноправных отношениях центра и периферии, как «колесо с осями и спицами, но без обода» (по выражению А. Мотыля). Имперская структура определялась «длиной спиц» – физических каналов циркуляции материальных ресурсов и информации. В такой структуре коммуникаций центр являлся главным посредником во всех контактах между различными сегментами периферии. Причина уязвимости любой империи заключалась в дефиците

горизонтального взаимодействия между территориальными сегментами, провинциями и колониями. При малейшем снижении эффективности централизованного управления в империи из-за неравномерного распределения ресурсов сразу же возникали внутренние напряжения и конфликты. Британская империя с момента своего возникновения являлась одним из самых ярких примеров подобных «несовершенных колес» с крошечной метрополией, удаленной от обширных колоний [11, с. 35–41].

Лондон мог управлять колониями только при условии эффективного менеджмента и контроля глобальных коммуникаций. В зависимости от природно-климатических условий, характера населения и уровня экономического развития центр использовал прямой (формальный) или косвенный (неформальный) контроль. Возможности прямого контроля переселенческих колоний ограничивались их стремлением к развитию представительских институтов и к самоуправлению. В коронных колониях этот вариант также затруднялся тропическим климатом, высокой смертностью в британской (европейской) колонии, чужеродным местным населением. Британская элита являлась несомненным лидером в искусстве завуалированного влияния и манипулирования местными правителями, получая доступ к местным рынкам и источникам сырья, избегая кровопролитных войн и дорогостоящих оккупаций [12, с. 217–218, 427–429].

Основной характеристикой имперских государств являлся более высокий уровень централизации государственно-политической системы, которая выражалась в создании однородной управляющей системы на всех управленческих уровнях и на всей территории данного государства. Автономность политического центра проявлялась в авторитарно-силовом характере режима функционирования государственных органов. Иерархическая сегментация имперского пространства обеспечивала концентрацию ресурсов в центре, а затем пере-

распределение в соответствии с государственными приоритетами. Таким образом, империи могли осуществлять грандиозные экономические, политические или культурные проекты. Но постоянное перенапряжение ресурсов и внутренний конфликтный потенциал снижали устойчивость имперских государств. Субъективные ошибки правителей, снижение качества государственного управления, развитие освободительных движений рано или поздно разрушали империи.

Библиографический список

1. *Прохоренко И.Л.* Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.
2. *Миллер А.И.* Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: современные империи. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 4–11.
3. *Миллер А.И.* История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 25–58.
4. *Бурбанк Дж., Купер Ф.* Траектории империи // *Ab Imperio*. 2007. № 4. С. 47–85.
5. *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Деспотия. Империя. Держава // Полис. 1994. № 2. С. 117–130.
6. *Burbank J.* Empires in World History: Power and Politics of Differences. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010. 528 p.
7. *Butlin R.* Geographies of Empire: European Empires and colonies, 1880–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 692 p.
8. *Doyle M.W.* Empires. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986. 407 p.
9. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века и до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.
10. *Лал Д.* Похвала империи. Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
11. *Мотыль А.* Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 248 с.
12. *Богомолов С.А.* Концепция «нового империализма» в Великобритании: последняя треть XIX – начало XX в. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ**

**СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕБНИКИ
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
(ОПЫТ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОКРУГА
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ)**

MODERN TEXTBOOKS ON REGIONAL HISTORY
(THE EXPERIENCE OF THE EDUCATIONAL
AND PEDAGOGICAL DISTRICT OF YENISEI SIBERIA)

Е.Л. Зберовская

E.L. Zberovskaya

Региональная история, учебники, история России, Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва.

В статье рассматривается вопрос о подготовке субъектами Приенисейского учебно-педагогического округа новых учебников по региональной истории в связи с введением в школы дисциплины «История нашего края» в 2025 г. Представлен опыт создания региональных учебников прошлых лет.

Regional history, textbooks, history of Russia, Krasnoyarsk Territory, Republic of Khakassia, Republic of Tyva.

The article considers the issue of the preparation by the subjects of the Yenisei Educational and Pedagogical District of new textbooks on regional history in connection with the introduction of the discipline “History of our region” in schools in 2025. The experience of creating regional textbooks from previous years is presented.

В настоящее время преподаванию истории, в том числе и региональной, в образовательных учреждениях Российской Федерации уделяется много внимания. В нормативных документах, определяющих развитие исторического образования, многоуровневое представление об истории является одним из методологических оснований курса. Сочетание истории Российского государства и региональной истории

призвано решить важную воспитательную задачу – осознание молодым человеком своей социальной идентичности [1].

В 2024 г. Министерством просвещения РФ был издан приказ № 110, дополняющий изучение истории России курсом «История нашего края» [2]. Преподавание региональной истории с 2025 г. должно начаться в основной общеобразовательной школе с 5-го класса. В течение трех лет обучающиеся должны узнать о древней и средневековой (5-й класс), новой (6-й класс), новейшей (7-й класс) истории. В этой связи возникает вопрос о готовности субъектов РФ к введению в школы курса региональной истории, в том числе к разработке соответствующего УМК. Этот вопрос актуален и для учебно-педагогического округа Приенисейской Сибири.

В настоящее время три субъекта указанного учебно-педагогического округа готовы по-разному. Перед ними стоит задача не только разработать современные учебники по региональной истории, но и использовать имеющийся научно-педагогический опыт преподавания прошлых лет.

В Красноярском крае нового учебника по региональной истории для школы пока не появилось. Вместе с тем здесь накоплен некоторый опыт по созданию таких учебников. Долгое время большим подспорьем для педагогов было трехтомное издание «Красноярье: пять веков истории», изданное в 2005–2008 гг. [3]. За прошедшие годы изменились федеральные образовательные стандарты, которые требуют нового методического аппарата в УМК.

В 2016 г. коллектив авторов – преподавателей КГПУ им. В.П. Астафьева – создал учебное пособие по истории края XX в. для девятиклассников общеобразовательных учреждений [4]. В этом издании в значительной степени учтены концептуальные подходы, содержащиеся в историко-культурном стандарте по истории России. В нем просле-

живается антропоцентричность – через представление биографических справок и фотографий исторических личностей, многофакторность – через задания, ориентированные на выявление причинно-следственных связей, и др. Особого внимания заслуживают задания, направленные на формирование метапредметных УУД школьников, – анализ исторических источников, учебные проекты. Материалы учебного пособия могут быть востребованы при подготовке нового учебника по региональной истории в Красноярском крае.

В преддверии работы над новым УМК по истории Красноярского края преподаватели Краевого института развития образования создали методические рекомендации для учителей общеобразовательных учреждений по преподаванию региональной истории [5]. По мнению разработчиков рекомендаций, в основу преподавания курса должен быть положен модульный принцип (14 модулей). Авторы предлагают вариант сопряжения разделов истории края с темами по истории России, примеры метапредметных заданий и задач, проектных заданий, ресурсов для проведения уроков.

Таким образом, в крае накоплен достаточный учебно-методический опыт по разработке региональных учебников, который можно использовать при создании новых УМК.

В 2024 г. на международном педагогическом форуме Енисейской Сибири «Развитие региональных кластеров непрерывного образования педагогических кадров» ученые Хакасии представили новые учебники по региональной истории для 5–7-х классов. Они отвечают требованиям ФГОС последнего поколения, хорошо иллюстрированы, снабжены методическим аппаратом. Среди других учебников предыдущих лет по истории республики можно отметить учебное пособие д.и.н. И.Л. Кызласова «Древняя история Хакасии», ориентированное не только на школьников,

но и на педагогов-историков. Пособие содержит обширный материал по древней истории региона, в него включены многочисленные иллюстрации и задания [6].

Новые учебники по региональной истории в 2024 г. написали ученые Тывы. В республике также накоплен большой опыт по созданию учебных пособий по истории [7].

Таким образом, в учебно-педагогическом округе идет интенсивная работа по созданию новых учебников. Потребности региона в современных учебниках для общеобразовательных учреждений очевидны. Вместе с тем во всех субъектах округа имеется достаточный опыт по созданию учебных пособий, который может быть востребован в современной школьной практике.

Библиографический список

1. Концепция преподавания учебного курса «история России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/> (дата обращения: 15.11.2024).
2. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 19.02.2024 № 110 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402220046?index=3> (дата обращения: 15.11.2024).
3. Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Красноярск, 2005. Ч. 1. 238 с.; Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Красноярск, 2006. Ч. 2. 256 с.; Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению. Красноярск, 2008. Ч. III. 445 с.

4. *Валюх Е.П., Дементьев А.П., Мезит Л.Э., Ценюга И.Н., Ценюга С.Н.* История Красноярского края (1917–1991): учебное пособие для учащихся 9-х классов общеобразовательных учреждений / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008876440/ (дата обращения: 13.11.2024).
5. *Долгодворова Е.Ю., Ясенецкая Е.П.* Преподавание региональной истории (истории Красноярского края) в общеобразовательных организациях Красноярского края. Красноярск, 2023. 23 с.
6. *Кызласов И.Л.* Древняя история Хакасии: учебное пособие для общеобразовательных организаций Республики Хакасия. Абакан, 2020. 304 с.
7. В Кызыле представлен сигнальный экземпляр учебника по истории Древней Тывы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2023/02/11/v-kyzyle-predstavlen-signalnyu-ekzempliar-uchebnika-ob-istorii-drevney-tuvy.html> (дата обращения: 14.11.2024).

РЕФОРМИРОВАНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

SCHOOL EDUCATION REFORMS IN THE YEARS OF PERESTROIKA: A REGIONAL ASPECT

Н.В. Ворошилова

N.V. Voroshilova

Школа, перестройка, реформа образования, демократизация.

В статье рассматриваются содержание и ход реформирования школьного образования в годы перестройки на общесоюзном и региональном уровнях на примере Красноярского края.

School, perestroika, education reform, democratization.

The article examines the content and progress of school education reforms during the years of perestroika at the all-Union and regional levels on the example of the Krasnoyarsk Territory.

Актуальность темы исследования обусловлена рубежным характером перестроечного периода в эволюции отечественной системы образования, а также уникальностью опыта взаимодействия государства и общества в образовательной сфере в эти годы. Ключевым образовательным институтом реформирования в те годы стала именно школа. Данная тема достаточно редко становилась предметом специальных исследований. Среди заметных работ можно выделить двухтомный труд Э.Д. Днепровца [1], исследование Б. Холмса, Д. Рида и Н. Воскресенской [2], в которых образовательные реформы перестройки рассматриваются в совокупности с постсоветским опытом реформирования образования, публикации о демократизации педагогического процесса [3]. Опыт Красноярского края по реформированию школы в годы перестройки анализируется в монографии В.В. Стародубцева [4] и диссертационном исследовании

А.В. Толстикова [5]. Цель данной статьи – выявление эволюции образовательной политики в области реформирования школьного образования в годы перестройки и региональных особенностей этого процесса.

Одной из ключевых проблем является периодизация процесса реформирования школы в годы перестройки. Например, Э.Д. Днепров выделяет следующие этапы: противостояние с официальной властью (середина 1985 – май 1987), подготовка реформы (июнь 1987 – июль 1988), ее общественное принятие (август – декабрь 1988), зависание реформы (январь 1989 – июль 1990) и запуск реформы образования уже в Российской Федерации, сначала в «дворянских» (август 1990–1991), а затем рыночных условиях. Исследователи отмечают, что процесс реформирования развивался неравномерно, с расширением круга его участников и разным соотношением их активности на отдельных этапах.

Толчком к более активным преобразованиям школы стал не только приход нового политического руководства, но и «забуксовавшая» школьная реформа 1984 г. Эта реформа получила критическую оценку за отсутствие методологии, декларативный характер, неразработанность механизмов преобразований, косметический характер предлагаемых мер, а нередко и их ошибочность. Но она все же сыграла определенную роль в осознании актуальных проблем школьного образования (в ходе подготовки реформы только в Красноярском крае было выдвинуто около 10 тысяч предложений и замечаний) и наметила ряд направлений преобразований, развитых в последующие годы, например, более широкого применения активных форм и методов обучения, технических средств обучения, современной вычислительной техники, компьютеров в учебном процессе, внедрения передового опыта учебной и воспитательной работы [6].

Дальнейшее реформирование школы было тесно связано с общим политическим курсом руководства М.С. Горбачева. Развертывание политики гласности способствовало активизации роли общественности в обсуждении проблем школы и ее реформирования, а призыв к демократизации управления расширил участие в нем педагогических коллективов – практиковались выборы директоров школ, их отчеты перед коллективами, общественная аттестация. Создавались также советы самоуправления, в педсоветах участвовали представители ученических коллективов.

В эти годы активно развивалось новаторское движение, возникали неформальные группы педагогов, объединившихся в движение «Эврика». Красноярск стал одним из центров движения. В апреле 1988 г. здесь прошел второй тур конкурса авторских школ, а в мае 1989 г. делегаты 75 клубов и учительских объединений на региональной конференции в Красноярске учредили Федерацию творческой педагогики Сибири [7]. Учителя региона внедряли в практику новаторские методы В.Ф. Шаталова, Н.П. Гузика, С.Н. Лысенковой, Е.Н. Ильина, метод укрупненных дидактических единиц, активные формы обучения, пропагандировали педагогику сотрудничества. Широкою известность получила методика красноярских педагогов В.Ф. Ворожейкина для начальной школы и основоположника коллективного способа обучения В.К. Дьяченко. В Институте усовершенствования учителей проводились уроки-панорамы по использованию новаторских методик [8]. Известной на всю страну экспериментальной площадкой стала школа № 106 «Универс» во главе с И.Д. Фруминим.

Передовая педагогическая практика вела за собой теорию и политику. В 1988 г. ВНИК «Школа» при участии педагогической общественности страны была сформулирована Концепция общего среднего образования, принятая на Всесоюзном съезде работников народного образования в декабре 1988 г. Заложенные в ней идеи вариативного

и дифференцированного обучения, всесторонней демократизации и гуманизации образования впоследствии лягут в основу реформирования образования в Российской Федерации, однако воплощаться в жизнь они начали еще в годы перестройки. Так, в Красноярском крае за 1990–1991 гг. открылись 4 гимназии, 2 лицея и 14 школ с углубленным изучением предметов. В концепции особое место отводилось регионализации процесса реформирования, переходу от государственного к общественно-государственному управлению школой, что нашло воплощение в деятельности советов народного образования. Красноярск стал ярким примером привлечения педагогической и научной общественности, в том числе столичной, к выработке образовательной политики региона. Проводились организационно-деятельностные игры для управленцев, открытые семинары ГУНО, способствовавшие принятию коллективных решений в сфере образования. Созданием в 1990 г. комплексной программы «Учитель» было положено начало программной организации деятельности системы образования в крае, опыт которой будет активно использоваться и дальше. Этот опыт общественно-государственного партнерства способствовал превращению региона в одного из лидеров образования в стране и относительной стабильности образовательной сферы края и в кризисные 1990-е гг.

Библиографический список

1. *Днепров Э.Д.* Образование и политика: в 2 т. М., 2006.
2. *Holmes B., Read G.H., Voskresenskaya N.* Russian Education. Tradition and Transition. New York and London: Garland Publishing, Inc., 1995.
3. *Булдаков В.Е.* Демократизация педагогического процесса в советской общеобразовательной школе в период перестройки // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2, т. II. С. 58–62.

4. *Стародубцев В.В.* Школа: Время выбора: Опыт и проблемы развития общеобразовательной школы Восточной Сибири в 80-е годы. Красноярск, 1992.
5. *Толстиков А.В.* Школьное образование Восточной Сибири в 1985–2000 гг.: на материалах Иркутской области и Красноярского края: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2009.
6. Постановление ВС СССР от 12 апреля 1984 г. «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.historyru.com/doc/zv/ssoviet/dvs12041984_01.html?ysclid=m-3fnvqbjzd370995788 (дата обращения: 13.11.2024).
7. История общественно-педагогического движения «Эврика» / сост. М.Н. Мельникова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-obschestvenno-pedagogicheskogo-dvizheniya-evrika-sostavitel-m-n-melnikova> (дата обращения: 13.11.2024).
8. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р. 1383. Оп. 1. Д. 1287. Л. 113–117.

СИСТЕМА ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ПОЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

THE SYSTEM OF DEPARTMENTAL
EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE REGIONS:
HISTORICAL EXPERIENCE OF POLICE TRAINING
AND A LOOK INTO THE FUTURE

С.А. Пунтус

S.A. Puntus

МВД России, полиция, милиция, подготовка кадров, образование в регионах.

В статье представлен взгляд на историю подготовки кадров для полиции (милиции) и современное состояние ведомственной образовательной системы. В работе приводятся основные вопросы функционирования вузов МВД России в регионах и предлагаются пути совершенствования их деятельности.

The Ministry of Internal Affairs of Russia, police, militia, personnel training, education in the regions.

The article presents a look at the history of personnel training for the police (militia) and the current state of the departmental educational system. The paper presents the main issues of the functioning of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the regions and suggests ways to improve their activities.

Несмотря на широкий спектр исторических исследований, посвященных отечественной системе подготовки полицейских кадров, продолжает иметь место фрагментарное представление о генезисе и эволюции образовательных учреждений, занимавшихся обучением сотрудников полиции (милиции).

В научных исследованиях сложились несколько противоречивые подходы к вопросу о «начальной точке отсчета» образовательных учреждений, имеющих целью подготовки полицейских.

Ряд ученых утверждает о том, что нормативными предпосылками для зарождения первых образовательных организаций системы МВД России стало утверждение 25 декабря 1862 г. «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» [1, с.67]. И первыми профессиональными образовательными учреждениями признаются, например, школа полицейских урядников, созданная в Гродненской губернии в 1879 г. [2, с. 139]; школа полицейских урядников, созданная в г. Ревеле в 1908 г. эстляндским губернатором Н.В. Коростовцевым [3, с. 78].

Другие стоят на позиции, что первые двести лет истории полиции (1718–1918) могут быть определены лишь как этап зарождения предпосылок генезиса и становления системы профессионального образования сотрудников полиции, а само формирование системы ведомственного (милицейского) образования, ее интеграция в государственную систему юридического образования начинается с 1918 г. и завершается в 2011 г. трансформацией милиции в полицию и переходом к Болонской модели образования [4, с. 39]. Такой подход во многом коррелируется с этапами становления европейской системы профессионального образования кадров полиции [5, с. 112].

Однако согласимся, что в начале XX в. отсутствие в регионах профилированного управления МВД привело к формированию полицейского образования лишь по инициативе губернаторов и градоначальников, отвечавших за обеспечение правопорядка [1, с. 68].

Системность в ведомственной профессиональной подготовке кадров имеет место лишь с советского периода.

Большая часть мнений базируется на том, что начало массовому профессиональному обучению кадров милиции положил приказ Главного управления милиции НКВД РСФСР от 17 апреля 1921 г. № 69, а формирование высшего и среднего специального образования в системе подготовки кадров милиции зарождается с изданием 15 июня 1952 г. постановления Совета Министров СССР «О реорганизации учебных заведений Министерства государственной безопасности СССР» [4, с. 42–43].

Успешное функционирование образовательных организаций органов внутренних дел стало залогом их сохранения как после прекращения существования СССР, так и после реформы 2011 г., в ходе которой милиция была преобразована в полицию.

На сегодняшний день система ведомственного полицейского образования, основываясь на богатом историческом опыте, представляет собой разветвленную систему из 20 образовательных организаций и нескольких филиалов, в том числе за пределами России – в Никарагуа. Образовательная система МВД России рассчитана на широкий спектр образовательных программ: от программ профессиональной подготовки до программ подготовки кадров высшей квалификации (зачастую реализуемых в одном вузе).

При этом значительное сокращение численности полиции к 2011 г. привело к ликвидации большинства филиалов ведомственных вузов, а их территориальное присутствие в СФО (3 вуза) и ДВФО (1 вуз) не позволяет удовлетворить потребности кадрового обеспечения органов внутренних дел. Не менее сложная ситуация и в УрФО.

Обращаясь к имевшемуся опыту функционирования образовательных учреждений по подготовке полицейских (милицейских) кадров, представляется важным провести научное осмысление следующих тезисов по совершен-

ствованию системы ведомственных образовательных организаций в регионах.

1. Наиболее эффективна подготовка кадров для органов внутренних дел в образовательных организациях, расположенных в регионе, в котором предполагается дальнейшая служба сотрудника, так как обучение в таком учреждении зачастую базируется на региональной специфике (например, вряд ли преподаватели вузов из ЦФО имеют опыт работы в сфере борьбы с преступлениями в области лесопользования и т.д.).

2. Ведомственная система подготовки кадров требует расширения представительства в субъектах Российской Федерации хотя бы в пределах, имевших место в конце XX и начале XXI в., а численность обучающихся должна быть увеличена соразмерно некомплекту личного состава органов внутренних дел.

3. В целях решения уже традиционных проблем комплектования вузов МВД России целесообразно развивать систему суворовских военных училищ МВД России (в настоящее время их всего пять). При этом имеющееся территориальное расположение последних – Астрахань, Грозный, Елабуга, Санкт-Петербург, Чита – не соответствует региональному представительству высших учебных заведений, что вызывает потребность пересмотра не только их численности, но и географического положения.

Таким образом, развитие ведомственной системы образования в регионах должно не только учитывать богатый исторический опыт функционирования учреждений по подготовке полицейских (милицейских) кадров, но и следовать актуальным потребностям органов внутренних дел и удовлетворять кадровые потребности всех субъектов Российской Федерации в квалифицированных кадрах, успешно занимающихся борьбой с преступностью.

Библиографический список

1. *Терехов А.Ю., Небрятенко Г.Г.* Подготовка полицейских кадров в Российской империи // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 66–71.
2. *Киселев А.А.* Школы полицейских урядников в белорусских губерниях // Источники права: проблемы теории и практики: материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27 февр. 2013 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь; Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск: Акад. МВД, 2013. С. 138–143.
3. *Гуркин Я.А.* Совершенствование профессиональной подготовки кадров российской полиции в начале XX в. // Клио. 2015. № 5 (101). С. 77–79.
4. *Кожевина М.А.* Профессиональное образование в истории российской полиции (1718 – начало 2000-х гг.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 37–45.
5. *Киселев А.К.* Краткий экскурс в историю полицейского образования и обучения в Европе // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4 (64). С. 111–114.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1884 г. КАК ПРИМЕР ПОВОРОТА ПОЛИТИКИ РОССИИ В СТОРОНУ КОНСЕРВАТИЗМА

UNIVERSITY CHARTER (1884)
AS AN EXAMPLE OF THE TURN OF RUSSIA'S POLITICS
TOWARDS CONSERVATISM

В.А. Игнатенко

V.A. Ignatenko

Университетский устав, дисциплина, политика, консерватизм, традиционализм, Российская империя, Александр III.

В статье исследуется Общий устав императорских российских университетов 1884 г. как пример консервативного разворота в политике Российской империи. Автор делает вывод, что указанный нормативный акт является не только памятником историко-правовой мысли конца XIX – начала XX в., но и реальным инструментом сохранения института абсолютизма.

University charter, discipline, politics, conservatism, traditionalism, Russian Empire, Alexander III.

The article examines the General Charter of Imperial Russian Universities of 1884 as an example of a conservative turn in the policies of the Russian Empire. The author concludes that this normative act is not only a monument to historical and legal thought of the late 19th – early 20th centuries, but also a real instrument for preserving the institution of Absolutism.

Мы живем в постоянно меняющемся мире, в связи с чем в политической сфере идет интенсивный поиск идей, которые в последующем станут новыми ориентирами развития современного общества. В качестве таковых ориентиров все чаще и политологи, и политики называют идеи, присущие консерватизму: патриотизм, семейные ценности, институты сильной государственной власти и сплочения общества.

Понятие «консерватизм», от латинского термина *conservare*, означает отстаивание «неизменности чего-либо (в политике, бытовом поведении)»; «противящийся нововведениям» [1, с. 385].

Так, В.Н. Гарбузов отмечает, что «консерватизм существовал и существует в двух измерениях: как политическое движение и как идеология, причем консервативная система ценностей, консервативное мировоззрение, не равнозначны консервативной политике, практике» [2, с. 138].

В свою очередь, О.А. Андреева подчеркивает, что в современном российском обществе вновь возрастает интерес к такому политическому направлению, как консерватизм, где консерватизм является одной из традиционных форм «восприятия мира, в том числе и идеологией, определяющей... перспективу дальнейшего развития» нашего общества, нацеленного в будущее. Однако следует учитывать, что все новое и современное – это «хорошо забытое старое, так как корни российского консерватизма следует искать в реалиях конца XIX – начала XX в.» [3, с. 165].

Также Д.Г. Горин, рассматривая эту проблему, пишет, что процесс «оформления традиционных тенденций в консервативную идеологию... был ответом на вызовы, с которыми Россия сталкивалась на протяжении XIX и начала XX века», когда «в условиях демилитаризации и раскрепощения общества Александр III вынужден был искать новые основания самодержавной власти» [4, с. 38–39].

В условиях когда «усугублялся конфликт между помещичьим и крестьянским секторами экономики», «буржуазия претендовала на политическую роль в обществе», дворянство как опора самодержавия утрачивало «монополию на власть», осуществлялась политика по укреплению власти императора [5].

Для реализации политики по укреплению императорской власти был предпринят разворот к ее централизации

путем проведения административной реформы и утверждения ряда нормативных актов, к числу которых относится Общий устав императорских российских университетов 1884 г. (далее – Университетский устав 1884 г.).

Идея создания Университетского устава 1884 г. принадлежит ведущему консервативному публицисту М.Н. Каткову. Она была реализована министром народного просвещения И.Д. Деляновым, составившим проект Университетского устава 1884 г., утвержденного императором российским Александром III в тот же год 23 августа.

Главной особенностью Университетского устава 1884 г. явилась отмена университетской автономии, при которой все руководящие должности администрации университета, включая должности профессорско-преподавательского состава, перестали быть выборными и утверждались личными распоряжениями министра народного просвещения.

При этом все «решения университетских советов и правлений по сколько-нибудь важным вопросам (включая принятие семестрового расписания занятий) подлежали утверждению министра или попечителя учебного округа».

Регулирование дисциплины в университетах относилось к направлению борьбы «со студенческими беспорядками». В связи с этим «обязанность поддержания порядка стала для университетской администрации одной из основных задач», для решения которой внутри университетов создавались инспекции, подчиняемые попечителю учебного округа, а не ректору, как ранее.

Данные изменения в правовом регулировании системы высшего образования являются прямым доказательством изменения государственной политики в области образования в направлении унификации дисциплинарных требований со стороны государства.

Положения Университетского устава 1884 г. не утрачивали своего регулятивного значения вплоть до Октябрьской революции 1917 г. [6].

Анализ текста Университетского устава 1884 г. показал следующее:

- все университеты государства стали именоваться «императорскими» (ст. 1);

- устанавливалось правовое положение нового должного лица – попечителя учебного округа, правомочного наблюдать «за точным исполнением всеми принадлежащими к университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом, или распоряжений правительства» (ст. 6);

- правомочия попечителя учебного округа предусматривали поддержание «порядка и дисциплины в университете» и надзор за студентами (ст. 8);

- устанавливались правомочия ректора университета наблюдать «за соблюдением студентами и всеми посетителями университета установленных правил и за понуждением их к тому со стороны должностных лиц, которым непосредственно поручен надзор за этим» (ст. 13);

- попечитель учебного округа, ректор университета были наделены чрезвычайными полномочиями с предоставлением права «принимать все необходимые меры для поддержания порядка и спокойствия в университете, хотя бы меры сии и превышали принадлежащую ему власть» (ст. 17);

- правление университета было правомочно рассматривать дела по вопросам «об увольнении из университета», проводить «разбирательство по студенческим делам», налагать взыскания «на виновных» (п. 6, п. 7 § 1 ст. 41);

- основной фигурой в вопросах поддержания дисциплины в университете становился инспектор студентов, имеющий «ближайшее наблюдение за исполнением

в университетских зданиях... установленных правил», осуществляющий надзор «за порядком и благочинием» и принятием мер «к восстановлению оных» (ст. 48);

– служители инспекции осуществляли надзор «за порядком в зданиях университета» и вели наблюдение «за поведением студентов вне означенных зданий... в случае надобности» (ст. 50);

– предусматривались меры дисциплинарного воздействия не только на студентов, но и на приват-доцентов: «если... преподавание приват-доцента явно направлено к распространению между слушателями вредных воззрений, то воспрещается такому лицу чтение лекций немедленно» (ст. 111);

– предусматривалась четкая регламентация обязанностей студентов и посторонних слушателей (ст. 121); дисциплинарная ответственность в виде временного удаления студентов из университета (ст. 122); надзор полиции за студентами вне университета (ст. 123); реакция администрации университета на преступления и правонарушения, совершаемые студентами вне территории университета (ст. 124) и увольнения студентов из университета за неуспеваемость (ст. 126) [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что Университетский устав 1884 г. является памятником историко-правовой мысли конца XIX – начала XX в. При общем развороте политики Российской империи в сторону консерватизма он служил реальным инструментом сохранения института абсолютной монархии.

Библиографический список

1. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2009. 944 с.
2. *Гарбузов В.Н.* Консерватизм: ценности, идеи, политика // *Метаморфозы истории.* 1997. № 1. С. 136–138.

3. *Андреева О.А.* Правовая политика и традиционные ценности Российского консерватизма // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 4 (105). С. 164–169.
4. *Горин Д.Г.* Консерватизм и революция 1917 года: почему охранительная политика в России привела к противоположенным результатам // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 6 (116). С. 37–47.
5. *Исаев И.А.* История государства и права России. М.: Юристъ, 1999. 608 с.
6. Общий устав императорских российских университетов 1884 г. // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmeposxq.xn--p1ai/node/13676> (дата обращения: 02.11.2024).
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 4. Спб., 1887. № 2404. С. 456–474.

ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ КОМПОНЕНТА ВЕДОМСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗАХ ФСИН РОССИИ

THE EXPERIENCE OF INTEGRATION THE COMPONENT
OF LOCAL HISTORY INTO HISTORICAL EDUCATION
IN UNIVERSITIES OF THE PENAL SERVICE OF RUSSIA

С.А. Васильева

S.A. Vasileva

Ведомственная история, история УИС России, вузы ФСИН.

Анализируется положительный опыт проекта «История уголовно-исполнительной системы России», объединившего многолетние изыскания ведомственных историков и краеведов.

Local history, Russian Penal history, universities of the Federal Penal Service.

The article analyzes the positive experience of the project “History of the Russian penal system”, which combined many years of research by historians of Russian Penal history.

В последнее десятилетие в российском обществе зафиксирована нарастающая тенденция интереса к истории и культуре. Гендиректор Института развития интернета А. Гореславский оценил современные тренды, возникшие «на стыке важных для людей тем и ответа индустрии» [1], в результате чего в приоритете отечественных исследований оказались проекты исторической тематики, в том числе возросший интерес к истории отдельных областей, ведомств, профессий. В то же время такая популяризация чревата размыванием границ фундаментальных исторических исследований и смещением в околонучную или псевдонаучную сферу, что не могло не вызвать негативные оценки представителей научной общественности.

Обоснованное развенчивание «сенсационных» открытий современных краеведов и обличение жанра «ведомственной истории» в целом представлено в критической статье С.К. Черепанова [2]. Анализируя, в сущности, всего лишь одно монографическое исследование красноярских краеведов, уважаемый ученый позволяет себе вывод-обобщение трех негативных моментов современного «краеведческого жанра»: «супернатурализм; апологетика, или презумпция исторической значимости “героев” ведомственной истории; подмена языка ушедшей эпохи современными публицистическими клише». Вердиктом звучит констатирование «низкой методологической и источниковедческой культуры энтузиастов краеведения», выраженной в неадекватном понимании природы научного факта, приоритете авторской фантазии перед историческими фактами [2, с. 11].

После такой взвешенной критики негативных тенденций современных историко-краеведческих исследований невольно задаешься вопросом, как провести демаркацию границ между краеведами-энтузиастами и краеведами-профессионалами, которые скрупулезно сохраняют историко-культурную память, по крупицам восстанавливают историю своего региона или отдельного ведомства, судьбу героя. Где остановиться в своем «региональном патриотизме» и не скатиться в намерение «раздуть масштабы деяний местных деятелей до общенациональных пределов» [2, с. 8]. На наш взгляд, только представив результаты многолетних исследований на суд широкой научной общественности.

Очевидно, что жанр ведомственной (корпоративной, отраслевой) истории стал актуальным исследовательским направлением современности. В научной литературе всерьез поставлен вопрос о существовании *этоса профессии*, под которым понимают стиль или образ жизни какой-либо профессиональной общности, в основу которого положены

определенные ценности, моральные ориентиры, этические нормы. Актуальным ответом сотрудников уголовно-исполнительной системы на «тренды» современности в стремлении осмыслить свою историю стал проект «История уголовно-исполнительной системы России» [3], объединивший многолетние изыскания ведомственных историков и краеведов. Пенитенциарная система занимает особое место среди органов государственной власти: являясь одним из основных звеньев в системе правоохранительных органов, обеспечивает охрану осужденных, ограждает общество от их преступных посягательств в период отбывания наказаний.

Лицам, прошедшим через пенитенциарную систему (заключенным, каторжанам, ссыльным, переселенцам, осужденным), посвящено немало литературных произведений, научных трудов и музейных экспозиций, но тяжелой и зачастую неблагодарной службе тюремного персонала уделяется недостаточно внимания. Честно признаем, профессия «тюремщика» в контексте российской культуры зачастую вызывала и вызывает негативные ассоциации. Несмотря на ее очевидную опасность, ответственность и важность для государства, она почти всегда была лишена романтического ореола или героического пафоса. В наши дни подобный взгляд на профессию сотрудника уголовно-исполнительной системы является неприемлемым. Отсутствие источника реальных знаний о профессиональной деятельности сотрудников УИС неизбежно ведет к мифологизации представлений об этом сегменте государственной правоохранительной службы.

В настоящее время подготовка кадров для пенитенциарного ведомства осуществляется преимущественно в образовательных организациях высшего образования федерального органа уголовно-исполнительной системы. Вузы и филиалы вузов ФСИН России в Санкт-Петербурге, Рязани,

Владимире, Перми, Воронеже, Пскове, Самаре и других городах в настоящий момент организуют обучение по десяткам основных профессиональных образовательных программ. Высокий уровень профессиональной подготовки предполагает развитие культуры и нравственности, в чем историческое образование играет первостепенную роль. Поэтому изучение истории в нашей стране предусмотрено в качестве обязательной общеобразовательной дисциплины для обучающихся всех направлений подготовки [4, с. 11].

В дополнение к курсу отечественной истории в качестве дисциплины, формируемой участниками образовательных отношений, в ведомственных вузах с 1998 г. введена дисциплина «История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции». Предметом курса является прошлое отечественной пенитенциарной системы и органов юстиции в их взаимосвязи с историей отечественного государства и права. В рамках учебной дисциплины предполагается изучение истории развития законодательства и становления системы управления местами лишения свободы, истории отдельных видов наказания, генезиса структуры органов юстиции и пенитенциарных учреждений, кадровой политики государства в отношении сотрудников пенитенциарной системы. В центре проблемного поля находится личность сотрудника УИС, являющегося основным проводником государственной пенитенциарной политики и неотъемлемой частью гражданского общества, от имени которого он осуществляет свою профессиональную деятельность.

Более чем за два десятилетия исследований был накоплен обширный научный, методический, педагогический потенциал, который в 2014 г. получил импульс и развитие в создании *Центральной постоянно действующей экспозиции по истории уголовно-исполнительной системы России* – музейного пространства, в котором предлагают взглянуть

на мир тюрьмы не глазами заключенного или стороннего наблюдателя, а под углом зрения сотрудников, избравших своей профессией эту нелегкую службу. За десять лет экспозиция превратилась в образовательную среду, способствующую формированию представлений об основных этапах развития тюремного дела в нашей стране, соотнесенных с известными историческими процессами и персоналиями; выступает в качестве площадки для проведения мероприятий образовательного, воспитательного и культурного содержания: экскурсий, лекций, бесед, исторических чтений, теоретических конференций, тематических мероприятий, посвященных государственным праздникам, памятным датам в истории УИС, вечеров чествования и встреч с ветеранами. Применительно к образовательным учреждениям ФСИН России веб-версия экспозиции [3] выполняет функцию интерактивной образовательной среды по дисциплине «История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции». Учитывая общественную важность экспозиции, особо отметим ее воспитательное значение для действующих сотрудников уголовно-исполнительной системы. Знание истории своего ремесла, ощущение преемственности поколений – важнейшие факторы пробуждения в человеке профессиональной гордости.

Таким образом, результатом кропотливых научных исследований широко спектра исторических источников ведомственным историкам удалось организовать сбор и сохранение материалов, отражающих памятные события в истории России, обеспечить изучение исторического пути образования и развития УИС, воспитание личного состава на лучших примерах сотрудников пенитенциарной системы, соблюдение исторических традиций. Созданное единое образовательное пространство стало источником знаний и представлений об истории ведомства, понимаемого

не только в качестве наделенного определенными функциями института, но и в качестве социокультурной среды, предъявляющей особые требования к личностным качествам и профессиональным компетенциям сотрудников пенитенциарной системы. На наш взгляд, такой опыт вполне достоин положительной оценки и свободен от «супернатурализма» и «апологетики», вменяемых современной ведомственной истории.

Библиографический список

1. ИРИ: В РФ наблюдается тенденция интереса к собственной культуре, истории и жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/06/30/iri-v-rf-nabliudaetsia-tendenciia-interesa-k-sobstvennoj-kulture-istorii-i-zhizni.html>, свободный (дата обращения: 19.09.2024).
2. Черепанов С.К. О жанре «ведомственной истории» и сенсационном «открытии» красноярских краеведов // Евразийский Союз Ученых. 2015. Вып. 3-8. С. 8–11.
3. Проект «История уголовно-исполнительной системы России» // ФСИН России [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/history/>, свободный (дата обращения: 21.08.2024).
4. История России: учебник для вузов / под ред. Ю.А. Петрова. М.: Наука, 2024.

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ КАК ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

MUSEUM EXHIBITIONS IN THE FORMATION
OF HISTORICAL AND CULTURAL MEMORY
AS AN IMPORTANT DIRECTION
OF SPIRITUAL EDUCATION
OF THE YOUNG GENERATION

Т.Г. Балина

T.G. Balina

Духовное воспитание, историко-культурная память, музеи.

В статье рассматриваются понятия «духовное воспитание», «культурные ценности», «культурное наследие» и «историко-культурная память». Автором приводятся примеры работы музея и музейных экспозиций (на примере города Камышина), которые являются частью процесса духовного воспитания подрастающего поколения.

Spiritual education, historical and cultural memory, museums.

The article examines the concepts of “spiritual education”, “cultural values”, “cultural heritage” and “historical and cultural memory”. The author provides examples of the work of a museum and museum exhibits (using the city of Kamyshin as an example), which are part of the process of spiritual education of the younger generation.

В Федеральном законе «Об образовании в РФ» появились дополнения, касающиеся вопросов воспитания, в частности, учреждения образования и культуры должны разрабатывать программы по воспитательной работе. Действительно в ряде других нормативных документов, таких как «Концепция духовно-нравственного развития

и воспитания личности гражданина России» [1], «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [2], «Основы законодательства РФ о культуре» [3] и прочих, делается акцент на том, что содержание духовно-нравственного воспитания должно базироваться на основе национальных ценностей и не должно быть отделимо от жизни человека, семьи, общества, культуры, человечества в целом, от страны проживания и культурно-исторической эпохи, формирующей образ жизни народа и сознание человека.

Подрастающее поколение проходит периоды детства, подросткового возраста и юношества. В детстве происходит активное «освоение социального пространства, принятие социальных норм» [4]. В практике формирования общественного поведения происходят «моральное сознание ребенка», формирование нравственных чувств и убеждений [5]. В подростковом и юношеском возрасте идет активная идентификация себя как личности, восприятие мира через направленность на самого себя, активное формирование смысловой сферы: формирование мировоззрения, определение жизненной позиции [6]; обретение идеалов, жизненных целей [7]; ориентация на целеполагание, самооценку и представление о себе [5].

Духовное воспитание – это процесс присвоения человеком ценностей, которые, в свою очередь, находят воплощение в культуре [8], это процесс восхождения к ценностям, культуре, «Я», Другому [9]. В качестве пространства для формирования смысловой сферы ребенка, пространства культурного самоопределения, где оценочным компонентом выступают ценности (духовные, семейные, национальные, культурные), рассматривается социокультурная среда. Культура «моделирует и канализирует процессы развития» личности [4].

Также с точки зрения социологического подхода культура рассматривается как сумма таких компонентов, как знания, верования, виды искусства, нравственность, законы, обычаи, любых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Культура есть характеристика общественного развития человека, которая «позволяет человеку оставаться человеком» [10]. Таким образом, понятие «культура» опирается на систему ценностей, так как определяет отношение человека и общества.

В «Основах законодательства РФ о культуре» понятие «культурные ценности» рассматривается как «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурное значение здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [3]. Э.А. Баллер понятие «культурного наследия» рассматривает как «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей» [11]. Таким образом, культура есть историческое наследие, которое критически осваивается, развивается и используется в соответствии с общественным прогрессом.

Знакомство подрастающего поколения с историческим и культурным наследием есть процесс постижения духовных ценностей, традиций в единстве с современными взглядами и предпочтениями, что способствует культурному развитию и формированию мировоззрения, а также осознанию своей национальной принадлежности. С передачей из поколения в поколения культурных ценностей осуществляются историческая преемственность развития культуры,

ее сохранение и приумножение. В этом и заключены основы формирования историко-культурной памяти как фактора, «определяющего характер коллективных представлений о прошлом, оценку нынешних событий и видение стратегии будущего развития общества» [12].

Одним из важных средств сохранения, отражения и формирования исторической и культурной памяти выступают музеи. Эти учреждения являются особым связующим звеном между настоящим и прошлым. «Современный музей, с одной стороны, должен откликаться на растущие и меняющиеся запросы современности, а с другой – сохранять определенный консерватизм» [13].

Музей выполняет две основные функции: документирования и образовательно-воспитательную. В процессе актуализации историко-культурной памяти также идут идентификация, формирование имиджа и бренда той или иной местности [14].

Каждый город имеет уникальные исторические и культурные особенности развития и становления. Как правило, это отражается в краеведческих музеях, художественных галереях, постоянных и сменных экспозициях. На примере провинциального города Камышина (Волгоградская область) следует отметить, что в историко-краеведческом музее представлены постоянные экспозиции залов, посвященных истории края, формирования инфраструктуры, природному многообразию. Само здание музея является уникальной архитектурной постройкой в неорусском стиле и представляет визитную карточку города. Также в отдельном здании, старинном особняке, имеется этнографический комплекс «Быт камышан XIX – начала XX века». В этом же здании есть постоянная экспозиция, посвященная писателю М.А. Шолохову, который проживал во время эвакуации в этом доме. Особое слово нужно сказать

о музее А.П. Маресьева, расположенного рядом с историко-краеведческим музеем. Легендарный летчик-герой входит в топ-1000 культурных брендов РФ и является гордостью современных земляков. Данный музей состоит из четырех залов: «Крылья мечты», «Воля к жизни», «Посол мира» и «Воздушный бой». Каждый местный житель побывал не один раз в этом музее. С большим удовольствием это делают и гости города. Также в этом здании на втором этаже есть художественная галерея, которая имеет обширную коллекцию предметов искусства. На базе данной галереи проводятся творческие встречи, мастер-классы, персональные и тематические выставки художников, мастеров декоративно-прикладного искусства. В музее имеются просветительские, специальные воспитательные и образовательные программы для подрастающего поколения: исторические и культурные квесты, краеведческие чтения, сезоны поездок за город, экскурсии в исторические места города, работает клуб патриотов и пр.

Музейные экспозиции способны создавать особую атмосферу, привлекать внимание и оказывать эмоциональное воздействие на посетителей. Ключевая характеристика музея – формирование, транслирование и актуализация историко-культурной памяти [14]. Музейную деятельность возможно включать в процесс духовного воспитания подрастающего поколения. При правильно организованном процессе воспитания на основе музейных экспозиций возможно создать особую эмоциональную атмосферу, где происходит погружение зрителя в конкретную эпоху или конкретное событие. Именно детский и подростковый возраст особенно сензитивен и является тонким миром чувственности. Именно в детстве идет усвоение духовных ценностей и овладение социальным и культурным пространством, а в подростковом возрасте продолжают развиваться созревание, идентификация и личностное развитие человека, поиск своего места в жизни [15; 16].

Таким образом, говоря о значении музейных экспозиций в формировании историко-культурной памяти, следует воспринимать музеи как эффективное средство и уникальное место для становления смысловой сферы детей и рассматривать формирование историко-культурной памяти как важное направление духовного воспитания подрастающего поколения. Кроме того, разнообразные музейные образовательные и воспитывающие программы позволят более эффективно осуществлять духовное воспитание подрастающего поколения на основе художественной культуры, через соприкосновения с произведениями искусства с историческими артефактами, чтобы данный процесс проходил целостно, системно и организованно.

Библиографический список

1. *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 29 с.
2. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (от 29.05.2015 № 996-п) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (дата обращения: 10.10.2024).
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 18.07.2019) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 10.10.2024).
4. Психология развития: хрестоматия / Л.А. Семчук, А.И. Янчий. Гродно: ГрГУ, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.grsu.by/psihologia/index.htm> (дата обращения: 10.10.2024).
5. *Божович Л.И.* Психологические закономерности формирования личности // Вопросы психологии. 1976. № 6. С. 34–44.
6. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 456 с.

7. *Выготский Л.С.* Проблема возраста. М.: Эксмо, 2009.
8. *Соловцова И.А.* Духовное воспитание в православной и светской педагогике: методология, теория, технологии: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 247 с.
9. *Соловцова И.А.* Духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи в системе вокального образования современного Китая: проблемы и перспективы // Известия ВГПУ. 2018. № 2 (125). С. 78–83.
10. *Дорошко О.М.* Методологическое значение категории «Культура» в педагогике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 6 (134). С. 59–63.
11. *Баллер Э.А.* Социальный прогресс и культурное наследие. М.: Наука, 1987.
12. *Гончарова А.В.* Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, вып. 1. С. 134–141.
13. *Ростовцев Е.А, Сидорчук И.В.* Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.
14. *Воробьева О.Ю.* Актуализация культурной памяти в деятельности провинциального музея // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1 (118). С. 195–201.
15. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия, 1999. 456 с.
16. *Фролова О.В.* Особенности развития детей подросткового и юношеского возраста // Вестник КГЭУ. 2009. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-detey-podrostkovogo-i-yunosheskogo-vozrasta?ysclid=m4z7u9mmhs659314647> (дата обращения: 03.11.2019).

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СТРАНЫ
В МУЗЕЯХ МОСКВЫ
КАК АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ
ОБРАЗА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

HISTORICAL AND CULTURAL MEMORY
OF THE COUNTRY IN MOSCOW MUSEUMS
AS AN ASPECT OF THE FORMATION
OF THE IMAGE OF RUSSIAN STATEHOOD

М.В. Ломако

M.V. Lomako

Научный руководитель В.М. Зубец
Research advisor V.M. Zubets

Историко-культурная память, российская государственность, музей.

В статье рассматриваются отличительные черты российской государственности. Музеи Москвы есть важные социальные институты по сохранению историко-культурной памяти страны. Третьяковская галерея, Исторический музей, Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина и другие обладают ярко выраженными особенными, неповторимыми чертами, и обуславливают всенародное признание и интерес.

Historical and cultural memory, Russian statehood, museum.

The article examines the distinctive features of Russian statehood. Moscow museums are important social institutions for preserving the historical and cultural memory of the country. The Tretyakov Gallery, the Historical Museum, the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts and others have clearly expressed special features that give them a unique look and determine national recognition and interest.

Историко-культурная память России, основываясь на системе духовных ценностей, является важнейшим фактором сохранения национальной самобытности и аспектом

формирования образа российской государственности [1]. Государственность есть свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе его развития, а также «статусность» и «состоятельность», что характеризуется внутренним развитием социума [2]. Российская государственность обладает как общими (территория, население, власть и пр.), так и собственными отличительными чертами – непрерывность, преемственность, изменчивость, системность, конкретность, целостность, незавершенность и цикличность. К числу наиболее важных отличительных черт российской государственности можно отнести духовность, соборность, державность, патриотизм [3, с. 115–118].

Единство и целостность российской государственности призвана обеспечить национально-государственная идея, которая состоит в утверждении национальной идентичности и целостности этнокультурного многообразия. В настоящее время формированием и пропагандой данной идеи занимаются многие социальные институты, среди которых особое место отведено музейным учреждениям, «которые в силу своей природы обязаны сохранять и пропагандировать ценности отечественной истории и культуры» [4, с. 5]. Музеи формируют пространство памяти российского общества [5, с. 20], способствуют формированию исторического сознания россиян и выполняют функцию хранителя и передатчика исторической традиции, используя репутацию честности и порядочности в обращении с историей, в состоянии осуществлять «практики мягкого убеждения в формировании определенного исторического восприятия» [6, с. 55]. «Музеи должны быть ведущими каналами по организации социокультурных процессов, создавая основу для других учреждений для функционирования как единый культурный организм. Музейная деятельность должна стать частью культурных процессов региона и страны в целом» [7, с. 123].

Музеи призваны транслировать региональную идентичность и вести работу в сфере социокультурного проектирования, тем самым принимая участие в формировании социокультурной политики региона [8, с. 51–55].

Среди наиболее значимых музеев Москвы, пользующихся популярностью у туристов, можно выделить Государственную Третьяковскую галерею, Государственный исторический музей, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Государственный музей искусства народов Востока, Государственный музей обороны Москвы, Государственный центральный музей современной истории России и, конечно, Московский Кремль и Музей Победы.

Одним из ведущих музеев Москвы, символом России является Третьяковская галерея, которую называют ведущим среди научно-художественных и культурно-просветительских центров в России. Здесь собраны десятки тысяч произведений изобразительного искусства. Количество коллекций постоянно пополняется новыми работами старых мастеров и современных авторов. «Третьяковская галерея является не только сосредоточением искусства, но и сосредоточением эмоций», потому что произведения искусства призывают зрителя «разделить горе и радость, счастье, печаль и другие сильнейшие эмоции другого человека» [9, с. 252].

Третьяковская галерея привлекает зрителей не только своей богатой коллекцией и историей создания, но и своими уникальными выставками с демонстрацией редких произведений, образовательными программами. Через восприятие российских и зарубежных художников галерея устанавливает связь поколений и способствует более глубокому пониманию наследия человечества. Историки, искусствоведы и обычные зрители считают Третьяковку маяком, освещающим прошлое, настоящее и будущее России через призму изобразительного искусства.

Не менее важными и необходимыми для посещения и изучения шедевров искусства являются Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина и Музей искусства народов Востока. Эти музеи располагаются в центре столицы и имеют в своих запасниках уникальные произведения известных художников, скульпторов, ювелирные изделия и прочие предметы, созданные мастерами разных эпох.

Исторические музеи Москвы, такие как Государственный музей обороны Москвы, Государственный центральный музей современной истории России, Музей Победы, Государственный исторический музей, являются хранителями важных архивных документов, книг, фотографий, уникальных экспонатов – это сокровищницы истории России. Каждый музей имеет свою уникальную особенность, начиная от истории создания, архитектурного облика и заканчивая редкими экспонатами и шедеврами искусства. Исторические музеи, с одной стороны, являются «аккумуляторами» исторических знаний о прошлом, с другой – это пространство, которое транслирует новым поколениям образы прошлого [10, с. 100].

Главным символом не только Москвы, но и всей России является Московский Кремль. Это олицетворение русской истории, государственности и национальной идентичности. Эксперты ЮНЕСКО отмечают, что Кремль и Красная площадь, являясь шедеврами гениальных мастеров, передают неповторимое богатство русской культуры и русского духа. Архитектурный ансамбль Кремля представляет собой несколько построек. Самые известные – это Спасская башня, Благовещенский, Успенский и Архангельский соборы, Колокольня Ивана Великого, Оружейная палата, Алмазный фонд и пр. Кроме того, на территории Кремля находятся Большой Кремлевский дворец, Грановитая палата, Арсенал, Сенат, Потешный дворец, Государственный Кремлевский дворец. Московский Кремль, главный из всех кремлей России,

самая крупная действующая крепость Европы, является не только культурным наследием ЮНЕСКО, но и официальной резиденцией Президента Российской Федерации.

Таким образом, следует отметить, что российская государственность имеет особую форму организации российского общества и, динамически развиваясь во времени, имеет свои особенности и закономерности. Это проявляется в общественных отношениях, экономике, в том числе и в культуре. На формирование отличительных черт российской государственности оказывает влияние не только экономическая и политическая сферы жизнедеятельности общества, но и социальная и духовно-культурная [3, с. 120].

Основная миссия музеев – сохранение, исследование и популяризация изобразительного искусства. Большинство московских туристических маршрутов включают в себя посещение разных типов музеев: исторических, музеев изобразительного искусства и пр. Государственные музеи Москвы подчеркивают особую культурную самобытность России и позволяют приблизиться к пониманию роли искусства в отражении достижений и ценностей российского общества, положительного образа российской государственности. Музеи – это одновременно объект и инструмент культурной политики государства.

Библиографический список

1. *Гончарова А.В.* Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2022. Т. 8, вып. 1. 2022. С. 134–141.
2. *Пономарева Е.Г.* Внутренние и внешние факторы развития российской государственности // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века: материалы Всероссийской научно-общественной конференции 19 сентября 2012 г., В. Новгород. М.: Научный эксперт, 2013. С. 132–147.

3. *Чувилкин К.В.* Свойства и отличительные черты российской государственности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 115–120.
4. *Гусман В.М.* Музеи в формировании национально-государственной идеи: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. СПб., 2007. 38 с.
5. *Ростовцев Е.А, Сидорчук И.В.* Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.
6. *Колесникова А.Г.* Роль музея в формировании исторического сознания россиян // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-muzeya-v-formirovanii-istoricheskogo-soznaniya-rossiyan> (дата обращения: 10.10.2024).
7. *Никонова А.А.* Роль музея в формировании культурной идентичности // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 119–123.
8. *Скрипкина Л.И.* Роль музеев в формировании региональной социокультурной политики // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 4 (14). С. 49–55.
9. *Умеренкова С.Н.* Третьяковская галерея как один из ведущих научно-художественных и культурно-просветительских центров России // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tretyakovskaya-galereya-kak-odin-iz-veduschih-nauchno-hudozhestvennyh-i-kulturno-prosvetiteljskih-tsentrov-rossii> (дата обращения: 10.10.2024).
10. *Мазур Л.Н.* Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 100–119.

КОММЕМОРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ПРИШКОЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА

COMMEMORATION OF HISTORICAL FIGURES
IN THE SCHOOL SPACE
OF THE CITY OF KRASNORYASK

М.П. Мальцева

M.P. Maltseva

Научный руководитель Е.Л. Зберовская
Research advisor E.L. Zberovskaya

Коммеморативная практика, школы города Красноярска, мемориальные таблички, память.

В статье рассматриваются коммеморативные практики сохранения и передачи памяти об исторических деятелях на пришкольных территориях в городе Красноярске.

Commemorative practice, schools of the city of Krasnoyarsk, memorial plaques, memory.

The article discusses the commemorative practices of preserving and transmitting the memory of historical figures in the school territories in Krasnoyarsk.

Одним из способов закрепления, сохранения и передачи в обществе памяти о прошлом посредством материальных объектов является коммеморация. Важную роль в современных коммеморативных практиках играют государство и социальные институты, им созданные. Одним из них является школа.

Историческая память – важный компонент в воспитании гражданской и патриотической позиции, социальной ответственности подрастающего поколения. Школа является

значимым институтом в становлении личности ребенка. Образовательное учреждение может выступать мнемоническим местом, поскольку на пришкольном пространстве могут быть установлены памятники для сохранения и увековечивания памяти исторических деятелей и событий [1].

Темой коммеморации в образовательной сфере занимался Д.А. Аникин [1]. Он проанализировал причины, с которыми связано установление памятных табличек или мемориалов. М.Л. Шуб рассматривает само понятие, виды коммеморации и влияние данной практики на культуру и образование [2]. Также Н.И. Чуркина принимает во внимание то, что коммеморативная практика может помочь учителю истории в изучении какой-либо темы [3].

Нами было рассмотрено 106 школ города Красноярска, в том числе лицеев и гимназий. В 14 средних общеобразовательных учреждениях на фасаде зданий имеются мемориальные таблички, в некоторых – две. Большинство из них посвящены героям Великой Отечественной войны или войны в Афганистане, которые обучались или работали в данной школе. В 2 образовательных учреждениях из данного списка на пришкольной территории установлены памятники с именами погибших на войне учеников и учителей школы. В одной из школ установлена мемориальная табличка, что в годы Великой Отечественной войны в этом здании находился госпиталь для раненых, которые доставлялись с фронта по железной дороге.

Вторая группа мест памяти посвящена труженикам и Героям Социалистического Труда, заслуженным людям, трудившимся на благо школы.

Третья группа памятных знаков и мест на территории школ связана с известными деятелями культуры, внесшими значительный вклад в развитие региона и страны.

В качестве иллюстрации рассмотрим некоторые коммеморативные практики оформления пришкольной территории.

На фасаде школы № 72 установлена мемориальная доска, посвященная Михаилу Николаевичу Толстихину, участнику Великой Отечественной войны. Михаил Николаевич был первым директором этой школы, его именем названо данное образовательное учреждение.

На территории школы № 36 стоит мемориальный памятник участникам Великой Отечественной войны – ученикам и учителям, которые учились и работали в этой школе.

На фасаде школе № 10 находится мемориальная доска, посвященная В.Ф. Войно-Ясенецкому, в память о жизни и работе архиепископа в Красноярске. Также в самой школе был размещен эвакуационный госпиталь № 1515, где главным врачом работал и оперировал раненных Валентин Феликсович.

На фасаде школы № 86 находится памятная табличка, посвященная герою педагогического труда М.Ф. Стригину, который открыл в 1962 г. школу и был бессменным директором данного образовательного учреждения до 1994 г.

На фасаде школы № 1 размещен плакат, посвященный известному красноярскому художнику Василию Ивановичу Сурикову.

Лицей № 1, расположенный в Октябрьском районе, имеет на фасаде школы мозаичный портрет Петра Ивановича Словцова – известного русского и советского оперного и камерного певца. Благодаря его семье в Красноярске была открыта Народная консерватория – в настоящий момент это колледж искусств. Так как я сама работаю в данной школе, могу сказать, что все обучающиеся знают, кто изображен на одной из стен школы и чем он знаменит, потому что с детьми на постоянной основе проводятся внеклассные мероприятия. В создании данного памятники участвовали сами дети.

Таким образом, коммеморация исторических деятелей на пришкольной территории может служить одним из способов закрепления в памяти обучающихся образов деятелей, значимых для Красноярска. Устройство мест памяти на пришкольной территории имеет просветительскую составляющую, поскольку о героях и известных личностях узнают не только обучающиеся, но и многие взрослые.

Библиографический список

1. *Аникин Д.А.* Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2024. № 1. С. 27–42.
2. *Шуб М.Л.* Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3. С. 80–87.
3. *Чуркина Н.И.* Коммеморативные практики в Российском образовании как метод историко-педагогических исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 6. С. 37–44.

РАЗВИТИЕ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ КРАСНОЯРСКА

THE DEVELOPMENT OF PATRIOTISM
IN THE MODERN SCHOOL OF KRASNOYARSK

В.С. Захарян

V.S. Zakharyan

Научный руководитель С.Н. Ценюга
Research adviser S.N. Tsenyuga

Патриотизм, воспитание, современные тенденции.

Автор пытается выявить актуальные тенденции и проблемы, а также определить перспективные направления для улучшения системы патриотического воспитания на примере школ города Красноярск.

Patriotism, education, modern trends.

The author attempts to identify current trends and problems, as well as to determine promising areas for improving the system of patriotic education using the example of schools in Krasnoyarsk.

Патриотизм является одной из ключевых ценностей Российского общества, способствующей укреплению единства нации и сохранению культурного наследия. Школа играет важную роль в формировании гражданской позиции и патриотической сознательности молодого поколения. В современных условиях глобализации и информационных вызовов перед образовательными учреждениями стоит задача поиска эффективных методов воспитания патриотизма, соответствующих новым реалиям. Поэтому 17 июня 2021 г. вышло постановление губернатора Красноярского края «Об утверждении Концепции развития патриотического воспитания в Красноярском крае» [1]. Целью данной концепции

является развитие в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности личностей, обладающих определенными качествами, способных проявить себя в созидательном процессе в интересах родины, укрепления государства. Для реализации концепции было подготовлено методическое пособие, исходя из анализа которого, мы выявили современные тенденции развития патриотизма в школах Красноярска [2].

Первое – это интеграция патриотического содержания в учебные предметы. Например, уроки истории и обществознания активно используются для обсуждения вопросов исторического прошлого страны, героических подвигов предков и значимости культурных достижений. На уроках литературы изучаются произведения классиков русской литературы, воспевающие любовь к Родине и ее людям. В рамках курса географии особое внимание уделяется природным богатствам и культурному разнообразию регионов России. Примером успешной интеграции патриотического компонента может служить проект «История родного края», реализуемый в ряде школ Красноярска.

Второе, на что стоит обратить внимание, – это активизация внеучебной деятельности. Значительное внимание уделяется организации внеучебных мероприятий и акций, направленных на формирование патриотических качеств. В школах Красноярска регулярно проводятся такие мероприятия, как День Победы, акции памяти жертв Великой Отечественной войны, встречи с ветеранами, военно-патриотические игры и конкурсы. Особую популярность приобрели проекты, связанные с волонтерской деятельностью, когда школьники оказывают помощь ветеранам, участвуют в благоустройстве памятников и мемориалов.

Третье – это использование информационно-коммуникативных технологий. Современные технологии играют

все большую роль в процессе патриотического воспитания. Интернет-ресурсы, мультимедийные презентации, образовательные платформы позволяют сделать процесс обучения более интерактивным и интересным для подростков. В некоторых школах Красноярска создаются виртуальные музеи, посвященные историческим событиям и выдающимся личностям, что помогает ученикам лучше усвоить материал и почувствовать сопричастность к прошлому своей страны. Кроме того, многие школы используют социальные сети и интернет-платформы для распространения информации о своих мероприятиях и привлечения внимания общественности к вопросам патриотического воспитания. Это делает школьные инициативы более доступными и привлекательными для широкой аудитории [3, с. 13].

Четвертая тенденция заключается в сотрудничестве с общественными организациями и ветеранскими объединениями. Школы Красноярска активно сотрудничают с различными общественными и ветеранскими организациями, что позволяет обогащать учебный процесс реальными примерами и живыми историями. Встречи с ветеранами и участниками локальных конфликтов становятся важным элементом патриотического воспитания, так как помогают подросткам осознать значимость служения Отечеству и уважения к старшему поколению. Также большое значение имеет участие школьников в проектах, организованных местными органами власти и общественными движениями. Такие проекты способствуют формированию активной гражданской позиции и развивают навыки социальной ответственности [3, с. 15].

Говоря о проблемах и перспективах, необходимо отметить, что, несмотря на значительные успехи в развитии патриотизма в школах Красноярска, существуют и некоторые проблемы, требующие решения. Одной из них является

недостаточная мотивация учащихся к участию в патриотических мероприятиях. Многие школьники воспринимают эти мероприятия как формальность, не видя личной пользы от участия в них [3, с. 18].

Таким образом, внедрение новых методов и подходов, использование информационных технологий и активное сотрудничество с общественностью способствуют повышению уровня патриотического сознания молодых людей. Однако остаются нерешенными вопросы мотивации учащихся и подготовки педагогических кадров, что требует дальнейших усилий со стороны всех заинтересованных сторон.

Библиографический список

1. Указ губернатора Красноярского края «Об утверждении Концепции развития патриотического воспитания в Красноярском крае» от 04.04.2022 № 95-уг // Красноярский край. Официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/84995?ysclid=m53aos0fwa205322513> (дата обращения: 20.11.2024).
2. Патриотическое воспитание школьников: опыт и перспективы: методическое пособие. Красноярск, 2019.
3. *Иванов А.А., Петров Б.В.* Патриотическое воспитание в школе: современные вызовы и пути их преодоления // Педагогика. 2021. № 7. С. 12–18.

**«РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ»
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ:
ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ
СО СТУДЕНТАМИ КГПУ им. В.П. АСТАФЬЕВА**

“CONVERSATIONS ABOUT IMPORTANT THINGS”
AT A PEDAGOGICAL UNIVERSITY: THE EXPERIENCE
OF ORGANIZING CLASSES WITH STUDENTS
OF KSPU NAMED AFTER V.P. ASTAFIEVA

А.А. Орехова

A.A. Orekhova

Научный руководитель Е.С. Меер
Research adviser E.S. Meer

«Разговоры о важном», педагогический вуз, студенты, воспитательная работа, традиционные ценности.

Статья посвящена функционированию проекта «Разговоры о важном» в КГПУ им. В.П. Астафьева. Автор выделяет внешний и внутренний векторы в реализации мероприятий, раскрывает их уровни и форматы.

“Conversations about important things”, pedagogical university, students, educational work, traditional values.

The article is devoted to the functioning of the project “Conversations about important things” at the KSPU named after V. P. Astafieva. The author identifies external and internal vectors in the implementation of events, reveals their levels and formats.

Проект «Разговоры о важном» (далее – РОВ) является актуальной темой для исследований: формат подобных занятий появился сравнительно недавно. Большинство научных статей посвящены описанию успешных методических разработок для их проведения на уровне общего

образования. Реже встречаются исследования РОВ как формы воспитательной работы со студентами. Т.И. Лучина описывает формы проведения, которые используют кураторы университета в работе с обучающимися. Утверждается, что студенты педвуза – это будущие учителя, которые будут проводить РОВ уже со школьниками, но сама система подготовки рассмотрена недостаточно [1]. А.А. Семенов, В.Р. Аветисян, Л.А. Колыванова приводят примеры проведенных мероприятий и выделяют проблемы в реализации проекта внутри своего вуза [2]. Часть статей посвящена отдельным направлениям воспитательной работы: эстетическому [3], патриотическому [4]. Нам не удалось найти обобщающих исследований о системной работе по организации занятий РОВ в педвузе.

В нашем исследовании мы попытаемся показать, как функционирует проект «Разговоры о важном» в КГПУ им. В.П. Астафьева на теоретическом уровне. В качестве источника используются Методические рекомендации Минпросвещения по организации РОВ в университетах [5].

Методические рекомендации, направленные зимой 2023 г., стали опорой для реализации проекта в системе высшего образования. Целью проведения РОВ являются укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей и подготовка обучающихся к их передаче другим поколениям, противодействие деструктивным идеологиям и т.д. [5]. Документ, на наш взгляд, не ограничивает формы проведения, темы и в целом содержание занятий. На уровне вуза формируется план проведения РОВ, определяются участники процесса, частота занятий и другие составляющие реализации цикла. Мероприятия реализуются в рамках календарного плана воспитательной работы.

В КГПУ им. В.П. Астафьева мы можем выделить два вектора в реализации проекта. Условно назовем их внешний

и внутренний. Внешний вектор – это действия, направленные на погружение студента в среду проведения РОВ. Мы ставим будущего педагога на место ученика, чтобы он увидел ситуацию с позиции ребенка, школьника. Это дает возможность студенту увидеть, с помощью каких методов и через какие форматы можно воспитывать ценности в школьниках и в себе. Будущий педагог выступает как объект, на которого направлены цели реализации РОВ. Внутренний вектор – это действия, направленные на самостоятельную работу студентов (на развитие их организаторских компетенций уже в роли носителя ценностей, апробацию методов проведения РОВ).

Внешний вектор реализуется на трех уровнях: 1) академическая группа (занятия со студентами проводят кураторы учебных групп не реже 1 раза в месяц); 2) факультетский/институтский (занятия проводят сотрудники блока воспитательной работы отдельного учебного подразделения не реже 1 раза в три месяца); 3) университетский (реализуется аппаратом проректората и сотрудниками управления, проводящими воспитательные мероприятия, не реже 1 раза в семестр). Тематика РОВ определяется на каждом уровне ответственными сотрудниками подразделений на основе Методических рекомендаций. Она отражает специфику учебных подразделений: так, например, на факультете биологии, географии и химии достаточно много занятий посвящено вопросам экологической культуры. К мероприятиям привлекаются приглашенные спикеры – деятели культуры, науки, искусства, сотрудники правоохранительных органов. Форматы также определяются ответственными за проведение. За 2023/24 учебный год РОВ проводились в формате беседы, кинопоказа с обсуждением, экскурсии, инструктажа и пр.

Реализация внутреннего вектора включает в себя несколько форматов: 1) РОВ как обязательная часть педагоги-

ческой практики – обучающиеся проводят минимум 2 занятия для школьников, получая обратную связь от школьных учителей и методистов университета; 2) возможность пройти программу повышения квалификации на безвозмездной основе. Ее объем составляет 16 часов, обучение проходит на базе университета в вечернее время. Первый блок – теоретический (проведение лекционных занятий), второй – практический (студенты в группах готовят пример занятия, который оценивают преподаватели и потенциальные работодатели – директора школ и школьные учителя). Сертификат установленного образца о прохождении программы обучающиеся получают вместе с дипломом по окончании университета. Обучающиеся старших курсов, прошедшие программу, привлекаются кураторами к проведению РОВ для младших курсов, что дает обучающимся возможность дополнительной практики.

Таким образом, оба вышеописанных взаимосвязанных вектора в системе организации занятий РОВ в университете направлены на воспитание обучающихся вуза и их становление в качестве учителей, готовых передавать содержание духовно-нравственных ценностей школьникам.

Библиографический список

1. *Лучина Т.И.* «Разговоры о важном» как форма воспитательной работы в педагогическом вузе // *Современные проблемы профессионального образования: тенденции и перспективы развития: сб. ст. IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Калуга, 10 ноября 2023 г. Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2023. С. 182–185.*
2. *Семенов А.А., Аветисян В.Р., Колыванова Л.А.* «Разговоры о важном» как элемент профессиональной подготовки студентов к реализации воспитательной функции // *Современные стратегии в образовании: анализ международных практик,*

национальных традиций и направлений изменений: сб. науч. материалов международного форума «Евразийский образовательный диалог» / под науч. ред. Л.В. Байбородовой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. С. 267–273.

3. *Кондратенко А.П.* «Воспитание искусством или искусство воспитания»: опыт организации интерактивных занятий «Разговор о важном» для студенческой молодежи // Образование Луганщины: теория и практика. 2023. № 3 (34). С. 9–13.
4. *Попова Т.И., Попов А.С., Гусева С.Ю.* Подготовка будущих педагогов к организации разговоров о важном со школьниками // Наука и Образование. 2023. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=61752198> (дата обращения: 04.12.2024).
5. Методические рекомендации по реализации цикла мероприятий «Разговоры о важном» в образовательных организациях высшего образования, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466968/37f13bda8d14e8ee67d6cca9010fd5884b71f277/ (дата обращения: 04.12.20 24).

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ
ПО ТЕМЕ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

THE USE OF PERIODICAL PRINTING MATERIALS
IN HISTORY LESSONS ON THE TOPIC
"THE CIVIL WAR IN THE YENISEI PROVINCE"
FOR CRITICAL THINKING OF STUDENST

Я.С. Якунина

Y.S. Yakunina

Научный руководитель А.В. Толмачева
Scientific adviser A.V. Tolmacheva

Урок истории, 10-й класс, Гражданская война, Енисейская губерния, периодическая печать.

В статье проанализированы возможности использования материалов периодической печати для формирования критического мышления обучающихся на примере урока истории «Гражданская война в Енисейской губернии».

History lesson, 10th grade, Civil War, Yenisei province, periodical press.

The article analyze the possibilities of using periodical materials to form students' critical thinking using the example of the history lesson "Civil War in the Yenisei province".

Гражданская война в России – одна из трудных тем уроков истории в 10-м классе. По федеральной рабочей программе среднего общего образования по истории (для базового уровня) этой теме отводится 4 часа, а 1 час посвящается отдельно региональному компоненту [1]. На таких

уроках главная задача учителя – не просто понятно объяснить материал, заинтересовать учеников, показать им всю важность тех страшных и трагических событий, но и сформировать умение критически осмысливать произошедшее, извлекать уроки и использовать исторический опыт для того, чтобы в будущем предотвратить повторение подобных трагедий. Это можно реализовать на одном из последних уроков, посвященных Енисейской губернии в годы Гражданской войны [2].

При изучении регионального компонента на уроках истории применение различных источников, например исторических документов, архивных материалов, газетных публикаций, формирует у учащихся базовые теоретические знания об этом событии, учит их работать с различными видами источников, анализировать полученную информацию, связывать воедино отдельные части знаний и рассматривать тот или иной аспект развития нашего края и государства, а также использование материалов периодической печати позволяет формировать критическое мышление обучающихся [2].

Использование материалов периодической печати на уроках истории позволяет решить сразу несколько проблем – более глубоко погрузиться в понимание процессов, которые происходили в прошлом, заинтересовать обучающихся изучением предмета истории, сформировать навыки критического анализа источников информации. Проблема противостояния «красного» и «белого» движений на территории Енисейской губернии нашла достаточное отражение на страницах периодической печати времен Гражданской войны и дает возможность рассмотреть и проанализировать образ меньшевиков и большевиков, влияние политики большевиков на складывание будущего Советского государства.

Использование газетной периодики позволяет показать, что и белый, и красный террор имел свои специфические черты. Через применение приемов технологии развития критического мышления возможно показать особенности «белого» и «красного» движений на территории губернии, их социальный состав, можно найти что-то общее между политикой большевиков и меньшевиков. По источникам данной категории мы видим, что, захватив енисейское правобережье у Минусинска, красные партизаны публично заявили о четырех тысячах человек, замученных и расстрелянных на территории этого уезда [3]. Убийства захваченных советских деятелей и красногвардейцев более всего осуществляли бывшие офицеры, городские обыватели и деревенские кулаки. Они мотивировались ненавистью, которую питали униженные в советское время лица к наиболее активным или известным бывшим красным властителям. Организовав погоню за членами Ачинского совдепа, увозившими казну, новые власти задержали 21 красногвардейца и отобрали у них часть денег [4]. Таким образом, карательная деятельность «белого» движения могла выражаться в беспричинных групповых жестоких расправах над большевиками. Чаще всего в состав белых входили офицерство, казачество и чехословаки. Они сочетали в себе элементы насилия и хаоса, при этом не уступая красным.

«Красное» движение, как и «белое», проводит жестокую, кровавую политику. Важно отметить, что периодическая печать периода Гражданской войны по-разному оценивает политику большевиков. В первую очередь, необходимо обратить внимание на политико-идеологическую направленность газеты. Например, «Рабоче-крестьянская газета» была органом Соединенного Исполнительного комитета Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Енисейской губернии. В 108-м номере «Рабоче-крестьянской

газеты» есть интересное «Обязательное постановление Енисейского губернского комиссара труда». Ссылаясь на Декрет о страховании, «политика большевиков» постановила: работодатель обязан страховать своих рабочих, служащих и работающих по найму. Регулярно печатались отчеты о проведенных мероприятиях: открытии и способствованию в развитии центров для развития детей, меры по регулированию уровня безработицы и т.д. Все это формировало положительный образ большевиков у населения губернии [5]. Но были и периодические издания, которые открыто обвиняли большевиков в захвате власти. Так, на страницах просветительно-осведомительной, беспартийной газеты «Ачинский край» резко осуждалась большевистская власть. В рубрике «Дневникъ происшествій» ярко описан отрицательный образ большевиков. Например, приводятся факты грабежей, когда в конце октября ночью банда большевиков явилась в одно село Козульской волости, в результате чего разграбила немало крестьян. Причем сразу же после грабежа группа скрылась [6].

После сравнения и сопоставления двух образов предполагается рассмотреть не просто причины победы большевиков в Гражданской войне, но и влияние их политики на дальнейшее складывание государства. В данном случае можно рассмотреть майский номер газеты «Голос коммуниста» от 1920 г., в котором пишется об одной интересной задаче: превратить субботники в единый Трудовой Субботник и поднять производительность трудового пролетариата, бороться с дезертирами трудового фронта. В газете «Голос коммуниста» призываются все жители Минусинска на борьбу с дезертирством: «Да здравствует свободный Коммунистический труд!», «Вперед на решительный бой!» [7].

После работы с периодической печатью и выполнения упражнений технологии формирования критического

мышления через чтение и письмо обучающиеся могут прийти к следующим выводам: ни большевики, ни меньшевики не имели «мягкой» политики. Все действовали путем террора и старались сохранить власть и авторитет, победить в Гражданской войне. Важно проанализировать и доказать причины их победы, при этом проводя причинно-следственную связь: как большевики, учитывая сложившийся в годы войны образ, смогли построить будущее Советское государство? Необходимо указать, что печальными следствиями этой войны стало разделение страны на «своих» и «чужих». Важно дать понять школьникам, что нет оснований идеализировать большевиков и их противников. Оба лагеря сражались бескомпромиссно, каждый считал свои действия оправданными.

Библиографический список

1. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История (базовый уровень для 10–11 классов образовательных организаций) [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/29_ФРП_История_10-11-классы_база.pdf (дата обращения: 20.11.2024).
2. История России. 10–11 классы: учебное наглядное пособие для школьников. М.: Просвещение, 2024. 176 с.
3. Соха и молот. 1919.
4. Сибирская жизнь. 1918.
5. Рабоче-крестьянская газета. 1918.
6. Ачинский край. 1919.
7. Голос коммуниста. 1920.

УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ ОСОАВИАХИМА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

CONDITIONS OF TRAINING OF OSOAVIAKHIM CADETS
IN THE INTERWAR PERIOD ON THE TERRITORY
OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

К.Р. Филиппова

K.R. Filippova

Научный руководитель Л.Э. Мезит
Research advisor L.E. Mezit

ОСОАВИАХИМ, подготовка кадров, образование, военная подготовка, Советский Союз, межвоенный период.

В контексте стремительной реорганизации и модернизации советских вооруженных сил ОСОАВИАХИМ стал центром подготовки кадров для оборонной индустрии. Рассматриваются ключевые аспекты образовательной программы, включая структурированность курсов, материально-техническую базу, квалификацию преподавателей и интенсивность учебного процесса. Особое внимание уделяется системе мотивации курсантов, которая включала как моральные, так и материальные стимулы. Работа анализирует влияние этих факторов на формирование военно-профессиональной компетентности курсантов и содержит выводы о значимости комплексного подхода в образовательной системе того времени.

OSOAVIAKHIM, personnel training, education, military training, the Soviet Union, the interwar period.

In the context of the rapid reorganization and modernization of the Soviet armed forces, OSOAVIAKHIM became a training center for the defense industry. The key aspects of the educational program are considered, including the structuring of courses, the material and technical base, the qualifications of teachers and the intensity of the educational process. Special attention is paid to the cadets' motivation system,

which included both moral and material incentives. The work analyzes the influence of these factors on the formation of military professional competence of cadets and contains conclusions about the importance of an integrated approach in the educational system of that time.

После окончания Гражданской войны страна оказалась во враждебном окружении, и поэтому укрепление обороноспособности было приоритетной задачей. В данной статье мы анализируем особенности функционирования краевой организации ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству), самой массовой, осуществлявшей подготовку специалистов для оборонной промышленности и военно-технических войск (танковые, авиационные, артиллерийские и т.п.). В межвоенный период в крае действовало 346 первичных ОСОАВИАХИМовских организаций, в которых числилось 16 тысяч курсантов [1].

Краевая организация ОСОАВИАХИМ была создана в 1927 г. Программы обучения курсантов, требования к материально-технической базе учреждений ОСОАВИАХИМ определялись Наркоматом обороны, и на местах их реализовывали с учетом особенностей территории.

Теоретическая часть программы обучения отличалась многоаспектностью и не только включала в себя углубленное изучение военно-технических дисциплин, но и предоставляла возможность курсантам освоить такие важные и актуальные предметы, как военная топография, химия, физика. Особое внимание уделялось тому, чтобы программный материал был не просто набором знаний, а динамично обновлялся, учитывая последние достижения в области технологий, а также текущие изменения в международной обстановке, что позволяло подготовить специалистов, способных эффективно реагировать на различные вызовы. Была разработана система обучения без отрыва от работы на производстве [2].

Для практической подготовки специалистов школы ОСОАВИАХИМа располагали солидной материально-технической базой. Так, в Красноярской школе авиатехников были учебные самолеты У-2, так называемые «летающие парты». Центральная служба ОСОАВИАХИМа прислала инструкторов-летчиков, 5 самолетов, 2 планера, парашюты, учебные пособия [3].

Преподавать пригласили военных пилотов легкоштурмовой авиабригады. Первые учлеты по окончании аэроклуба остались инструкторами: Н. Лукашенко, В. Назаренко, А. Тимошенко и др. Высокий уровень профессиональных знаний и навыков преподавателей способствовал углубленному изучению материалов и эффективному усвоению знаний курсантами. Появление в Красноярске летной школы было связано с тем, что в межвоенный период красноярские летчики совершали сверхсложные перелеты, авиация для региона была необходимостью вследствие территориальной его протяженности.

Курсантами становились молодые люди с 16-летнего возраста, преимущественно члены ВЛКСМ, добровольно пожелавшие овладеть одной из военно-технических специальностей. В условиях когда страна испытывала экономические трудности, курсантам предоставлялись определенные льготы, такие как специализированные столовые, общежития с необходимыми удобствами и медицинское обслуживание. Это создавало комфортную среду для учебы и способствовало сосредоточению на обучении.

Вместе с тем в организации учебной деятельности краевых школ ОСОАВИАХИМа существовали проблемы. Учитывая аграрный характер края, низкий образовательный уровень молодежи, комплектовать школы было непросто [4, д. 398, л. 3].

В архивных документах 1937–1938 гг. регулярно отмечались следующие недостатки в работе краевых организаций

ОСОАВИАХИМа: плохо организованный учет курсантов разных профилей; отсутствие положительной динамики в подготовке значкистов среди курсантов; хищение средств и имущества организации; плохо организованная кампания по набору в аэроклуб [5, д. 732, л. 3–4].

Таким образом, краевая организация ОСОАВИАХИМа была массовой, готовила специалистов, необходимых для оборонной отрасли и вооруженных сил страны, однако в силу выявленных региональных особенностей и проблем не все задачи, стоявшие перед курсантами и преподавателями, решались оперативно и системно.

Библиографический список

1. Мешалкин П.Н., Быконя Г.Ф., Федорова В.И. и др. Красноярск: Очерки истории города. Красноярск: Кн. изд-во, 1988. 372 с.
2. Филиппов В.В. Подготовка авиационных кадров для фронта в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документально-художественное издание. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 308 с.
3. Филиппов В.В. Территория технического творчества. Дорога в небо. Красноярск: Поликор, 2012. 144 с.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 1.
5. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОМПЛЕКСА ГТО: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ (ИЗ ИСТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE GTO COMPLEX:
FROM THE PAST TO THE FUTURE
(FROM THE HISTORY OF THE KRASNOYARSK REGION)

Д.Д. Токманцева

D.D. Tokmantseva

Научный руководитель С.А. Пунтус
Research advisor S.A. Puntus

Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), Красноярский край, физическое и патриотическое воспитание.

В работе предпринята попытка рассмотреть историю физкультурно-спортивного комплекса ГТО сквозь призму развития Красноярского края, анализируются советский опыт физического воспитания и региональный опыт современного периода, дается оценка социально-экономическому и патриотическому значению комплекса ГТО.

All-Russian Physical Culture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (GTO), Krasnoyarsk Krai, physical and patriotic education.

The work attempts to examine the history of the GTO physical culture and sports complex through the prism of the development of the Krasnoyarsk Territory, analyzes the Soviet experience of physical education and regional experience of the modern period, and provides an assessment of the socio-economic and patriotic significance of the GTO complex.

С возрождением в 2014 г. Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) становятся актуальными обращения к научным изысканиям в отношении его советского образца. ГТО выступал в основе системы физического развития граждан СССР,

задавая стандарты и критерии не только для спорта, но и здоровья нации.

7 декабря 1934 г. в рамках административно-территориальной реформы Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление об образовании Красноярского края, представляющего значительный экономический потенциал для государства. Одновременно с образованием нового региона формируется система ГТО. Введение комплекса обуславливалось милитаризацией спорта в конце 1920 – начале 1930-х гг., индустриализацией для модернизации советской экономики. Так, комплекс ГТО становится одним из важнейших инструментов развития общей физической подготовки населения Красноярского края.

В 1937 г. после утверждения «Программы по физической культуре для вузов» внедряется программа по физической культуре, основанная на сдаче нормативов ГТО. 26 ноября 1939 г. СССР модернизировал систему ГТО, утвердив ее специальным постановлением Совета Народных Комиссаров СССР «О введении нового физкультурного комплекса „Готов к труду и обороне СССР“». Снизилось количество нормативов с разделением их на обязательные и факультативные. С началом Великой Отечественной войны возникла потребность в массовой военной подготовке населения, и уже в октябре 1941 г. Красноярский край показал высокую степень вовлеченности в реализацию запланированных мероприятий.

Перед физкультурными организациями ставится задача обучить кандидатов для получения знаков ГТО. Однако несмотря на хорошие результаты в первой половине 1941 г., во второй половине этого года результаты значительно снизились. Причиной послужили отправка физически способных людей на фронт, нехватка инструкторов по физкультуре и поверхностный подход краевого комитета.

Власти Красноярска с ноября 1941 г. начали вовлекать рабочих в процесс выполнения физкультурного комплекса.

Утверждается местная комиссия по ГТО для контроля учебных групп. Инспекторам и преподавателям поручались организация занятий по ГТО, создание расписания для экзаменационных испытаний и точный учет результатов.

В военное время проводилась активная пропаганда ГТО. К лету 1942 г. успехи в подготовке возросли, а уже в августе инструкторы ДСО «Буревестник» и «Спартак» обучили 88 человек до уровня ГТО первой ступени и подготовили 26 инструкторов по различным направлениям. Партийное управление поддерживало спортивных руководителей, и 15 июля 1942 г. краевой комитет физкультуры и спорта учредил награды для лучших в физической подготовке и укреплении обороноспособности.

28 июля 1942 г. Всесоюзный комитет по физкультуре и спорту при Совнаркоме СССР изменил комплекс ГТО для военных условий, добавив испытания: бросок связок гранат, преодоление водных препятствий, ползание и штыковая атака. 4 сентября 1942 г. краевой комитет ФКиС Красноярска установил новые требования для выполнения норм ГТО и прекратил прием старых нормативов.

В период военных лет комплекс ГТО играл ключевую роль в физической подготовке жителей Красноярского края. Участники осваивали методы самоконтроля, первой помощи и расширяли знания о культуре физических упражнений. Значки ГТО служили образцом для подражания, а положительные изменения продолжались до завершения военных действий.

В 1959 г. произошли изменения в системе ГТО. Исключаются испытания, ранее предоставляемые на выбор, а также большинство военно-прикладных нормативов, вводится балльная система оценки. Это стимулировало развитие физкультуры и спорта в стране. С 1959 по 1960 г. высшие учебные заведения Красноярского края выпустили 863 человека с знаком ГТО первой степени и одного мастера спорта СССР.

С возобновлением работы комплекса ГТО в 2014 г. Красноярский край стал одним из двенадцати пилотных регионов по его восстановлению. В 2015 г. прошла общекраевая декада ГТО для учеников, на котором 326 участников получили первые знаки отличия. В 2016 г. прошли акции по повышению квалификации судей в рамках программы ГТО. В 2017 г. программу ГТО интегрировали в краевую спартакиаду среди высших учебных заведений. Первое место заняла команда Сибирского юридического института МВД России, второе – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, третье – Сибирский федеральный университет.

Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» продолжает совершенствоваться, привлекая все больше желающих к подготовке и сдаче нормативов. Сегодня Красноярский край является одним из ведущих регионов в осуществлении программы ГТО. Мы верим, что ГТО станет занимать еще большее место в социально-экономическом развитии Красноярского края, не только обеспечивая повышение уровня здоровья населения путем вовлечения его в занятия спортом и здоровым образом жизни, но и возрождая лучшие отечественные традиции патриотической и физкультурной направленности.

Библиографический список

1. *Кимейша Б.В.* Состояние физкультурных кадров Западной Сибири в 80–90-е годы прошлого века // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 1 (179). С. 172–175.
2. *Кухта С.В.* Военно-спортивная подготовка молодежи Красноярского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (по документам КГКУ «ГАКК») // Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–3 декабря 2015 г. Красноярск: Резонанс, 2015. С. 75–80.

**ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНОВ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В СТАРШИХ КЛАССАХ**

THE USE OF DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES
FOR THE STUDY OF REGIONS
IN THE INTERWAR PERIOD IN HIGH SCHOOL

Д.А. Белов

D.A. Belov

Научный руководитель **Е.С. Меер**
Research adviser **E.S. Meer**

Цифровые образовательные технологии, Азия, Африка и Латинская Америка в межвоенный период, интерактивные карты, ленты времени, виртуальные доски, платформы для опроса.

В статье подчеркивается важность использования цифровых образовательных технологий при изучении истории регионов в межвоенный период в старшей школе на примере Азии, Африки и Латинской Америки. Обсуждается применение различных инструментов, таких как интерактивные карты, ленты времени, виртуальные доски и платформы для опроса.

Digital educational technologies, Asia, Africa and Latin America in the interwar period, interactive maps, timelines, virtual boards, survey platforms.

This article highlights the importance of using digital educational technologies in the study of regional history in the interwar period in high school, using examples from Asia, Africa and Latin America. The use of various tools such as interactive maps, timelines, virtual boards and survey platforms is discussed.

Применение цифровых образовательных технологий в преподавании истории приобретает все большее

значение в контексте современных образовательных стандартов [1]. Информационно-образовательная среда организации, осуществляющей образовательную деятельность, включает комплекс информационных образовательных ресурсов, в том числе цифровые образовательные ресурсы; совокупность технологических средств ИКТ: компьютеры, иное информационное оборудование, коммуникационные каналы; систему современных педагогических технологий, обеспечивающих обучение в современной информационно-образовательной среде [2]. Цифровизация учебного процесса позволяет существенно повысить вовлеченность учащихся и сделать обучение более адаптивным и эффективным. В данном исследовании мы определим возможности цифровых образовательных технологий при рассмотрении истории малоизучаемых регионов (Азии, Африки и Латинской Америки) в межвоенный период в 10-м классе. В качестве источников используются учебник по всеобщей истории В.Р. Мединского и А.О. Чубарьяна для 10-го класса и привлеченные для повышения качества образовательного процесса цифровые ресурсы.

Анализ учебника показывает наличие скромного учебного материала в параграфах 10–11 «Страны Азии, Африки и Латинской Америки в 1918–1930-е гг.» [3, с. 116–128]. Столь обширная тема не обеспечена картой. Поэтому можно использовать в классе при наличии проектора интерактивные карты, отражающие ключевые события и изменения в политической географии в межвоенный период. Учащиеся могут визуально отслеживать, как менялись границы, вплоть до года или десятилетия, какие страны образовывались и какие конфликты происходили. Простым и доступным подспорьем для педагога будет всемирный исторический атлас – интернет-сервис GeaCron [4].

Цифровые технологии могут помочь создавать короткие временные ленты для демонстрации последовательности ключевых событий. Для стимулирования заинтересованности детей в получении нового знания, учитывая их клиповое мышление, можно использовать Tiki-Toki Timeline Maker [5]. Это онлайн-приложение, создающее временные ленты в трех измерениях. Оно прекрасно подойдет для изучения имеющихся в учебнике Китая и Индии [3, с. 121–125]. Делая ленту времени, мы обращаем внимание на гражданскую войну Гоминьдана и коммунистов, показываем, что лидеры Чан Кайши и Мао Цзэдун стояли у истоков формирования современного Китая. С ее помощью можно продемонстрировать зависимость Индии от Великобритании, а также формирование национально-освободительного движения и идей Махатма Ганди.

Для закрепления материала виртуальная доска предоставляет множество интересных возможностей. Например, сервис Padlet [6]. Ввиду гибкости доски и оборудования в школе учитель будет сам задавать «тон» закрепления. Учащиеся могут выходить и заполнять пройденные пункты, или же учитель заранее может написать на ней тезисы об изучаемых регионах. Поработать с анализом исторических документов будет легче на виртуальной доске. Можно разместить текстовые фрагменты документов или цитаты и предложить ученикам обсудить, как они отражают основные идеи или настроения времени. Например, что говорит цитата Неру о роли Ганди в борьбе за независимость?

При должном опыте учителя в работе с группами виртуальная доска будет одним из лучших вариантов. Можно дать задания разного уровня сложности. При первом варианте на основе текста учебника ученики наносят на карту территории азиатского, африканского и латиноамериканского регионов, которые затронули колониальные движения.

Идет работа с простыми источниками, выделяются ключевые понятия и даты, даются ответы на вопросы. Во втором варианте группа осуществляет анализ и интерпретацию исторических событий. Она получает задание на анализ ситуационных кейсов (например, дать характеристику последствиям межвоенного периода для одной из стран Азии, Африки, Латинской Америки). Делается упор на сравнении и выявлении причинно-следственных связей. В третьем случае в группе формируются навыки критического мышления и выработки собственной позиции. Можно провести дебаты, в ходе которых ребята представляют интересы определенной стороны или идеологического движения.

Есть множество ресурсов, которые облегчают учителю проверку знаний. Это тесты с использованием Kahoot [7] или Quizizz [8]. Эти платформы позволяют видеть ответы каждого ученика в реальном времени, что помогает учителю оценить уровень понимания материала. Есть Google Forms [9] с функцией автопроверки. Тест можно настроить так, чтобы он включал вопросы с короткими ответами, которые требуют анализа, случайным образом менял вопросы, вводил ограничение по времени.

В условиях современных образовательных стандартов использование цифровых технологий в преподавании истории становится не просто актуальным, но и необходимым. Данная работа демонстрирует, что интеграция цифровых образовательных технологий в перспективе может значительно повысить вовлеченность учащихся и улучшить их понимание сложных исторических процессов. Однако нужно учитывать, как правильно их можно интегрировать в образовательную практику. Также требуется определенный уровень сформированности компетенций для их использования у преподавателя и обучающихся.

Библиографический список

1. *Буримский Н.А., Голованов Р. В.* Применение цифровых технологий в изучении истории // Молодой ученый. 2024. № 9 (508). С. 305–307. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/508/111671/> (дата обращения: 01.11.2024).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413) [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot17122010-n-1897/> (дата обращения: 01.11.2024).
3. *Мединский В.Р., Чубарьян А.О.* История. Всеобщая история. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. М.: Просвещение, 2023. 240 с.
4. GeaCron: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://geacron.com/home-ru/?lang=ru> (дата обращения: 02.11.2024).
5. Tiki-Toki Timeline Maker: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tiki-toki.com/> (дата обращения: 02.11.2024).
6. Padlet: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://padlet.com/> (дата обращения: 02.11.2024).
7. Kahoot: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kahoot.com/> (дата обращения: 02.11.2024).
8. Quizizz: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://quizizz.com/?lng=ru> (дата обращения: 02.11.2024).
9. Google Forms: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.co.ug/forms/about/?hl=ru> (дата обращения: 02.11.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИСКИНА Дарья Евгеньевна – студентка 3 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ariskina.darya@yandex.ru

БАЛИНА Татьяна Геннадьевна – кандидат педагогических наук, заведующая учебной частью, филиал Волгоградского государственного института искусства и культуры (Камышин); e-mail: balina.t75@mail.ru

БЕЛОВ Дмитрий Андреевич – магистрант 2 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Linaff77@mail.com

БОГОМОЛОВ Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь (Москва); e-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

БРОВКО Владислав Игоревич – магистрант 2 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vladisalv117@gmail.com

БУДЕНКОВА Анна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: anna_budenkova_@mail.ru

БУРМАКИНА Галина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и экологии человека, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: burmakinagalina@rambler.ru

БУХАЕВА Екатерина Сергеевна – студентка 4 курса экономического факультета, Мелитопольский государственный университет; e-mail: k.eeettyu@gmail.com

БУРЛАКОВА Анна Павловна – студентка 2 курса Центра подготовки специалистов среднего звена, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: burlakovaa321@gmail.com

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории, Академия ФСИН России (Рязань); e-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

ВОРОБЬЕВ Алексей Николаевич – магистрант 2 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: politscience@mail.ru

ВОРОШИЛОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nv-voroshilova@mail.ru

ВЯЧИСТАЯ Анастасия Васильевна – ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: nastyamun@mail.ru

ГАЙДИН Сергей Тихонович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: gaydinsergey@rambler.ru

ГОЛИК Эрика Дмитриевна – студентка 4 курса экономического факультета, Мелитопольский государственный университет; e-mail: akire.golik@gmail.com

ГОНИНА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: nvg7@mail.ru

ГРИГОРЬЕВ Данил Павлович – курсант 4 курса, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск); e-mail: gririevdanil@gmail.com

ДАШКОВ Данила Сергеевич – магистрант 2 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dashkov_danila@mail.ru

ЕСИН Роман Сергеевич – учитель истории и обществознания, средняя школа № 93 им. Героя Социалистического труда М.М. Царевского (Железногорск); e-mail: Silvarium@mail.ru

ЗАИКА Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zaika_al@mail.ru

ЗАМАХАЕВ Владислав Владимирович – магистрант 2 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zamakhaevvv@gmail.com

ЗАХАРЯН Вадим Самвелович – магистрант 1 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dk.zvs@mail.ru

ЗБЕРОВСКАЯ Елена Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zberovskay@mail.ru

ЗУБЕЦ Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусств и гуманитарных наук, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова (Москва); e-mail: dfiruser@mgphu.ru

ИГНАТЕНКО Владимир Александрович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: ignatenko.well@mail.ru

ИЩЕНКО Дарья Евгеньевна – курсант 3 курса, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск);
e-mail: darya.ishchenko.04@inbox.ru

КАНАЕВ Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: kanaevs@mail.ru

КОВАЛЕНКО Михаил Геннадьевич – научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей;
e-mail: MihailHist@yandex.ru

КРУЖАЛИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Иркутский государственный университет; e-mail: kliokrua@yandex.ru

КУЗОРО Кристина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и музеологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: clio-2002@mail.ru

КУРОПОВ Максим Сергеевич – студент 3 курса института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; e-mail: maksimkuropov914@gmail.com

ЛОМАКО Марк Витальевич – студент, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова (Москва); e-mail: balina.t75@mail.ru

МАЛЬЦЕВА Мария Павловна – магистрант 1 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: masha.maltseva.2000@mail.ru

МАТВЕЕВА Эльвира Борисовна – студентка 4 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elya.matveyeva@gmail.com

МЕДВЕДЕВА Ульяна Александровна – студентка 2 курса Центра подготовки специалистов среднего звена, Красноярский государственный аграрный университет;
e-mail: medvedevaulana03@gmail.com

МЕЕР Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: jenumeer13@gmail.com

МЕЗИТ Людмила Эдгаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: mezit@yandex.ru

МОТЫЛЕВА Ксения Артемовна – студентка 3 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: ksenya.moteleva@mail.ru

ОРЕХОВА Ангелина Алексеевна – магистрантка 2 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: orekhovaaa@kspu.ru

ОРЛОВ Егор Игоревич – студент 3 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: orlow.ornl@yandex.ru

ПОЛУНИН Евгений Александрович – магистрант 2 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: trudselo@gmail.com

ПОПЕЛЫШКО Дарья Владимировна – студентка 5 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: Dasha.popelyshko@mail.ru

ПУНТУС Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, начальник учебного отдела, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск); e-mail: puntus_sergey@mail.ru

РИХТЕР Виктория Станиславовна – студентка факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: vikirixter@mail.ru

РОЖНЕВА Светлана Сергеевна – кандидат политехнических наук, доцент кафедры политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; e-mail: rozhneva@mail.ru

САМСОНОВ Семен Сергеевич – студент 3 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: semyon-krsk-24@yandex.ru

СЕМЬКИН Евгений Иванович – ассистент кафедры истории и политологии; аспирант 2 курса, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: salvadorrr033@gmail.com

СКЛЯРЕНКО Никита Сергеевич – магистрант 2 курса факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: nik_sklyarenko@mail.ru

ТОКМАНЦЕВА Диана Денисовна – курсантка 3 курса, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск); e-mail: dianatokman005@mail.ru

ФЕДОРОВА Вера Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vi-fedorova@yandex.ru

ФИЛИПШОВА Карина Ренатовна – студентка 4 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: filippova.kar@yandex.ru

ЦЕНЮГА Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: serzen@kspu.ru

ЧАВКИНА Олеся Викторовна – независимый исследователь (Канск); e-mail: lesya.chavkina@mail.ru

ЧИКИШЕВА Екатерина Владимировна – магистрант 2 курса факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: chikishevakaterina@gmail.com

ЭБЕРХАРДТ Марина Валерьевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: eberhardt_m@mail.ru

ЯКУНИНА Яна Сергеевна – студентка 4 курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yanohka050607@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ

Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А.

Съезд по созданию института исследования Сибири (январь 1919 г.)
о необходимости изменения отношений с центральной властью
в деле изучения и развития Сибирского региона 5

Коваленко М.Г.

Понятие сепаратизма в идеологии сибирского областничества 12

Есин Р.С.

К вопросу об административном устройстве территории
современного Красноярского края
во время коллективизации в 1930–1934 гг. 17

Кружалина А.А.

«Выборгское воззвание» и его влияние
на общественно-политическую жизнь провинции 22

Бухаева Е.С.

Исторические модели развития банков в регионах 30

Голик Э.Д.

Налоги в России: от дани до цифровой трансформации 34

Куропов М.С., Рожнева С.С.

Опыт создания национальной муниципальной автономии в Карелии:
Вепсская национальная волость 39

Скляренко Н.С.

Социальный состав слепых в Томской губернии
(по материалам переписи населения Российской империи 1897 г.) 44

Чикишева Е.В.

Социокультурный портрет прихожан на основе материалов переписи
населения 1897 г. (на примере прихода села Мальково
Тюменского уезда Тобольской губернии) 48

<i>Григорьев Д.П.</i> История красноярского «Динамо»: региональный опыт развития (на пути к 100-летию юбилею).....	53
<i>Ищенко Д.Е.</i> Теория и практика регионального управления: исторические модели и российская практика	58
<i>Дашков Д.С.</i> Культурные контакты СССР со странами Запада в 1950–1980-е гг. в воспоминаниях жителей Красноярского края	63
<i>Воробьев А.Н.</i> Истинно-православные христиане в Красноярском крае в 1960-х гг.	68
<i>Якунина Я.С.</i> Создание и активная деятельность военного городка на территории Красноярского края	73
<i>Арискина Д.Е., Орлов Е.И.</i> Особый конституционный статус Польши и Финляндии в составе Российской империи	77
<i>Матвеева Э.Б.</i> Вклад ученых Ленинграда в дело Победы на Сибирской земле	82
<i>Бурлакова А.П.</i> «Суд должен продолжаться»: изображение проблемы сексуального насилия над женщиной в советском пропагандистском кино	87

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ: МИРОВОЙ ОПЫТ

<i>Канаев А.Г.</i> Кремона XI в. в политическом пространстве Священной Римской империи	93
<i>Меер Е.С.</i> Вандея и Шуанерия во французском художественном кино	97

<i>Буденкова А.В.</i> Колониальный контекст в современной внешней политике Австралии	103
<i>Рихтер В.С.</i> Миграционный вопрос в предвыборной риторике Д. Трампа в 2016 и 2020 гг.	109
<i>Чавкина О.В.</i> Борьба с преступностью в Германии в раннее Новое время	115
<i>Семькин Е.И.</i> «Heimkehr»: образ русского плена в немецком игровом кино эпохи интербеллума	121
<i>Медведева У.А.</i> Гионские сестры в «Яме», или Отражение изменения института гейш в Японии периода модернизации	126
<i>Бровко В.И.</i> Трансформация понятия «империя» в современную эпоху.....	131
<i>Замахеев В.В.</i> Сохранение культурной памяти об интернировании японцев в годы Второй мировой войны: федеральные и региональные практики коммеморации в США.....	137
<i>Полунин Е.А.</i> Империи в современном мире: сравнительный анализ классической и современной концепций	142
<i>Мотылева К.А.</i> Геноцид коренных народов США в XX в. на примере резервации осейдж	147
<i>Попельшико Д.В., Эберхардт М.В.</i> Цивилизационный подход в современной гуманитарной науке: актуальность и проблемы.....	154
<i>Самсонов С.С.</i> Фронтирная история Америки: отношение центральной власти к движению на запад.....	159

<i>Богомолов С.А.</i> Концептуализация пространственной структуры в имперских государствах	164
--	-----

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

<i>Зберовская Е.Л.</i> Современные учебники по региональной истории (опыт учебно-педагогического округа Приенисейской Сибири)	172
---	-----

<i>Ворошилова Н.В.</i> Реформирование школьного образования в годы перестройки: региональный аспект	177
---	-----

<i>Пунтус С.А.</i> Система ведомственных образовательных организаций в регионах: исторический опыт подготовки полицейских кадров и взгляд в будущее	182
--	-----

<i>Игнатенко В.А.</i> Университетский устав 1884 г. как пример поворота политики России в сторону консерватизма	187
---	-----

<i>Васильева С.А.</i> Опыт введения компонента ведомственной истории в историческое образование в вузах ФСИН России	193
---	-----

<i>Балина Т.Г.</i> Музейные экспозиции в формировании историко-культурной памяти как важное направление духовного воспитания подростающего поколения	199
---	-----

<i>Ломако М.В.</i> Историко-культурная память страны в музеях Москвы как аспект формирования образа российской государственности	206
--	-----

<i>Мальцева М.П.</i> Коммеморация исторических деятелей в пришкольном пространстве города Красноярск	212
--	-----

<i>Захарян В.С.</i> Развитие патриотизма в современной школе Красноярск	216
--	-----

<i>Орехова А.А.</i> «Разговоры о важном» в педагогическом вузе: опыт организации занятий со студентами КГПУ им. В.П. Астафьева.....	220
<i>Якунина Я.С.</i> Использование материалов периодической печати на уроках истории по теме «Гражданская война в Енисейской губернии» для формирования критического мышления обучающихся	225
<i>Филиппова К.Р.</i> Условия обучения курсантов ОСОАВИАХИМа в межвоенный период на территории Красноярского края.....	230
<i>Токманцева Д.Д.</i> Становление и развитие комплекса ГТО: от прошлого к будущему (из истории Красноярского края)	234
<i>Белов Д.А.</i> Применение цифровых технологий для изучения регионов в межвоенный период в старших классах	238
Сведения об авторах	243

Осенняя научная сессия
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.
ЦЕНТР И РЕГИОНЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Материалы XIX Всероссийской научной конференции

Красноярск, 21 ноября 2024 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ
им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 27.01.25.
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 15,9